

Годъ 1.

1907.

ОТКЛЮЧКИ

НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— **И** —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 5 и 6.

Май и Июнь.

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГА

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

2 Января 1907 года, № 2:

По Виленскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ Минской губерніи **Товаровъ** съ 28 сентября 1905 г. и Гродненской губерніи, **Навлинскій** съ 1-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: штатные врачи при начальныхъ еврейскихъ училищахъ: Лидскомъ, **Варшавскій**—съ 5-го іюля 1903 г. и Пинскомъ, **Блюменталь**—съ 1-го сентября 1899 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: штатный врачъ Бѣльскаго городского училища, **Мазья**—съ 5-го августа 1903 г.; учитель-инспекторъ Чечерскаго городского училища **Орловскій**—съ 11-го марта 1903 г.; завѣдывающій Быховскою низшею ремесленною школою **Портнаго**—съ 9-го марта 1900 г.; учитель Оршанскаго городского училища **Новосвѣтовъ**—съ 1-го августа 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Минскаго 1-го **Щука**—съ 1-го августа 1906 г.; Слонимскаго, **Ланна**—съ 11-го сентября 1904 г. и Виленскаго 2-го, **Березко**—съ 1-го сентября 1905 г. и Виленскаго 1-го, сверхштатный **Василенко**—съ 1-го сентября 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя городскихъ училищъ: Брестскаго,

Петкевичъ—съ 16-го августа 1903 г., Новогрудскаго, **Дубковъ**—съ 1-го ноября 1903 г., Рѣчицкаго, **Чувардинскій**—съ 16-го августа 1903 г., Рогачевскаго, **Захаринъ** (онъ же Захарикъ)—съ 14-го января 1902 г., Могилевскаго, **Ивановскій** и Гомельскаго, **Томашевъ**, оба—съ 16-го августа 1903 г.; сверхштатный учитель Виленскаго 1-го городского училища **Лосковичъ**—съ 1-го августа 1903 г.; дѣлопроизводитель при директорѣ народныхъ училищъ Виленской губерніи **Цераскій**—съ 20-го марта 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: сверхштатный учитель Могилевскаго городского училища **Виталь**—съ 6-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: старшіе учителя: Виленскаго 5-го мужскаго приходскаго училища, **Клименко**—съ 1-го сентября 1905 г. и Лидскаго приходскаго училища, **Голубовичъ**—съ 1-го сентября 1904 г.; младшій учитель Виленскаго 7-го приходскаго училища **Тиминскій**—съ 14-го сентября 1904 г.; почетный смотритель Слонинскаго городского училища **Акининъ**—съ 11-го мая 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Трокскаго приходскаго училища **Дудчицъ**—съ 7-го октября 1903 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ; Минскаго 1-го **Крачина**—съ 1-го августа 1902 г., Лидскаго, **Паллу**—съ 1-го іюля 1902 г., Гомельскаго, **Здитовецкій**—съ 1-го августа 1901 г., Мстиславскаго, **Меркуловъ**—съ 1-го сентября 1901 г., Брестскаго, **Ваткевичъ**—съ 1-го августа 1901 г. и Бѣлостокскаго: **Лѣшукъ**—съ 1-го іюля 1901 г. и **Ивановъ**—съ 1-го августа 1901 г.

24 февраля 1907 года, № 12:

По Кіевскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ гор. Кіева **Забузскій**—съ 1-го октября 1905 г. и 4 района Кіевской губерніи **Коломацкій**—съ 1-го іюня 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: врачъ бердичскаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго училища **Шеренцисъ**—съ 1-го іюля 1906 г.; врачъ при балтскомъ одноклассномъ начальномъ еврейскомъ училищѣ **Лемельманъ**—съ 25-го іюля 1900 г.; инспекторъ народныхъ училищъ 9-го

района Черниговской губерціи **Зеровъ**—съ 1-го іюля 1905 г.; инспекторъ народныхъ училищъ 2-го района Черниговской губерціи **Мельниковъ**—съ 1-го іюля 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надборные совѣтники*: учитель остерскаго трехкласснаго городского училища **Гарбузовъ**—съ 1-го февраля 1906 г.; штатный смотритель кіевскаго 1-го городского двухкласснаго училища **Рознатовскій**—съ 1-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: штатный смотритель каневскаго двухкласснаго городского училища **Дорошенко**—съ 6-го сентября 1905 г.; учитель чигиринскаго двухкласснаго городского училища **Кривченко**—съ 1-го февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя: лѣтчи夫скаго городского двухкласснаго училища, **Соколовскій**—съ 1-го августа 1902 г., звенигородскаго городского двухкласснаго училища **Сивчиковъ**—съ 1-го ноября 1904 г. и луцкаго двухкласснаго городского училища, **Цисинъ**—съ 8-го марта 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: ковельскаго городского двухкласснаго училища, **Харченко**—съ 9-го сентября 1902 г.; смѣлянскаго городского четырехкласснаго училища, **Брацюкъ**—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель-завѣдывающій ставищенскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ **Сугакъ**—съ 15-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель чистописанія, черченія и рисованія староконстантиновскаго городского двухкласснаго училища **Голдасвичъ**—съ 1-го августа 1904 г.; завѣдывающій бердичевскимъ вторымъ городскимъ приходскимъ училищемъ **Серегинъ**—съ 9-го октября 1905 г., учитель телѣжинскаго однокласснаго приходскаго училища **Костецкій**—съ 21-го января 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель приготовительнаго класса балтскаго городского двухкласснаго училища **Андреевъ**—съ 1-го сентября 1906 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника*: завѣдывающій кагарлыкскою низшею ремесленною школою **Роцувкинъ**—съ 1-го февраля 1902 г.; учитель-инспекторъ бердичевской школы ремесленныхъ учениковъ **Боголѣновъ**—съ 1-го іюля 1899 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель кролевецкаго трехкласснаго городского училища **Гладилинъ**—съ 15-го февраля 1902 г.; *губернскаго секретаря*, учитель житомірскаго двухкласснаго городского училища

Дергачевъ—съ 26-го февраля 1902 г.; *коллежскаго регистратора*: учителя чистописанія, черченія и рисованія: новгород-волынского двухкласснаго городского училища, **Мельниковъ**—съ 1-го января 1902 г., гайсинскаго двухкласснаго городского училища, **Овчаровъ**—съ 1-го октября 1902 года.

2-го марта 1907 года, № 15:

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: смотритель-учитель каахкинскаго двухкласснаго желѣзно-дорожнаго училища **Барханъ**—съ 1-го сентября 1902 г. и помощникъ смотрителя чарджуйскаго мужскаго двухкласснаго желѣзно-дорожнаго училища **Лизаревъ**—съ 1-го января 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя двухклассныхъ желѣзно-дорожныхъ училищъ: кизиль-арватскаго мужскаго, **Рыбкинъ**—съ 25-го февраля 1902 г. и каахкинскаго, **Пейфасоръ**—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель-завѣдывающій самаркандскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ **Долженко**—съ 5-го февраля 1903 г.; учитель красноводскаго приходскаго двухкласснаго училища **Соловьевъ**—съ 31-го августа 1883 г.; учителя-завѣдывающіе приходскими училищами и школами: чернорѣченскимъ, **Василій Сикеотовъ**—съ 1-го августа 1900 г., ключевскимъ, **Иванъ Сикеотовъ**—съ 1-го авг. 1904 г., мамаевскимъ **Петръ Сидоровъ**—съ 1-го августа 1906 г., романовскимъ, **Копнеръ**—съ 1-го августа 1906 г., аулісатинской русско-туземной школой, **Колесниковъ**—съ 1-го августа 1906 г., казалинскимъ, **Кондратьевъ**—съ 1-го іюля 1906 г., покровскимъ **Дубровинъ**—съ 1-го сентября 1905 г., михайловскимъ, (бывшій) **Лисицкій**—съ 1-го іюля 1906 г., чимкентской русско-туземной школой, **Сташковъ**—съ 1-го августа 1905 г., кауфманскимъ, **Михаилъ Сидоровъ**—съ 1-го сентября 1906 г., 2-й ташкентской русско-туземной школой, **Калининъ**—съ 15-го августа 1906 г., ташкентскимъ **Жуковскимъ** мужскимъ, **Дорошевъ**—съ 1-го августа 1906 г., никольскимъ мужскимъ **Астафьевъ**—съ 1-го августа 1906 г., ташкентскимъ Гоголевскимъ мужскимъ, **Семеновъ**—съ 1-го августа 1906 г., въ *коллежскіе регистраторы*: учителя завѣдывающіе училищами и школами: меркенской русско-туземной, **Андреевъ**—съ 1-го августа 1905 г., чалдоварскимъ приходскимъ, **Яшковъ**—съ 1-го

іюля 1904 г., троицкимъ приходскимъ, **Михайловъ**—съ 24-го августа 1904 г., 4-й ташкентской русско-туземной, **Максимовъ**—съ 1-го августа 1905 г., искентскимъ русско-туземнымъ, **Вичъ**—съ 1-го октября 1904 г., ташкентскимъ русско-туземнымъ двухкласснымъ, **Калгоновъ-Андреевъ**—съ 1-го августа 1905 г., сукулукскимъ русско-туземнымъ (бывшій), **Никольскій**—съ 6-го ноября 1902 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря* учитель смотритель долгинскаго двухкласснаго училища, **Рюковъ**—съ 1-го сентября 1902 г., *коллежскаго регистратора* помощникъ учителя вѣрненскаго городского трехкласснаго училища, **Тугаринъ**—съ 1-го сентября 1901 г.

17-го марта 1907 г. № 17:

По московскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Владимірской губерніи, **Декатовъ**, Нижегородской губерніи, **Залипаевъ**, Смоленской губерніи, **Нагродовъ**, всѣ трое—съ 1-го марта 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, **Сухоруковъ**—съ 1-го іюля 1905 г.; врачъ и преподаватель гигиены нижегородскаго четырехкласснаго городского училища, **Аврамовъ**—съ 24-го сентября 1905 г.; врачъ иваново-вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, **Цалкинъ**—съ 25-го января 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель-инспекторъ сѣвскаго городского училища, **Головачевъ**—съ 10-го марта 1904 г.; учителя: бѣжицкой школы ремесленныхъ учениковъ при брянскомъ заводѣ, **Донченковъ**—съ 12-го сентября 1905 г., чухломскаго сельско-хозяйственно-ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова, **Черняевъ**—съ 31-го іюля 1904 г.; муромскаго городского трехкласснаго училища, **Наумовъ**—съ 1-го октября 1904 г., вязниковскаго городского четырехкласснаго училища, **Кульковъ**—съ 1-го іюля 1904 г., арзамасскаго четырехкласснаго городского училища, **Цыбышевъ**—съ 1-го сентября 1906 г. и **Козыревъ**—съ 15-го октября 1902 г., богородскаго городского училища **Богдановъ**—съ 15-го августа 1906 г., елецкаго городского училища **Киселевъ**—съ 10-го февраля 1905 г., макарѣвскаго ремеслен-

наго училища имени **Θ. В. Чигова, Лебедевъ**—съ 11-го марта 1906 г., елецкаго городского училища, **Рябининъ**—съ 1-го марта 1901 г.; сверхштатный учитель 1-го смоленскаго городского училища **Θедоровъ**—съ 13-го февраля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: завѣдывающій подольскою низшею ремесленною школою **Егерманъ**—съ 21-го августа 1903 г.; учитель школы ремесленныхъ учениковъ нижегородскихъ цеховыхъ, **Преображенскій**—съ 7-го декабря 1905 г.; учителя: тарусскаго городского трехкласснаго училища: **Глухаревъ**—съ 1-го августа 1904 г. и **Осиновъ**—съ 1-го апрѣля 1905 г., жиздринскаго Михайловскаго городского училища, **Умовскій**—съ 1-го августа 1905 г., сергачскаго двухкласснаго городского училища, **Θедоровъ**—съ 1-го іюля 1905 г.; (сверхштатный) елецкаго городского училища, **Війтолинъ**—съ 1-го августа 1905 г., мценскаго городского училища, **Заусайловъ**—съ 1-го августа 1904 г., (сверхштатный) карачевскаго городского училища, **Зубцовъ**—съ 1 іюня 1906 г., малоархангельскаго городского училища, **Травинскій**—съ 1-го іюля 1899 г., орловскаго городского училища, **Черкасовъ**—съ 12-го августа 1905 г.; учитель-завѣдывающій 2-мъ брянскимъ городскимъ училищемъ, **Семеновъ**—съ 1-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: почетный смотритель несоченской школы ремесленныхъ учениковъ **Шеншлинцевъ**—съ 9-го января 1905 года; учителя: жиздринскаго Михайловскаго городского училища, **Шнейдеръ**—съ 12-го января 1903 г., нижегородскаго четырехкласснаго городского училища, имени св. кн. Владимира, **Хрѣновъ**—съ 3-го іюня 1899 г., брянскаго 1-го городского училища, **Кюдинъ**—съ 20-го августа 1906 г., солодовниковскаго городского училища, **Захаровъ**—съ 15-го августа 1905 г., изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: бывшіе помощники учителя, нынѣ учителя: владимѣрскаго городского четырехкласснаго училища **Тихомировъ**—съ 21-го мая 1901 г., дмитровскаго городского училища, **Дмитріевъ**—съ 30-го ноября 1902 г., помощникъ учителя верейскаго городского училища, **Рыкуновъ**—съ 1-го октября 1905 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощники учителя: богородскаго городского училища, **Шанюшиковъ**—съ 22-го октября 1903 г., клинскаго городского училища **Курнаевъ**—съ 19-го мая 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя:

александровскаго городского приходскаго училища: **Лисицынъ**—съ 1-го мая 1905 г. и **Доброчаевъ**—съ 14-го октября 1905 г., сухиничскаго приходскаго мужскаго училища, **Смирновъ**—съ 15-го мая 1905 г., ардатовскаго городского приходскаго училища, **Перетрутовъ**—съ 16-го декабря 1905 г., трубчевскаго городского мужскаго приходскаго училища, **Красниковъ**—съ 19-го мая 1905 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторы народныхъ училищъ Московской губерніи: коллежскій ассесоръ **Бонковскій**—съ 1-го марта 1902 г. и титулярный совѣтникъ князь **Щетининъ**—съ 1-го апрѣля 1902 г.; *коллежскаго ассессора*: учитель-инспекторъ юрьевскаго городского трехкласснаго училища **Никольскій**—съ 1-го февраля 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*: учителя макарьевскаго ремесленнаго училища имени **Θ. В. Чижова**: **Ворисовъ**—съ 11-го сентября 1901 г. и **Юдинъ**—съ 23 марта 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя: владимірскаго городского четырехкласснаго училища, **Никольскій**—съ 1-го сентября 1901 г., брянскаго 1-го городского училища, **Плотниковъ**—съ 14-го августа 1902 г., дорогобужскаго городского училища, **Мироновъ**—съ 21-го августа 1901 г., каширскаго городского трехкласснаго училища, **Зефиоровъ**—съ 1-го іюля 1901 г.; бывшіе учителя: 1-го тульскаго городского четырехкласснаго училища, **Томиловъ**—съ 21-го августа 1901 года, *коллежскаго регистратора*, бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель киржачскаго городского приходскаго училища **Магницкій**—съ 5-го декабря 1894 г.

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Болословскій, М. М.* Конституціонное движеніе 1730 г. (Библіотека „Свободная Россія“, № 18. Подъ общей ред. С.

П. Мельмунова и П. М. Шестакова). Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1906. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Воскресенскій, А.* Опытъ философской пропедевтики. Часть I. Наука и философія. Орелъ. 1906. Стр. 121. Цѣна 75 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М. В.* Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Современная бібліотека). М. 1905. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М. В.* Реформа общеобразовательной школы при Императрицѣ Екатеринѣ II. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Современная бібліотека). М. 1906. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Физикъ-любитель.* Иллюстрированный журналъ по опытнымъ и прикладнымъ физическимъ наукамъ. Томъ II. 1905/6 академическій годъ. Редакторы-издатели: *К. Чернышевъ* и *В. Рюминъ*. Николаевъ. Столбцовъ 640. Цѣна 3 р.“

— „*Dedekind, Richard.* Непрерывность и ирраціональныя числа. Перевелъ *С. Шатуновскій*. Изданіе „*Mathesis*“. Одесса. 1906. Стр. 33. Цѣна 40 коп.“

— „*Елачичъ, Евсеій.* О жизни на морскихъ глубинахъ. Изданіе Подвижного музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1907. Стр. IV+44. Цѣна 20 коп.“

— „*Кайгородовъ, Дмитрій.* Пернатые хищники. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб 1906. Стр. VIII+128+1. Цѣна 3 р.“

— *Перри, Дж.* Вращающійся волчекъ. Публичная лекція. Переводъ съ англійскаго. Изданіе „*Mathesis*“. Одесса. 1906. Стр. II+96. Цѣна 60 коп.“

— „*Политовскій, Е. С.* Отъ Либавы до Цусимы. По-смертное изданіе. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1906. Стр. VI+267. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „Спаситель міра. 50 картинъ пзъ исторіи земной жизни Спасителя міра. Изданіе П. Смирнова и Д. Дубенскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 35+50 картинъ+1 карта. Цѣна не обозначена.“

— „*Тристрамъ, Г. В.* Восточныя обычаи въ библейскихъ странахъ. Переводъ съ англ. *В. П. Античковой*. 2-е изданіе Императорскаго православнаго Палестинскаго общества. С.-Пб. 1906. Стр. 156. Цѣна 50 коп.“

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета ми-

нистерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Олестницкій, М.* Краткій курсъ педагогики. Выпускъ 1-й. Теорія воспитанія. 3-е изданіе. Кіевъ. 1905. Стр. 147. Цѣна 60 коп.“—признать для учебнаго употребленія непригодной.

— Книгу: „*Солодовниковъ, А. Д.* Законовѣдѣніе. Часть I. Выпускъ 2-й. Изданіе 5-е испр. и доп. Складъ и книгоиздательство Ф. В. Бусыгина. М. 1906.“—исключить изъ числа допущенныхъ къ учебному употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ пизинихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Боголюбовъ, П.* Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариметическихъ задачъ. Изд. 7-е испр. и доп. М. 1906. Стр. 200. Цѣна 40 коп.“

— „*Бубликовъ, М.* Русская школа. Практическій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ). Изд. 2-е, доп. С.-Пб. 1907. Стр. IV+84. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ училищъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски)

— „*Мальшевъ, И.* Руководство къ изученію всеобщей исторіи. Средніе и новые вѣка. Изд. „Петербургскаго учебнаго магазина“. С.-Пб. 1906. Стр. 227+V.“ (для учит. семинарій).

— „*Р., М.* Букварь для киргизскихъ аульныхъ школъ. Оренбургъ. 1905 Стр. 56.

— „*Синяковъ, Пв.* Удареніе въ русскомъ языкѣ. Вильна 1906. Стр. XI+134. Цѣна 65 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія; также для среднихъ среднихъ уч. зав.).

— „Граменицкій, С. Первая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Изд. 6-е. Ташкентъ. 1906. Стр. П+96. Цѣна 30 коп.“

— „Мещерскій, И. Азбука сельскаго хозяйства. С.-П. 1905. Стр. 236. Цѣна 60 коп.“ (для тѣхъ училищъ, въ коихъ преподается сельское хозяйство, а также въ ученическія бібліотеки прочихъ низшихъ учебныхъ заведеній).

— „Мироносицкій, И. П. До-ми-соль. Нотная пѣвческая грамота. По методѣ подвижного до. Начальная ступень обученія С.-Пб. 1906. Стр. 62. Цѣна 50 коп.“

— „Сатаровъ, В. Н. Сборникъ грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Изд. т-ва И. Д. Сытина М. 1907. Вып. I. 1-й годъ обученія. Изд. 3-е. Стр. 30+П. Цѣна 8 коп. Вып. II. (Этимологія и синтаксисъ). Изд. 7-е. Стр. 97+III. Цѣна 20 коп.“

— „Элементарный курсъ русской грамматики и синтаксиса. Состав. „Группой учащихся народныхъ школъ“ подъ ред. И. П. Сахарова. Изд. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова. М. 1906. Стр. 127. Цѣна 25 коп.“

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Ельницкій, К. Преподаваніе педагогики. С.-Пб. 1906. Стр. 28. Цѣна 20 коп.“

— „Ельницкій, К. Школьное обученіе. (Дидактика). Изд. М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1907. Стр. 174. Цѣна 75 коп.“

— „Мещерскій, И. Народная школа и сельское хозяйство. Сборникъ статей. Вып. II. С.-Пб. 1906. Стр. 298.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Анненская, А. Н. Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. С.-Пб. 1906. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“

— „Анненская, А. Н. Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1906. Стр. 158. Цѣна 50 коп.“

— „Архангельскій, С. М. Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Бесѣды сельскагоходака съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 2-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1906. Стр. 140. Цѣна 20 коп.“

— „Бостромъ, Александра. Два мірка. Книга для маленькихъ дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 254. Цѣна 1 руб.“

— „*Жуковский, В. А.* Сказка о Иванѣ царевичѣ и съромя волкѣ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“

— „*Жуковский, В. А.* Спящая царевна. Сказка. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Красноперовъ, С. К.* 1) Пчеловодство. Наглядное пособие для школь и народа. Изд. М. М. Макшеевой. Вятка. 1901. Картина.—2) Руководство къ ней. Вятка. 1901. Стр. 23. Цѣна 2 коп.“

— „*Курпинъ, А.* Бѣлый пудель. Разсказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Музеусъ.* Собраніе нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Часть I. Въ обработкѣ *Ф. Гобмана.* Переводъ *Л. Б. Хавкиной.* Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 238. Цѣна 60 коп.“

— „*Павловъ, А.* Изъ природы. Бесѣды, разсказы и описанія. Изд. А. В. Павлова. М. 1906. Часть I. 4-е изд., перераб. и испр. Стр. VIII+219.—Часть II. 3-е изд. перераб. и испр. Стр. 207. Цѣна каждой части 1 руб.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Крыша. Разсказъ. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. 27. Цѣна 20 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Подвалъ. Повѣсть. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1906. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“

— „*Потъхинъ, А. А.* Крестьянскіе дѣти. 4-е изд. М. 1906. Стр. 258. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Лишній. Повѣсть. Изд. ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 115.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* На землѣ. Сборникъ разсказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 202. Цѣна 75 коп.“

— „Умъ животныхъ. 60 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Съ англійскаго. 4-е изд. В. С. Спиридонова, М. 1906. Стр. 87. Цѣна 50 коп.“

— „*Андерсенъ, Г. Х.* Три сказки. Переводъ съ датскаго *Е. Владиміровой.* Изд. ред. журн. „Юная Россія“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1907. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Бахметева, А. Н.* Какъ Русь освободилась изъподъ татарскаго ига въ 1480 году. 6-е изд., А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— „*Золотаревъ, Л. А.* Когда и какъ нужно поливать

сады и огороды, 3-е изд., испр. и доп. М. 1906. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ (для 2-хкл. сельс. учил.)

— „*Калрина-Гено, Е.* Разказы изъ Ветхаго Завѣта, составленныя по Библіи. С.-Пб. 1906. Стр. 240. Цѣна въ переплетѣ 90 коп.“

— „Наводненіе, Переводъ *А. Н. Рождественской.* (Наводненіе *Ф. Штльмаєна.*—Сказаніе о Гемнигѣ, съ англ.—Слуги королевы. *Р. Киплинга*), Изд. ред. журн. „Юная Россія“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1907. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“

— „*Скворцовъ, П. А.* Въ царствѣ животныхъ. Какъ играютъ и забавляются животныя. Изд. ред. журн. „Юная Россія“ (Библиотека для семьи и школы). М. 1907. Стр. 47. Цѣна 25 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— „*Гуриневичъ, П.* Школьный другъ. Хрестоматія и грамматика въ связи съ уроками правописанія. Изд. бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1906. Стр. XIV+333. Цѣна 75 коп.“ (также для пригот. классовъ средн. уч. зав., съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Зинцовъ, Осмаръ.* Полный русско-татарскій словарь (крымско-татарскаго нарѣчія). Симферополь. 1906. Стр. 120. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ (для русско-татарскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, ниже слѣдующія книги:

1) „*Кржишталовичъ*. Усовершенствованная кустарная обжигательная печь. Общедоступное изданіе Новгородскаго губернскаго земства, № 21. Новгородъ. 1906 г.“—признана заслуживающей вниманія при пополненіи библиотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

2) „*Л. К. Лейхманъ*. Окраска мѣховъ. Изд. К. А. Казначеева. М. 1905 г. Цѣна 80 коп.“—признана заслуживающей вниманія педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается скорняжное производство.

3) „*А. П. Постниковъ*. Элементарный курсъ электротехники. Изд. 2-е М. 1906 г. Цѣна 1 руб. 65 коп.“—признана заслуживающей вниманія педагогическихъ совѣтовъ какъ низшихъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ училищъ и школъ ремесленныхъ учениковъ, въ качествѣ пособія при изученіи элементарной электротехники.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ учебнымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— „*Архангельскій, С. М.* Какъ въ судѣ правое дѣло отстоять. Бесѣды сельскагохода съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 2-е изд. К. П. Тихомирова. М. 1906. Стр. 140. Цѣна 20 коп.“

— „*Берлинъ, Я.* Исторія книги. Культурно-историческій очеркъ. Изд. О. Поповой. С.-Пб. 1906. Стр. 100. Цѣна 15 коп.“

— „*Вахтеровъ, В. П.* Небесныя свѣтила. С.-Пб. 1905. Стр. 159. Цѣна 30 коп.“

— „*Витковскій, В.* Падающія звѣзды. Астрономическая лекція. С.-Пб. 1900. Цѣна 20 коп.“

— „*Дениубскій, Н. П.* Что и какъ наблюдать на небѣ. С.-Пб. 1904. 196. Цѣна 1 руб.

— „*Добрынинъ Л., и Ѳ. Бьлуинъ*. Прикаспійскія степи. (Астраханская губ. и Уральская область). (Геогр. комиссія при учебн. отдѣлѣ общ. распр. техн. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 172+1 карта. Цѣна 45 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М.* Политическій строй древней Руси. Вѣче и князь. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Совр. библиот.). М. 1906. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Довнаръ-Запольскій, М. В.* Церковь и духовенство въ до-монгольской Руси. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Ермиловъ, В.* Идеалы воспитанія. К. Д. Ушинскій. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 28. Цѣна 7 коп.“

— „*Иошитанне, Санномійя, баронъ.* Государственный строй Японіи. Переводъ съ англ. А. П. Цеттиновичъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. Библиот.). М. 1906. Стран. 181. Цѣна 40 коп.“

— *Кичуновъ, Н. И.* Плодоводство. Общедоступное руководство къ разведенію плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. Библиот.) С.-Пб. Стр. 187. Цѣна 50 коп.“ (для читаленъ района западной половины черноморской полосы Россіи).

— „*Клейнъ, Г.* Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. М. 1900. Цѣна 1 руб.“

— „*Клейнъ, Г.* Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ, землѣ и календарѣ. С.-Пб. 1903. Цѣна 1 руб. 20 коп.“

— „*Клейнъ, Г.* Прошлое, настоящее и будущее вселенной. С.-Пб. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Краинскій, Сергій.* Огородная культура картофеля. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 95. Цѣна 50 коп.“

— „*Крюковскій, М.* Міръ чудесъ. Географическая хрестоматія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 363. Цѣна 1 руб.“

— „*Крюковъ, Н. А.* Мысли объ участіи народа въ государственномъ домостроительствѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Современ. библиот.). М. 1906. Стр. 28. Цѣна 8 коп.

— „*Лезинъ, А.* Финляндія. (Геогр. комиссія при учебн. отдѣлѣ общ. распр. технич. знаній). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 150+1 карта. Цѣна 45 коп.“

— „*Мейръ, В.* Мірозданіе. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. С.-Пб. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Морибелъ, С. В.* Чѣмъ, когда и какимъ образомъ

нужно кормить пчелъ въ разныхъ случаяхъ. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 231. Цѣна 65 коп.“

— „Новикъ, И. Д. Государственный строй Англіи. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Соврем. библиот.). М. 1906. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“

— „Ожешкова, Эл. Повѣсти и рассказы. Перевелъ Вуколъ Лавровъ. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. (Библиот. для семьи и школы). М. 1906. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“

— „Озеровъ, Ив. Земское обложение и въ чемъ должна состоять его реформа. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „Парвиль, Г. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. С. П. фонъ-Глазенапа. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1894. Стр. 102. Цѣна 50 коп.“

— „Петровъ, Н. В. Способы уборки и сохраненія сѣна въ дождливую погоду. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „Познискій, Н. В. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „Позняковъ, Н. И. Крыша. Рассказъ. Издатель В. С. Спридионовъ. М. 1906. Стр. 27. Цѣна 20 коп.“

— „Поселянинъ, Е. Русская церковь и русскіе подвижники XVIII вѣка. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1905. Стр. 355+12. Цѣна 1 руб 50 коп.“

— „Предтеченскій, Е. Астрономъ-любитель. С.-Пб. 1902. Цѣна 50 коп.“

— „Самоотверженные. Сборникъ рассказовъ. Изд. маг. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 коп.

— „Соловьевъ, К. Н. Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). С.-Пб. 1906. Стр. 318.“

— „Стровецъ, И. Дешевыя краски. Приготовленіе дешевыхъ клеевыхъ, масляныхъ, казеиновыхъ, специальныхъ, предохраняющихъ дерево отъ воспламененія и водоупорныхъ красокъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“

— „Тихоновъ, А. С. Укрѣпленіе овраговъ при помощи простѣйшихъ сооружений. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1906. Стр. VII+56. Цѣна 50 коп.“

— „Успенскій, Гл. I. Последнее средство. II. Свои сред-

ствія. Книгоиздательство «Жизнь». № 3. М. 1906. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Успенскій, Гл.* Прогулка. Книгоиздательство «Жизнь». № 2. М. 1906. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Успенскій, Гл.* Умерла за «направленіе». Книгоиздательство «Жизнь» № 8. М. 1906. Стр. 48. Цѣна 9 коп.“

— „*Успенскій, Гл.* Чуткое сердце. Книгоиздательство «Жизнь». № 4. М. 1906. Стр. 23. Цѣна 5 коп.“

— „*Фридолинъ, С. П.* О выборѣ молочной коровы при покупкѣ. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1906. Стр. 33. Цѣна 30 коп.“

— „*Черабавъ, Г.* Карликовая культура грушъ на боярышникѣ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“

— „*Чижевъ, Е.* Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1903. Стр. 113+2 табл. Цѣна 25 коп.“

— „*Шульминъ, Г. Н.* Розы, годныя для содержанія въ комнатахъ и ихъ культура. Подъ ред. *И. И. Мамонтова*. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1906. Стр. 70. Цѣна 50 коп.“

— „Ежегодникъ русскаго горнаго общества. Подъ ред. *А. К. фонъ-Меккъ*. I. 1901. М. 1903. Стр. 108. Цѣна 1 руб.— II. 1902. М. 1904. Стр. 178. Цѣна 2 руб. III. 1903. М. 1905. Стр. 157. Цѣна. 2 р—IV. 1904. М. 1906. Стр. VI+179. Цѣна 2 руб“.

— „*Елачичъ, Ев.* О жизни на морскихъ глубинахъ. Изд. Подвиж. музея учебн. пособій. С.-Пб. 1907. Стр. IV+44. Цѣна 20 к.“

— „*Карцовъ, А. С.* Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. С.-Пб. 1900. Стр. VI+308. Цѣна 2 руб“.

— „*Кржишталовичъ.* Усовершенствованная кустарная обжигательная печь. (Общедоступ. изданія Новгородск. Губ. Земства. № 21). Новгородъ. 1906. Стр. 20“.

— „*Лейхманъ, Л. К.* Окраска мѣховъ. Изд. К. А. Казначеева. М. 1905. Стр. 117. Цѣна 80 коп“.

— „*Мудровъ, А.* Доходное сельское хозяйство. Сборникъ бесѣдъ по сельскому хозяйству средней полосы Россіи. С.-Пб. 1907. Стр. IV+230. Цѣна 60 коп.“

— „*Мшиковъ, В. А.* Устройство и организація работъ на небольшомъ кирпичномъ заводѣ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библиот.). С.-Пб. Стр. 43. Цѣна 50 коп“.

— „*Политовский, Е. С.* Отъ Либавы до Цусимы. Посмертное изданіе. Изд. 2-е. С.-Пб. 1906. Стр. VI+267. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Тристрамъ, Г. В.* Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ. Переводъ съ англ. *В. И. Анчиковой*. 2-е изд. Императорскаго правосл. Палестинскаго общества. С.-Пб. 1906. Стр. 156. Цѣна 50 коп.“

Въ насхальную ночь...

„Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово
И мощный стягъ—свой Крестъ Святой“.

Днемъ дулъ порывистый вѣтеръ, къ вечеру же стихъ, и съ закатомъ замеръ окончательно.

Семень Даниловичъ поднялся съ кровати, подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на заходящее солнце. Голова у него кружилась; во всемъ тѣлѣ чувствовалась большая немочь, тряслись ноги, но онъ все же стоялъ, глядѣлъ на уходящее за землю солнце и думалъ,—«такъ и жизнь человѣка»!... такъ... Солнце ежедневно намъ напоминаетъ о нашемъ бытіи, о кончинѣ... о суетѣ суетъ... о ненужности и пустотѣ заботъ о самомъ — себѣ...

Ему становилось грустно и онъ опускалъ голову. Но голова подымалась и родила мысль,—какой чудно—художественный закатъ! Сколько въ этомъ закатѣ невмѣстимой поэзіи! Какъ плавно, какъ торжественно-нокорно садится солнце! Полноба залилось краснымъ заревомъ, и какъ торжественно золотятся тучки! Вонъ блѣдно-золотая полоска; вонъ ярко-красная; дальше темное поле и вновь свѣтло, красно и опять темно! Смѣло-могучія краски! Великая игра уходящаго солнца...

Господи, какъ все торжественно въ природѣ и какъ холодно, мертвенно-равнодушно къ жизни на землѣ!

Отъ думъ и чувствъ Семену Даниловичу становится дурно, темнѣетъ въ глазахъ, ходятъ круги, стучить въ вискахъ, и онъ, пошатываясь, идетъ къ надѣвшей ему кроваткѣ...

Гулко, протяжно и бесконечно монотонно катится колокольный звонъ; мимо оконъ проѣзжаютъ бочки съ водою, ребята гонять на водопой скотину, проходятъ бабы, мужики, громко переговариваясь между собою... Семену Даниловичу дѣлается грустно, ему хочется на улицу, къ людямъ; хочется ему на воздухъ, а немощь держать у кровати. Онъ долго и молча глядитъ на вкону, что сиротливо стоитъ на подоконникѣ и съ укоризной глядитъ на него...

Семень Даниловичъ подымается, спускаетъ ноги, опускаетъ голову на руки и задумывается...

И вдругъ воспоминанія о далеко-ушедшей жизни каскадомъ накидываются на его больную голову, льнуть къ нему, точно мухи къ куску сахара и больно иглять усталый мозгъ.

Онъ встряхиваетъ головою и медленно подымается на ноги. Онъ хочетъ выйти въ коридоръ, но не можетъ, и грузно падаетъ въ постель... Долго сидитъ больной учитель, очень долго.

За окномъ ужъ сумерки давно, комната наполнилась тяжелой темною массою и давить своимъ жидкимъ тѣломъ больного учителя. Эта масса живетъ, она дышитъ, движется, говорить!... Она страшна и жутка для одинокаго и больнаго учителя!...

И учитель встаетъ... Чуть ли не на четверенькахъ добивается къ столу и ищетъ спички. Послѣ долгихъ поисковъ онѣ найдены, но учитель ужъ утомился, пошатывается, ноги трясутся и онъ опускается на полъ. Стула нѣтъ... есть одинъ да и тотъ замѣняетъ столъ...

Ему жутко среди этой тьмы! Она обняла его и точно спрутъ всосалась въ его исхудавшее тѣло... И Семень Даниловичъ хочетъ вскочить и выбѣжать на улицу... Онъ хочетъ заговорить, онъ хочетъ движеній, музыки, пѣсенъ... и по исхудалому, желтому лицу ползутъ тягучія слезы, падаютъ на обнаженную, горячую грудь...

Учитель зажигаетъ спичку, глядитъ въ окно и сейчасъ же ее гаситъ,—ему показалось, что его ребята собрались у окна и смѣются надъ нимъ...

— Ива-а-нъ! сипло вскрикиваетъ учитель, —Иванъ! И-ва-а-а-нъ... и онъ злится на Ивана, что нѣтъ его въ школѣ и не отзывается на его зовъ, но тутъ же рѣшается, что Иванъ сегодня въ городѣ, а жена его по хозяйству управляется...

— Вѣдь завтра Пасха!? грустно произноситъ онъ.

— Сторожъ ужь... пріѣхаль... вино... принесеть, газетку купилъ... Семень Даниловичъ забылъ, что онъ на полу и что онъ одинъ, да еще больной,-ему не до этого: онъ занятъ теперь Иваномъ. Ему представляется, что вотъ вошелъ Иванъ,- въ рукахъ у него газетка, калбасы, апельсины, за пазухою бутылка вина. Семень Даниловичъ треплетъ Ивана по плечу,-молдоцъ, Иванъ! Иванъ беретъ за самоваръ, онъ жизнерадостный, улыбается и бодритъ учителя...

— Нѣтъ, я правъ! перескакиваетъ мысль учителя на другой бугорокъ.

— Она психологiи дитяти не знаетъ. Я не отнимаю отъ нея, что она любитъ свое дѣло и слишкомъ горячо его дѣлаетъ. Господи, и изъ-за чего поссорились-то мы!? и сказать стыдно. Только-нѣтъ,-это не пустяки. Это важно въ нашемъ дѣлѣ.. Нѣтъ, Анна Сергѣевна немного горяча,-она оскорбила меня.. только, Семень Даниловичъ и ты не лучшимъ былъ лѣтъ семь тому назаль. Не горячился ли ты тогда изъ за каждой мелочи!? Не былъ ли ты таковъ, какъ и Анна Сергѣевна?

— Грубъ и дикъ, какъ бревно! вспомнилъ учитель слова коллеги.

— «Семень Даниловичъ! что это... у васъ... тутъ темно... такъ?» ввалился къ учителю сторожъ.

— Легче! легче, Иванъ: меня задавишь, испуганно крикнулъ учитель и зажегъ спичку. Подымите меня, пожалуйста...

— «А-а... Матерь Вожа-а... такой праздникъ большой в надо... заболѣтъ! Эхъ, Семень Даниловичъ!... Семень Даниловичъ... Стыдно, стыдно!» подымастъ Иванъ учителя и бережно ведетъ опять къ одру.

Учитель молча глядитъ на Ивана и у него тихо, безшумно я робко ползуть слезинки, постоятъ на морщинкахъ и упадутъ...

— А-а что? все купилъ, Иванъ?...

— «Семень Даниловичъ... свѣтъ мой»...

— Что? Напился опять... опять!?

— «Семень Даниловичъ... охъ... я»...

— Иванъ, поставьте мнѣ самоварчикъ... мнѣ хочется чаю...

— «Свѣтъ мой, дорогой мой!.. Жена плачетъ, бранится... себѣ ничего не купилъ... Свата чертъ поднесъ... Семень Даниловичъ»...

— Иванъ, идите домой.. Я прошу васъ!...

— «Эхъ!... паршивый я человекъ!... Семень»...

— Иванъ, идите домой!... волнуется учитель.

— «Семень Даниловичъ... свѣтъ мой!»... не унимается Иванъ.

— Иванъ!!!

— „Иду, иду.. Семень Даниловичъ, пропащій... человекъ... Иванъ“...

Учитель закрываетъ глаза и напряженно думаетъ. Ему слишкомъ грустно. Слишкомъ. Онъ безпомощенъ, онъ одинъ!... Ему тяжело, хочется плакать!...

За окномъ тихо и темно-темно...

Тихо, могильно.

Учителю жутко до боли въ этой тиши. Не приходитъ никто. Ему хочется чаю, хочется голоса, дѣтскаго шума, движеній, смѣха.

Но все тихо, могильно.

Нѣтъ ни звуковъ, ни смѣха, ни шума...

Изъ школы слышно монотонное тиканье стѣнныхъ часовъ. Семень Даниловичъ вновь вспоминаетъ, что завтра Пасха—и вдругъ ярко вспыхиваетъ далекое прошлое.

— Пасха. Утро. Онъ поднялся на горку и хочетъ итти съ визитомъ къ крестному отцу.

Погода была необычайно торжественна, какая-то особенная, пасхальная. Рѣчка тихо дремала, дремали лодки, суда, деревья дремало все. Только одно солнце, какъ-то слишкомъ бодро дышало и рдѣло!...

И вотъ видитъ онъ: выходитъ со двора вся въ розовомъ необыкновенно красивая Ксена. Она не спитъ, скучаетъ, одна бродитъ у двора.

И вотъ она манитъ его платочкомъ...

Не помня себя, онъ бросается къ ней... И... ощущаетъ робкій поцѣлуй!...

— «Христось Воскресе!... Какой вы сегодня... хорошенькій!» лепечетъ она и прикалываетъ къ борту тужурки красный комнатный цвѣтокъ.

Онъ молча глядитъ на ея розовыя щечки, на ея маленькія губки и преглуно улыбается.

— «Выходите на горку, или... сегодня я хочу гулять только съ вами... Смотри... те, Сѣня... Я пойду къ мамѣ. Значить-на г-о-р-к-ѣ-ѣ... Да»?

И почему-то онъ не пошелъ тогда къ отцу съ визитомъ, а пошелъ въ буфетъ, гдѣ за сифономъ сельтерской воды просидѣлъ до самаго вечера, до того времени, когда ему надо было идти на горку...

И Семенъ Даниловичъ при воспоминаніи этой картины закрываетъ глаза и вновь переживаетъ то чувство, то свѣтлое видѣніе, которое единственнымъ пахнущимъ цвѣткомъ, единственнымъ восходомъ украсило его жизнь! Сѣбрю, тяжело-горемычную жизнь...

И почему-то, отчего-то вѣрится ему, что онъ все же таки былъ счастливъ, хоть однажды былъ счастливъ! И почему-то кажется, что онъ былъ счастливъ тогда именно, когда сидѣлъ за сифономъ сельтерской воды.. Да вѣдь какъ былъ счастливъ!...

Семену Даниловичу отъ этого воспоминанія стало еще грустнѣе. Онъ обнялъ голову руками и сталъ глядѣть въ стѣну—картина потускнѣла и на смѣну явилась настоящая жизнь.

Трѣснувъ, вспыхнувъ въ его больной головѣ вопросъ,—отчего онъ сталъ народнымъ учителемъ?

Семену Даниловичу не хочется воспоминаній, но они насильно льнутъ къ нему и лѣзутъ въ голову и онъ, противъ воли, возвращается къ ушедшей жизни.

Является картина, ярко освѣщенная прожекторомъ мысли.

Глядитъ онъ на эту картину и говорить.

Давно это было, очень давно. Я былъ еще юноша 15 лѣтъ, но сколько въ тѣ годы я вынесъ, сколько вынесъ мукъ и страданій.

Послѣ годовой ужасно-тяжелой болѣзни, сталъ кое-какъ ходить на костыляхъ. А что выносила душа моя до этихъ костылей!?

Въ семь-раздоръ, вражда, драки, грубость, лишенія и нищета, а въ школѣ-грубые, невѣжественные, грубѣе мужика, наставники!

О, Боже! Ты Одинъ да волны морскія знаете, какъ рыдала тогда моя чуткая, наболѣвшая душа!... Гдѣ только брала она силъ и жизни, что не заглохла подъ такой огромной, липко-вопящей тяжестью!?

У меня крѣпко засѣло убѣжденіе, что надо учиться.

Хотя наставники и грубы и невѣжественны, низки, но все же надо учиться и получить аттестатъ, безъ котораго на матушкѣ Руси никуда не принимаютъ...

И вотъ въ зиму, на костыляхъ, ходилъ я въ училище.

Встаю рано, до зори. Одѣваюсь. На большую ногу одѣваю теплый туфель, на костыль вѣшаю сумку съ книгами, становлюсь самъ на костыли и иду въ училище, иду со стакапомъ чая въ желудкѣ..

На дворѣ кинить морозъ, -холодный, жгучій, морозный вѣтеръ рѣжетъ мое безкровное лицо и забиваетъ у меня дыханіе. Я осторожно, боясь чтобы не упасть, переставляю костыли. Прохожу двѣ улицы и окончательно замерзаю... Поворачиваю обратно и иду ко двору; тамъ збогрѣваюсь и иду вторично.

Прихожу въ училище и забираюсь въ уголь!..

И вотъ теперь вспоминаю, какъ тогда я былъ одинокъ; одинъ одишешенекъ, не слышалъ я ни отъ одного преподавателя никогда ни единнаго, ласковаго слова..

Никто не принималъ тогда во мнѣ участія... Я не былъ для нихъ человѣкомъ, они..

О, вы! еще и сейчасъ гнояшіе юношество и убивающіе въ немъ все свѣтлое, могучее, имѣете глубокую наглость и дерзость стоять у наковальни «воспитанія юнаго поколѣнія», поколѣнія, обязанности коего смести васъ съ лица земли и имена ваши предать позору!..

Если услышите эти слова-правды, да стыдъ внидетъ въ души ваши, мусоромъ давно заваленныя!.. Всѣхъ васъ, калѣчащихъ юное поколѣніе, къ суду чести и совѣсти!..

Вамъ мѣсто не на каедрѣ, съ которой вы грязнили насъ и грязнить продолжаете меньшихъ братьевъ нашихъ!..

Вы, клочки дающіе, вы, бьющіе насъ въ стѣнахъ храма науки!.. услышите слово мое! ..

Вы, поставленные лицомъ къ лицу съ многочисленной семьей, жаждущей свѣта и знаній, -вы, дающіе ей вмѣсто нужной нищи грязь, -вамъ ли мѣсто въ храмѣ науки!?..

Всѣ, вырвавшись изъ подъ вашего кнута и омывшись отъ той грязи, коей вы забросали нашъ образъ, съ презрѣніемъ глядятъ на васъ. .

И вотъ въ тѣ минуты, когда я забивался въ дальній уголь, во мнѣ, хотя и смутно, зарождалось уже желаніе пойти въ деревню и понести ей свою обширную и глубокую любовь!..

Семень Даниловичъ вдругъ очнулся и почувствовалъ сильный подъемъ духа, -ему хотѣлось на кого-то наброситься и что-то разрушить!..

— А, Господи! что за муки! Ивана нѣтъ; гдѣ же онъ запропалъ?...

И въ отвѣтъ посыпались частые и веселые, зычнобѣгущіе квики церковнаго колокола.

Учитель осѣнилъ свою грудь большимъ крестомъ.

За окномъ выросъ шумъ; мимо окна замелькали фигуры и послышалось радостное восклицаніе, — *Христось Воскресе!*...

За окномъ растутъ и расплываются въ ширь и высоту веселые, звучные напѣвы колокола... За окномъ замелькали огоньки, разлилось дружное, хоровое пѣніе «*Христось Воскресе*»!

Учитель тихо плачетъ ..

Онъ вновь одинъ..

Лампа гаснетъ, въ комнатѣ вырастаетъ тьма, пляшетъ, надвигается на Семена Даниловича, льнетъ къ нему и давитъ его своею темнотою...

А за окномъ звонъ, переплетаясь съ хоровымъ пѣніемъ, обвиваетъ всю школу и вливается въ стѣны ..

Мимо окна плывутъ огоньки, фигуры, силуэты, — дальше вырастаетъ далекая наѣзжанная дорога... тянутся одинокіе пилигримы...

...Разверзлось небо, оттуда слетаетъ Анна Сергѣевна, у нея за спиною длинныя, бѣлыя крылья, а въ рукахъ красное яичко и вѣточка...

Открываетъ она ротикъ и тихо произноситъ: «Семень Даниловичъ, Христось Воскресе»!... И звоко цѣлуетъ его въ щеку!...

.. Огромное величественное, гордо-могучее солнце, заглянувъ чрезъ окно въ комнатку учителя радостно и щедро бросило снопъ теплыхъ лучей, которые и высушили холодный потъ на груди учителя...

— «Семень Даниловичъ! Христось Воскресе»!...

Христось Воскресе!

Логинъ Кравченко.

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Рука-объ-руку.

Была ранняя и теплая весна. Солнце свѣтило привѣтливо на синемъ небѣ; деревья только что распустились, трава зеленѣла, въ воздухѣ носились лѣтнія пташки, расиѣвая свои пѣсни. Прекрасный весенній день близился уже къ вечеру, когда я подѣзжалъ къ своему родному селу Заручевскому. Давно уже я не бывалъ въ немъ. Мѣсто, на которомъ оно стояло, было высокое съ трехъ сторонъ огражденное лѣсомъ, а съ четвертой крутой берегъ ополаскивался въ свѣтлой и быстрой рѣкѣ Пежмѣ; избы тянулись длиннымъ порядкомъ, посреди же села, словно мать среди семьи, возвышалась церковь съ блестящимъ на куполѣ крестомъ, а противъ самыхъ церковныхъ воротъ, изъ зелени садика выглядывало зданіе земскаго училища. Едва я въѣхалъ на выгонъ и сталъ приближаться къ гумнамъ, какъ почувалъ въ душѣ моей вѣяніе чего-то радостнаго, ласкающаго, а при взглядѣ на полянку выгона, сразу вспомнилъ свое дѣтство, и мечты мои понеслись далеко, въ область давно и невозвратно минувшаго, но дорогаго сердцу времени. „Вотъ онъ-этотъ выгонъ, гдѣ я, будучи еще малюткой; насъ своихъ коровушекъ по первымъ проталинкамъ раннею весной; вонъ и бугорокъ, на которомъ мы, ребяташки, разводили, бывало, костерки и пекли картофель и рѣпу; вонъ и родное кладбище, на которомъ я не разъ былъ свидѣтелемъ горя и слезъ своихъ односельчанъ; это кладбище орошалось не разъ и моими слезами среди его могилъ почиваютъ мои дѣды, братья и сестры, а

вонъ блеснулъ ручеекъ подъ горой, на которомъ я когда-то устраивалъ плотинки. Все это предметы дорогіе, милые сердцу, какъ живые памятники давно минувшихъ дней счастливаго дѣтства“, такъ думалъ я, смотря на окрестности роднаго села.

Эти окрестности я посѣтилъ на другой же день, а возвращаясь домой, зашелъ въ школу, куда я нѣкогда бѣгалъ цѣлыхъ три года и любилъ ее всѣми силами дѣтской души. Войдя во внутрь зданія и окнувъ взглядомъ обстановку родной моей школы, я глубоко призадумался. Мысли мои витали вокругъ этой школы, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, когда я еще былъ малюткой и беззаботно бѣгалъ каждое утро съ узелкомъ книгъ въ эту милую школу. И вотъ радостныя, ласкающія душу, думы и очаровательныя картины прошлаго начали вставать предо мной. Прежде всего обрисовался въ моемъ воображеніи драгоцѣнной образъ законоучителя. Вотъ онъ, дорогой батюшка,—высокій, худой молодой человѣкъ съ кроткими голубыми глазами, съ цѣлой копной темнорусыхъ волосъ на головѣ, одѣтый въ синій подрясникъ, обходить ряды малышей. „Теперь, дѣти, обратится, бывало къ намъ батюшка, я расскажу вамъ о томъ, какъ братья продали Іосифа въ Египеть“... Съ первыхъ же словъ трогательнаго повѣствованія объ Іосифѣ, классъ вливался въ батюшку глазами. Тишина воцарялась такая, точно всѣ дышать переставали. Многіе изъ насъ едва удерживались отъ слезъ... „А теперь воспоемъ“! громко, бывало, скажетъ батюшка, не давая намъ порядкомъ придти въ себя. Ученики, встрепенувшись, вздохали; нѣкоторые откашливались. Но вотъ—опять тишина, и затѣмъ начиналось дружное пѣніе молитвъ. „Дружнѣй, дружнѣй, дѣти, ободрялъ пѣщовъ батюшка: дружнѣе за мною“! И ученики подхватывали дружнѣе. Даже самые маленькіе старались не оставать отъ другихъ. Я никогда до этого не пѣлъ, но тутъ, словно подхваченный какою-то стремительной волной, пѣлъ вмѣстѣ съ другими... Золотое время! можно-ли забыть тебя?... „Молодцы дѣти“! нѣсколько разъ съ восторгомъ повторялъ батюшка, когда мы, кончивъ одну молитву, готовились по его знаку начать другую. „Духъ радуется отъ одного взгляда на васъ“...

Любилъ батюшка и чтеніе паче въ церкви.

Бывало послѣ празничнаго дня придеть въ классъ и напомнить читавшимъ въ церкви мальчикамъ сдѣланныя

ни ошибки, поправить, разъяснить, при чемъ любовно погладить кого-либо по головкѣ и скажетъ своимъ мягкимъ задушевнымъ голосомъ: „ну, ничего, дѣти; старайтесь, милые, старайтесь: чтеніе въ храмѣ Божіемъ—святое, Бого-угодное дѣло“. И мы слушались наставленій своего любимаго законоучителя-пастыря, старались по мѣрѣ нашихъ дѣтскихъ силъ и со временемъ такъ полюбили церковное чтеніе, такъ привыкли къ нему, что вотомъ часто бросали жребій, дѣля между собою отдѣлы церковныхъ молитвословій часослова, положенныхъ для чтенія на богослуженіи. Кромѣ того, чтеніе и пѣніе привлекало насъ къ церкви, заставляло любить ее и красоты ея службъ, и мы чаще старались посѣщать Божій храмъ. Въ церковномъ пѣніи и чтеніи наша дѣтская душа отрывалась на время отъ повседневной жизни; здѣсь не только уста возносили заключенную въ дивные звуки молитву, но и сердца, еще чистыя, еще чуткія къ голосу матери-церкви. Много добра можетъ принести дѣтямъ, этимъ будущимъ людямъ, такой законоучитель—пастырь, какой былъ у насъ: душевный, добрый, любовно относящійся къ дѣтямъ и преданный своему дѣлу всей душой. Другого такого батюшки я уже не встрѣчалъ во всю свою послѣдующую жизнь.

Затѣмъ воображеніе рисуешь мнѣ незабвеннаго учителя. Какое у него любящее и благородное лицо! Видно, что онъ весь преданъ своему дѣлу, любить его больше всего на свѣтѣ и не ищетъ славы людской.. Много и онъ полезныхъ зародышей ученія посадилъ въ наши сердца. Будучи очень религіозенъ, онъ въ дѣлѣ обученія шелъ рука-объ-руку съ законоучителемъ, любилъ насъ такъ же, какъ и батюшка. Вотъ онъ наканунѣ праздника своимъ тихимъ задушевнымъ голосомъ читаетъ и объясняетъ намъ положенное на завтра Евангеліе, и дѣти точно сами видятъ и слышатъ то, о чемъ говорится въ Евангеліи; горячая любовь къ Искупителю проникаетъ въ ихъ сердца.. Бывало соберетъ онъ насъ въ классъ предъ началомъ ученія и скажетъ: „ну, дѣтки, на молитву!“ И вотъ по его знаку поднимается на ноги школа, мигомъ воцаряется полная тишина, взоры всѣхъ устремляются на старинный ликъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, душу сразу охватываетъ благоговѣйное настроеніе, а среди царящей тишины вдругъ за-

звенить чистый голосокъ дежурнаго малыша: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Всѣ осѣняются крестнымъ знаменіемъ и дѣлаютъ поклоны. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ“, дочиталъ мальчуганъ и наступила пауза... Но вотъ слышится тихая раздача тона учителемъ, поднимается рука его, опускается внизъ, и вся школьная братія, какъ одинъ человекъ, начинаетъ: „Царю не-бе-сный“, и льются, и льются подъ кровомъ школы дѣтскіе голоса въ перемежку съ чтеніемъ дежурнаго...

„Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ“, раздается далѣе серебристый голосокъ малыша. Курчавыя головки наклоняются и единодушная дѣтская молитва возносится къ престолу Вседержителя за почивающихъ предковъ. Что-то таинственное, непостижимое, но святое и отрадное чувствовалось душой въ эти минуты. Хочется, чтобы продоллось это время дѣтской горячей молитвы—молитвы о себѣ, о всемъ мірѣ, о живыхъ и усопшихъ.

„Развѣ могутъ такія минуты молитвеннаго восторга проходить безслѣдно для дѣтскихъ и юношескихъ душъ“, думалъ я, выходя изъ дорогой для меня школы.

А. Баракшинъ.

Недоумѣніе стараго учителя и выводы изъ него.

Въ №№ 38, 42 и 49 издающейся въ г. Вологдѣ газеты «Сѣверная Окраина» напечатаны слѣдующія письма въ редакцію безъ подписей, только съ помѣтками: *слыдуеѣтъ столько-то подписей.*

I.

М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Просимъ помѣстить слѣдующее наше письмо.

Мы, учащіе Вологодскаго уѣзда, собравшись на частное совѣщаніе въ январѣ 1907 г. и обсудивъ поведеніе г. инспектора народныхъ училищъ А. Е. Введенскаго по отношенію къ учащимъ его района, нашли, что такое отношеніе между инспекторомъ и учащими не можетъ быть терпимо. Такъ предварительные разспросы кучеровъ, учениковъ, какъ въ классѣ такъ и частнымъ образомъ, и крестьянъ о политической благонадежности учащихся, выспрашиваніе въ качествѣ частнаго лица у самихъ учащихся о ихъ взглядахъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ихъ отвѣтами уже въ качествѣ инспектора—административнаго лица, безпричинный переводъ Д. В. Матвѣева изъ Новленска въ болѣе худшія условія въ Кубенское училище, участіе въ арестѣ А. А. Клишина—заставляютъ насъ выразить свой протестъ противъ административнаго насилія и ему, какъ инспектору, глубокое презрѣніе и негодованіе, а пострадавшимъ товарищамъ—искреннее сочувствіе.

Мы твердо надѣмся, что къ этому протесту присоединятся присылкой подписей и остальные товарищи по району. Подъ письмомъ имѣется 21 подпись.

II.

«Не откажите огласить въ Вашей газетѣ о нашемъ присоединеніи къ протесту 21-го товарища противъ административнаго насилія инспектора 1-го района А. Е. Введенскаго». Слѣдуетъ восемь подписей.

III.

«Получивъ отъ инспектора г. Введенскаго письмо группы учителей Вологодскаго у. и предостереженіе къ нему, спѣшимъ присоединить свои подписи къ протесту 21-го товарища противъ административнаго насилія г. инспектора. Мы твердо надѣмся, что и остальные учителя и учительницы откликнутся на призывъ товарищей». Имѣется 5 подписей.

Собственно говоря можно было бы не обращать вниманіе на эту газетную литературу.

Какъ извѣстно, газета «Сѣверная Окраина» временно замѣняетъ*) газету «Сѣверный Край», приостановленную по постановленію Московской Судебной Палаты. За исключеніемъ редактора, газета осталась безъ переменъ какъ по внѣшнему виду, такъ и по составу сотрудниковъ; тѣже Василій Темный, Карандашъ и др. Но правдѣ сказать, я, ознакомившись съ первыми номерами «Сѣверной Земли», сразу же рѣшилъ, что никогда не буду ни подписчикомъ, ни читателемъ этой газеты. Но когда услыхалъ, что мои коллеги Вологодскаго уѣзда предприняли что-то противъ своего инспектора, пожелалъ имѣть какъ номера, относящіеся къ этому дѣлу, такъ и другіе номера,—для всесторонняго ознакомленія съ газетой. Къ сожалѣнію, полного экземпляра мнѣ не удалось найти ни у знакомыхъ, ни въ библіотекахъ, не смотря на то, что на счетъ губернскаго земства высылались въ деревни цѣлыя тысячи экземпляровъ (очень похоже это на ту самую субсидію, за которую такъ сильно достается *черносотеннымъ* газетамъ).

*) Въ настоящее время слѣдуетъ сказать: «замѣняла», такъ какъ она уже объявила себя прекратившеюся. *Ред.*

отъ *прогрессивныхъ*; но должно быть субсидія перестаетъ быть зазорной, когда она получается «прогрессивною» газетою. Существуетъ рассказъ о томъ, какъ одинъ дикарь, послѣ долговременныхъ усилій миссіонера просвѣтитъ его, наконецъ повялъ, что такое *добро* и *зло*: добро, говоритъ, это когда я украду жену у сосѣда, а зло—это когда у меня украдутъ жену. Прогрессъ: тамъ жена, а здѣсь субсидія).

Но и полученныхъ мною номеровъ оказалось совершенно достаточно, чтобы нравственный, умственный и даже образовательный обликъ газеты вполне опредѣлился.

Судите сами.

Вотъ № 51 На стр. 4 въ отвѣтахъ редакціи читаемъ: «такія выраженія, какъ *жидъ*, *жидовскій*, не приняты въ прогрессивной печати», а на стр. 2 въ корреспонденціи изъ Устья вотъ что: «знаете ли вы, госнода читатели, что такое устьянскіе попы? Нѣтъ, вы не знаете устьянскихъ поповъ». (Господи, слогъ-то, слогъ-то какой!!!... Ахъ, несчастный Гоголь: наконецъ-то ты, плагиаторъ, хоть чрезъ 54 года послѣ смерти, да все-таки попался! Вѣдь ты свою украинскую почку укралъ у одного изъ великихъ сотрудниковъ «Сѣверной Земли»).

Чувствуешь, читатель? «жидъ» -- пельзя, не прогрессивно, а «попъ» — можно сколько угодно.

Я лично ничего не имѣю ни противъ «жида», ни противъ «нопа». Я знаю изъ Евангелія, что Самарянка во время бесѣды у колодца съ Иисусомъ Христомъ называетъ его жидомъ, и хотя между іудеями и самарянами былъ нѣкоторый антагонизмъ, тѣмъ не менѣе изъ хода бесѣды не видно, чтобы она хотѣла оскорбить Его. Слѣд., заключаю я, въ то время, когда Евангеліе переводилось, слово «жидъ» вовсе не считалось оскорбительнымъ, иначе благочестивые переводчики не рѣшились бы употребить его въ примѣненіи къ Иисусу Христу. А подтвержденіе этому нахожу въ томъ, что малороссъ и до сихъ поръ слова «еврей» не знаетъ, а употребляетъ слово «жидъ», и малороссійскіе евреи нисколько этимъ не оскорбляются.

Съ другой же стороны мнѣ одинъ изъ инспекторовъ,*) при которыхъ мнѣ пришлось служить, рассказывалъ, что

*) Извиняемся предъ авторомъ, что здѣсь мы нѣсколько измѣнили редакцію, выпустивъ не относящіяся къ дѣлу комплименты по адресу инспектора. *Ред.*

когда онъ учился въ духовномъ училищѣ (слишкомъ скорокъ лѣтъ назадъ), то воспитанники, обращаясь къ смотрителю, называли его «отецъ протопопъ», а равно, говоря съ преподавателями о смотрителѣ, выражались о немъ тоже: «отецъ протопопъ». И ни самъ смотритель, ни преподаватели ни разу не указали имъ на неприличіе подобнаго слова. Да должно быть и дѣйствительно неприличнаго ничего не было; вѣдь и родители ихъ, въ томъ числѣ и священники, называли смотрителя «протопопъ» (заочно) и «отецъ протопопъ» (когда говорили съ нимъ). А вѣдь, конечно, если бы священники считали слово «попъ» оскорбительнымъ для себя, то не стали бы и смотрителя, не желая его оскорбить, называть «протопопомъ». А года дватому назадъ нашъ священникъ показывалъ мнѣ въ служебникѣ (въ учптельномъ извѣстіи) слѣдующую фразу: «двоеженецъ да не будетъ попъ».

А все такіе?

Все таки почему же, чтобы принадлежать къ прогрессивной части общества, надо ни за что не употреблять слово «жидъ» въ примѣненіи къ еврею, и какъ можно чаще слово «попъ» въ примѣненіи къ православному священнику?

Но сотрудниковъ-то «Сѣверной Земли» можно ли считать принадлежащими къ прогрессивной печати? Замѣтенъ ли на нихъ прогрессъ? О, несомнѣнно! Доказательства? извольте, сколько угодно! Давно ли г-жа Простакова считала географію наукой никуда не годной (скажи извозчику, онъ и привезетъ куда надо)? И вотъ прошло какихъ-нибудь полтора ста лѣтъ, и сотрудники «Сѣверной Земли» не только г-жу Простакову, а и любого ретрограда за поясъ заткнуть по части географіи. Что имъ не только извозчики, а даже и желѣзныя дороги? Они сами знаютъ, что Зарайскій уѣздъ находится въ Пензенской губерніи, а не въ Рязанской, какъ думаютъ ретрограды (№ 14, стр. 4, столбецъ 2); они сами знаютъ, что село Кубенское находится въ Кадниковскомъ уѣздѣ (№ 68; корресп.), а не въ Вологодскомъ, какъ думаютъ ретрограды; они сами знаютъ, что... да мало ли? Вы лучше скажите, чего они не знаютъ!

Можетъ быть ты, читатель, хочешь знать, откуда такой исполнинскій прогрессъ (вѣдь шутка ли: всего какихъ-то полтора ста лѣтъ и Митрофанушка выросъ въ сотрудника, а въ недалекомъ будущемъ можетъ быть и редактора «Сѣверной

Земли»)? Изволь, я тебѣ и этотъ секретъ открою. Дѣло самое простое: всѣ сотрудники «Сѣверной Земли» выдержали ветеринарные экзамены въ лѣсной школѣ. Не вѣришь? Черносотенецъ ты послѣ этого, читатель; хуже: ретроградъ; хуже... (Эхъ жаль, что мало номеровъ досталъ). Ну, вотъ тебѣ № 162. Читай третій столбецъ на стр. 3: «Въ Вельскую лѣсную школу ветеринарные экзамены будутъ производиться въ нынѣшнемъ году 28, 30 и 31 августа, а въ Тотемскую 23, 24 и 25 августа».

Кто же послѣ этого откажетъ «Сѣверной Землѣ» въ правѣ обращаться къ Суворину съ слѣдующими словами: «дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а ума не пажилъ» (№ 183, стр. 3, стол. 1)?

Я не знаю, выдержалъ ли когда нибудь г. Суворинъ ветеринарные экзамены; но увѣренъ, что если онъ и держалъ таковыя, то отнюдь не въ Вельской и не въ Тотемской лѣсной школѣ. Я одно твердо знаю, что г. Суворинъ хотя и до сѣдыхъ волосъ дожилъ, а съ дѣдушкой Крыловымъ не знакомъ. Если бы былъ знакомъ, то зналъ бы, что ему, какъ москѣ, слѣдовало лаять на слона—«Сѣверную Землю». А онъ не только не лаялъ, но даже и глазомъ не моргнулъ, но смотря на то, что слонъ честитъ его: «О, старый доносчикъ, развратникъ слсва»!

Нѣтъ, далеко Суворину и другимъ «москкамъ» до такихъ «слоновъ», какъ «Сѣверная Земля»!

Какъ, однакоже, жаль, что основанная Радзивиллами Сморгонская академія теперь закрыта (ретрограды о ней, конечно, кое-что знаютъ, а прогрессисты «Сѣверной Земли» могутъ смотрѣть въ энц. слов. Брокгауза и Ефрона, 60 полutomъ, стр. 578).

Положимъ, и такъ сотрудники «Сѣверной Земли» суть величайшіе исполнны ума, такъ что у меня даже является сомнѣніе, были ли у нихъ читатели. Вѣдь иногда не только въ Вологодской губерніи, но и во всемъ мірѣ не нашлось бы читателя, который былъ бы въ состояніи понять то, что пишется въ этой величайшей и премудрѣйшей изъ газетъ цѣлаго міра. Вотъ напр. читайте въ № 194 на стр. 2:

— «Око» приводитъ телеграмму Синода благочинному города Яранска, Вятской губ. «Святѣйшій Синодъ запретилъ протоіерею Огневу священнослуженіе за подписаніе выборг-

скаго воззванія. Немедленно объявить Огневу подъ расписку. О послѣдующемъ телеграфируйте преосвященному».

Въ отместку за это консисторія не высылаетъ въ церкви обыскныя книги и ставитъ въ большое затрудненіе совершеніе браковъ. Крестьяне однако нашли выходъ изъ затрудненія и вмѣсто православныхъ священниковъ они стали обращаться къ старообрядцамъ».

Надо обладать умомъ, равнымъ суммѣ умовъ всѣхъ сотрудниковъ «Сѣверной Земли», чтобы понять: почему *консисторія* мститъ Синоду и для мщенія избрала такой странный способъ (странный, конечно, для обыкновеннаго ума). Или, быть можетъ, консисторія мститъ редакціи «Ока» за то, что газета приводитъ телеграмму Синода? Поди-ко, вотъ, пойми, читатель, не состоящій въ числѣ ветеринарно прогрессирующихъ по лѣсному Митрофановъ!

Теперь представьте себѣ, что подобные исполны ума, но выдержаніи ветеринарныхъ экзаменовъ въ Вельской и Готемской лѣсной школѣ, окончательное образованіе получили бы въ Сморгонской академіи! Вѣдь, тогда, полагаю, отъ туристовъ англичанъ и въ особенности отъ американцевъ отбоя не было бы и край нашъ процвѣлъ бы благодаря привозному туристами золоту. А туристовъ была бы масса! Помилуйте, да чтобы посмотрѣть на такое чудо, которое получилось бы изъ сотрудниковъ «Сѣверной Земли», англичанинъ и американецъ не только въ Вологду поѣдутъ, и на луну даже полѣзли бы.

А вѣдь, пожалуй, Губернская Земская Управа, выдавая «Сѣверной Землѣ» такую жирную субсидію (въ формѣ подписки), и имѣла въ виду именно облагодѣтельствовать край, но вслѣдствіе отсутствія въ ней ретроградовъ, не знала, что Сморгонская академія кн. Радзивилла закрыта.

Но такъ или иначе, все таки я надѣюсь, что читатель понялъ, почему я сказалъ въ началѣ статьи: «можно было бы не обращать вниманія».

Но... тутъ замѣшано имя моихъ коллегъ, и потому я предпочитаю нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи этой литературы.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ является мысль, что всѣ эти пьеса суть произведенія исполнителей, выдержавшихъ ветеринарные экзамены въ лѣсной школѣ.

Я такъ подумалъ вотъ почему.

1. Въ списываніи, какъ оказывается, виновать не одинъ Гоголь, а и Щедринъ. Только Гоголь—простодушный степной помѣщикъ взялъ да и переписалъ цѣликомъ; а Щедринъ похитрѣ (еще бы: онъ и въ Губернскомъ Правленіи, и въ Казенной Палатѣ служилъ), и потому перефразируетъ. Читайте первое письмо: «мы, собравшись въ частное совѣщаніе и обсудивъ поведеніе Введенскаго, нашли, что такое отношеніе не можетъ быть терпимо». Теперь читайте у Щедрина (Губ. оч. «первый шагъ»): «слушали рапортъ Черноборскаго исправника Маремьякинна и справку. Приказали: велѣть ему Маремьякину и т. д.». Развѣ это не списано изъ Сѣверной Окраины? А вѣдь у учителей, которые, какъ извѣстно, ветерипарныхъ экзаменовъ не держали, не только Щедринъ, а даже и Гоголь списывать не будетъ, и значить если списалъ, то у великаповъ ума.

Списалъ ли Щедринъ и дальше, этого, прости читатель, я не знаю. Вѣдь я уже говорилъ, что досталъ очень мало этихъ газетъ. А у Щедрина дальше вотъ что: «болно ужъ мудроно что-то нынче нишуть: *слушали* ровно ничего не слушали, а *приказали*—ровно съ колокольни слетѣли». И еще дальше: «а вѣдь ты мошенникъ»!

2. Второе письмо: «не откажите огласить о нашемъ присоединеніи къ протесту». О *нашемъ*! Очевидно люди просятъ, что бы публика знала, что и *они* присоединяются къ протесту. Очевидно, газета *должна была* огласить имена присоединяющихся къ протесту. Это понятно и простымъ смертнымъ, а не только исполнамъ ума, могущимъ постигнуть даже связь между выборгскимъ воззваніемъ и несвоевременной высылкой изъ Вятской консисторіи бланковъ обыскныхъ книгъ. Газета, однако, этого не дѣлаетъ, а просто отмѣчаетъ: «слѣдуетъ восемь подписей». Существуютъ ли въ дѣйствительности восемь человекъ, подписавшихъ это письмо? Можетъ быть газета потому не огласила именъ, что въ самомъ-то дѣлѣ ихъ нѣтъ? Подписать вымышленными—сразу попадешься; подписать дѣйствительными, но чужими,—тоже попадешься...

3. Третье письмо: «получивъ отъ Инспектора Введенскаго письмо группы учителей и предостереженіе къ нему».. Что такое? Вѣдь кажется «письмо группы учителей» послано было въ редакцію «Сѣверной Окраины», а не Введенско-

му? Откуда же онъ взялъ его, чтобы послать «пяты подписямъ»? Но какъ хорошо: «предостереженіе къ нему»! Я очень старый учитель, зналъ на своемъ вѣку и знаю очень многихъ коллегъ. И увѣряю тебя, читатель, что ни я, и никто изъ знакомыхъ мнѣ учителей не въ состояніи такъ хорошо писать. Чтобы обладать такимъ хорошимъ слогомъ, нужно по меньшей мѣрѣ выдержать ветеринарный экзаменъ въ лѣсной школѣ и перецеголять Митрофанушку по части географіи.

4. «Сѣверной Землѣ» и ея двойнику—«Сѣверной Окраинѣ» не привыкать стать разыгрывать въ лицахъ басню Крылова. Жаль вотъ только, что, по примѣру Суворина, москвичи не хотятъ лаять на слона, да и шабашъ!

Ахъ, Алексѣй Сергѣичъ, Алексѣй Сергѣичъ!

Ну, что стоили бы тебѣ хоть разикъ тявкнуть? Устарѣлъ, братъ, видно!

Но, можетъ быть, мое заключеніе, составленное подъ первымъ впечатлѣніемъ, ошибочно, и «подписи» вовсе не плодъ фантазіи «прогрессивной» и нравственно чистоплотной газеты, считающей невозможнымъ употреблять слово «жидъ» и обязательнымъ какъ можно чаще пользоваться словомъ «пошъ», а существуютъ въ дѣйствительности?

Въ такомъ случаѣ позвольте, многоуважаемые господа двадцать одинъ, восемь и пять, заявить, что Ваши дѣйствія я считаю оскорбительными для себя, какъ члена одной съ Вами корпораціи. Вѣдь общество объяснитъ Вамъ анонимность или какъ «показываніе кукиша въ карманѣ», или какъ «бросанье грязью изъ-за угла», и никакого третьяго объясненія не дастъ и не можетъ дать.

А какое же изъ этихъ двухъ объясненій не оскорбительно? Вѣдь если общество будетъ считать учителей способными либо на то, либо на другое изъ вышеупомянутыхъ дѣйствій, то какая же честь для насъ?

Нѣтъ, господа! Ужъ если вы правы, а инспекторъ вашъ виноватъ, то выступайте прямо, а не изъ-за угла. Вы скажете, что можно въ такомъ случаѣ пострадать за правду. Но общество привыкло такъ часто видѣть разныхъ «пострадавшихъ за правду», въ родѣ пьянчуги-чиновника, -выгнаннаго сослужбы за нечистоплотныя въ нравственномъ смыслѣ продѣлки, или ростовщика-интенданта, выгнаннаго за слишкомъ свободное обращеніе съ казеннымъ достояніемъ, что вѣроятно и къ вамъ

отнесется съ недоувѣріемъ, тѣмъ болѣе, что ваши обвиненія или не ясны, или очевидно голословны.

Да и боязнь пострадать вовсе не основательна.

Вѣдь кромѣ инспектора существуетъ еще коллегіальное учрежденіе—училищный совѣтъ, гдѣ имѣются три члена отъ земства, а у васъ еще четвертый отъ города, да и предсѣдатель совѣта—предводитель дворянства принадлежитъ не къ администраціи, а къ общественнымъ элементамъ. Они, конечно, не допустятъ, чтобы инспекторъ произвольно и безъ основаній заставлялъ васъ страдать. Они имѣютъ возможность все-сторонне разслѣдовать ваше дѣло и собрать надлежащія свѣдѣнія на мѣстахъ, отъ обществъ школьныхъ районовъ. Или, можетъ быть, вы не доувѣряете членамъ совѣта, а также и родителямъ вашихъ учениковъ? Тогда, значитъ, вы радикально разошлись съ ними; тогда вы не имѣете права воспитывать дѣтей лицъ, которымъ вы не доувѣряете, которые поэтому въ свою очередь вамъ не доувѣряютъ, и вамъ остается единственный исходъ—оставить свои мѣста.

Повторяю: если вы правы, выступайте не анонимно, а открыто. Иначе найдутся между нашими товарищами и кромѣ меня люди, которые признаютъ ваши дѣйствія унижающими и оскорбляющими корпорацію.

Но анонимно, или открыто,—во всякомъ случаѣ предъявляйте обвиненія не голословныя и формулируйте ихъ точно и ясно. А то посмотрите сами, что вы тутъ нагромоздили: «предварительные распросы кучеровъ, учениковъ и крестьянъ; выспрашиваніе въ качествѣ частнаго лица у самихъ учащихся; безпричинный переводъ Матвѣева; участіе въ арестѣ Клишина».

Что это такое? «Распросы кучеровъ (ямщиковъ?)». По видимому вашъ инспекторъ *открылъ Америку* въ буквальномъ смыслѣ, потому что только въ Америкѣ, говорятъ, бывають интеллигентные кучера. Или вашъ инспекторъ на столько наивецъ, что считаетъ возможнымъ получить надлежащія свѣдѣнія объ учителяхъ отъ людей не интеллигентныхъ и мало культурныхъ? Нѣтъ, господа: общество (а оно вѣдь состоитъ не изъ однихъ только ветеринарно—лѣсныхъ Митрофанушекъ) дастъ вашимъ словамъ другое объясненіе, которое найдетъ болѣе правдоподобнымъ. Оно предположитъ, что между ямщиками попадались люди, имѣющіе дѣтей въ училищахъ; и вотъ нѣкоторые изъ этихъ «кучеровъ», а так-

же и изъ «крестьянъ», вѣроятно выражали свое недовольство тѣмъ или другимъ учителемъ. А если это такъ, то во первыхъ виноваты эти учителя, а не инспекторъ (вѣдь это аксіома, что мы не имѣемъ права прививать дѣтямъ такія возрѣнія, которыя родители признають нежелательными), а во вторыхъ инспектора пужно не обвинять, а благодарить: очевидно онъ постарался такъ или иначе успокоить жалующихся «кучеровъ» и «крестьянъ» (вѣдь случаи пзгнанія учителей крестьянскимъ самосудомъ за послѣднее время бывали если не въ нашей губерніи, то въ сосѣднихъ).

Считаю долгомъ оговориться: я не имѣю въ виду оправдывать Введенскаго, такъ какъ не имѣю чести знать его лично, но и не обвиняю его, такъ какъ въ вашихъ письмахъ не имѣется фактическихъ матеріаловъ для обвиненія; я только въ качествѣ члена учительской корпораціи обсуждаю вашу поступокъ.

«Распросы учениковъ». Что это такое? Вѣдь общество опять дастъ свое, правдоподобное по его мнѣнію, объясненіе. Оно скажетъ: «вѣроятно инспекторъ видѣлъ у нѣкоторыхъ учениковъ такъ называемыя хорошія книжки и поинтересовался узнать, откуда они ихъ получили». Выводъ такой же, какъ и предыдущій.

«Выспрашиваніе въ качествѣ частнаго лица у самихъ учащихся о ихъ взглядахъ». Что же? Введенскій злоупотребилъ довѣрчивостью кого-нибудь изъ васъ, кто раскрылъ ему свою душу, когда онъ еще не былъ инспекторомъ? Если такъ, то Введенскій поступилъ очень, очень не хорошо. Но все таки, выступая противъ него съ публичнымъ обвиненіемъ, слѣдовало бы привести фактическія данныя. И неужели вашъ инспекторъ на столько дикій человѣкъ, что караетъ даже за взгляды? Вѣдь даже щедринскіе герои «ожидали поступковъ». Не хорошо, господа; голословно и не хорошо.

«Безпричинный переводъ Матвѣева». Этого даже и на общественный судъ выставять не стоило. Слѣдовало просто обжаловать дѣйствія инспектора въ училищный совѣтъ, который конечно немедленно отмѣнилъ бы распоряженіе о *безпричинномъ* переводѣ, и не только отмѣнилъ бы, но еще сообщилъ бы начальству Введенскаго о его самовластныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ. Что же, была принесена жалоба училищному совѣту? Если была, то каковы ея результаты?

Зачѣмъ вы объ этомъ умалчиваете? Да покраснѣйте же, господа! вѣдь голословно и не хорошо.

«Участіе въ арестѣ Клишина». Совсѣмъ ужь не понятно. Я уже говорилъ, что мнѣ удалось достать очень мало номеровъ «Сѣверной Земли» и «Сѣверной Окраины». Но одинъ мой знакомый передавалъ мнѣ, что объ арестѣ Клишина были замѣтки въ «Сѣверной Землѣ». Именно сообщалось, что Введенскій вызвалъ Клишина въ Вологду, сообщилъ ему о возникшихъ противъ него обвиненіяхъ и выдалъ 75 рублей (авансъ по содержанію училища). Вотъ и все его «участіе въ арестѣ». Правда, въ то время я еще не былъ знакомъ съ этими газетами такъ, какъ теперь, и потому не догадался спросить своего знакомаго, становился ли онъ на четвереньки, когда читалъ эти замѣтки. Вѣдь можетъ быть для того, чтобы понять писанія прогрессивно-лѣсныхъ ветеринаровъ, нужно становиться на четвереньки. Но, господа, вѣдь въ обществѣ больше всего такихъ лицъ, которыя не захотятъ становиться на четвереньки, и потому поймутъ исторію ареста Клишина совершенно такъ же, какъ понялъ мой знакомый.

Ахъ, господа, господа! Какое огорченіе причиняете вы старикамъ, отдавшимъ всю свою жизнь дѣлу служенія народу, вложившимъ въ это дѣло всю душу и съумѣвшимъ поставить «учителя» на такую высоту, на которой онъ стоялъ еще такъ недавно! Въ своей жизни мнѣ не однократно случалось, при обстоятельствахъ, исключающихъ всякую мысль о комплиментахъ или объ проніи, слышать выраженія: «святое дѣло учительства», «святой человѣкъ», «маленькій великій человѣкъ», «маленькій человѣкъ, дѣлающій великое и святое дѣло» и т. п. Все это объ «учителѣ». А теперь вы этого «учителя» прямо въ грязь! Да покраснѣйте же!!!...

Единственное объясненіе, которое я нахожу для причинъ всей этой исторіи, состоитъ въ томъ, что между учителями Вологодскаго уѣзда завелись люди новѣйшей формаціи.

Виновать, Это я не совсѣмъ точно выразился. Не «новѣйшей». Такіе люди всегда были, но они были вообще безвредны, да и теперь между ними много людей безвредныхъ.

Прототипомъ ихъ служитъ купчиха изъ комедіи Островскаго, такъ боявшаяся словъ «жупель» и «металлъ». Разница только въ томъ, что купчиха *боялась* этихъ словъ, хотя и не понимала ихъ значенія, а эти люди *щеголяютъ* излюб-

ленными словцами, хотя тоже, какъ и купчиха, не понимаютъ ихъ значенія.

Недавно одинъ деревенскій торговецъ побывалъ въ большомъ городѣ и видѣлъ тамъ (въ первый разъ въ жизни) вокзалъ желѣзной дороги. Возвратившись домой, онъ рассказывалъ, какія большія комнаты въ вокзалѣ, какіе тамъ столы и какими скатертями накрыты, а «на столахъ всякая корреспонденція!» Слушая его, я испугался. Не ужели, думаю, дѣло дошло уже до того, что при приходѣ въ какой-нибудь городъ почтоваго поѣзда корреспонденція частныхъ лицъ безъ всякаго стѣсненія выкладывается въ вокзалѣ на столахъ и разсматривается съ полицейскими цѣлями? Вѣдь это значить, что административный произволъ дошелъ уже до цинническаго безстыдства, дальше котораго идти уже некуда. Какъ же жить послѣ этого? Спросилъ купчика, были ли въ вокзалѣ жандармы,—оказывается были и офицеры и солдаты.

А что же оказалось? Собралась тамъ ихъ цѣлая компанія и, между дѣломъ, проводили время болѣе или менѣе весело. Кто-то изъ нихъ услышалъ или прочиталъ слово «корреспонденція», словцо всѣмъ понравилось и немедленно же вошло въ ихъ обиходъ. Имѣя на рукахъ трехъ тузовъ, когда у противника «тридцать одно козырей», загребаешь съ кона денежки и говорить: «славная корреспонденція, ха, ха, ха!» Попадетъ по пьяному дѣлу въ участокъ,—на другой день сконфуженно говорить: «ну, и корреспонденція же». Такъ вотъ они однажды отправились кутить въ вокзалъ, гдѣ имъ страшно поправилась сервировка стола (буфетчикъ, конечно, какъ опытный человекъ, сразу смекнулъ, что будетъ хорошая пожива, и не пожалѣлъ ни своихъ талантовъ, ни запасовъ, ни посуды). Вотъ эта сервировка и фигурировала въ рассказѣ купчика подъ именемъ «корреспонденціи».

Но купчикъ, хотя и относился къ корреспонденціи нѣсколько иначе, чѣмъ купчиха Островскаго къ жупелу, вреднѣе, чѣмъ былъ до поѣздки въ большой городъ, не сдѣлался. Онъ не сталъ считать себя высоко образованнымъ и самымъ умнымъ на всемъ свѣтѣ человекомъ, какъ возмнили о себѣ другіе потомки купчихи Островскаго.

Эти другіе ходятъ теперь подъ другимъ титуломъ, чѣмъ ходили раньше. Прежде, бывало, если простой сельскій обыватель или митрофанствующій помѣщикъ нагрубитъ безъ вся-

каго повода, напр., священнику или неприлично ведетъ себя въ церкви, то другіе называли его просто на просто «невѣ-жей, дурно-воспитаннымъ человѣкомъ», а самъ себя онъ величалъ «либераломъ», предусмотрительно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, нѣтъ ли по близости становаго. Теперь подобныя субъекты отъ другихъ (лѣсныхъ ветеринаровъ и ветеринарныхъ лѣсниковъ) получаютъ титулъ «сознательнаго», а если умѣютъ не только читать лучше гоголевскаго Петрушки, но и писать, то очень громкій титулъ: «передовой отрядъ интеллигентнаго пролетаріата», а сами себя считаютъ самыми умными въ свѣтѣ людьми и провиденціально назначенными быть преобразователями общественнаго строя Россіи.

У этихъ у cadaго своя «корреспонденція» въ зависимости отъ того, какими брошюрами кто пачинился. Но такъ какъ число брошюръ, находящихся въ ихъ обращеніи, не безконечно велико, то, и «корреспонденція» ихъ не избѣгла повторяемости, такъ что ихъ можно классифицировать по типамъ.

Вотъ, напр., типъ, у котораго корреспонденціей служитъ «самодержавіе». Что бы ни случилось, во всемъ виновато самодержавіе; самодержавіе, кажется, виновато даже и въ томъ, что у него лопнули сапоги, только на прошлой недѣлѣ купленные. Слушаешь такого «интеллигентнаго пролетарія», да и придешь въ ужасъ. Неужели въ Россіи есть много желающихъ уничтожить самодержавіе, т. е. снова отдать русь-матушку во власть татарскаго хана? Не можетъ быть. Татары сами не захотятъ этого, да и хана у нихъ теперь не имѣется. Ахъ, вотъ что: стало быть японскіе милліоны, въ свое время надѣлавшіе такъ много шума, не сказка, и хотятъ отдать Россію не татарамъ, а японцамъ? Да, нѣтъ, не можетъ быть: эта сказка давно уже опровергнута изъ вполне компетентнаго источника. А! понялъ, наконецъ: всемірный еврейскій союзъ... Охъ, лучше замолчать, а то живо попадешь въ «черносотенцы» или, чего добраго, въ «погромники».

Просто голова кругомъ пойдетъ!..

Но успокойтесь: поговорите съ нимъ еще 2—3 минуты, и вы увидите, что этъ ни больше, ни меньше, какъ «корреспонденція».

Другой типъ: «Демократическая республика». Это такая панацея отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, что стоитъ только за-

вести подобную штуку, какъ у насъ наступитъ не жизнь, а прямо таки «райское житіе». Рожь будетъ давать урожай самъ—сотъ не только безъ удобренія земли, но даже и безъ всякаго труда; народное образованіе процвѣтетъ, такъ что въ каждой деревнѣ будетъ по сотнѣ Ломоносовыхъ и по стольку же Менделѣевыхъ, потому что (онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: *не смотря на то, что*, по обмолвился) школьное дѣло будетъ находиться въ рукахъ ему подобныхъ; даже воздухоплаваніе будетъ моментально изобрѣтено, не говоря уже о сапогахъ, которые не будутъ лопаться не только чрезъ недѣлю, но даже и чрезъ сто лѣтъ. Но расскажите этому «передовому интеллигентному пролетарію», что въ соединенныхъ штатахъ С. Америки имѣются двѣ партіи: республиканцы и демократы, и слѣдовательно въ наличности имѣется повидимому полностью предметъ его вождельній, о которомъ онъ съ такою методичностью повторяетъ десятки разъ на день. Добавьте къ этому, что рабство (это вѣдь нѣсколько хуже, чѣмъ крѣпостное право) въ штатахъ уничтожено четырьмя годами позже, чѣмъ въ Россіи крѣпостное право, да и то послѣ довольно продолжительной междоусобной войны, при чемъ республиканцы стояли за уничтоженіе рабства, а демократы его отстаивали. Въ доказательство укажите ему на вполне компетентные источники, по которымъ онъ можетъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго, и вы тотчасъ же убѣдитесь, что его «демократическая республика» ни больше, ни меньше какъ таже корреспонденція. Онъ, конечно, попытается возражать: «да нѣтъ, это что-то не совсѣмъ такъ... у васъ логика отсутствуетъ... вы неправильно понимаете»..., но вы уже чувствуете, что онъ не только сбѣтъ съ позиціи, но и считалъ себя укрѣпленнымъ на этой позиціи совершенно напрасно, лишь благодаря не въ мѣру развитому самомишнію.

А вотъ третій. У этого «равноправіе евреевъ». Но не совѣтую тебѣ, читатель, вступать въ разговоръ съ этимъ. Тутъ уже не одна «корреспонденція», а и что-то еще другое. Онъ начнетъ, конечно, съ того, что евреи въ высшей степени даровитая нація, давняя очень много поэтовъ и ученыхъ (при перечисленіи именъ и нѣсколько нѣмцевъ возведетъ въ евреевъ). Если вы возразите: «все это прекрасно; но вѣдь вотъ у вашего сосѣда, не имѣющаго возможности содержать семью, дѣти весьма даровиты, а вы однако не берете ихъ къ

себѣ въ домѣ, и предпочитаете воспитывать такъ или иначе своихъ идиотовъ», онъ вамъ скажетъ, что это совсѣмъ другое дѣло: то дѣти, а то граждане. Евреи, изволите ли видѣть, такіе же граждане, какъ и мы съ вами; Россія—это не одни только русскіе, а и поляки, армяне, татары, башкиры, калмыки и проч. и проч. (евреи приберегаются къ самому концу почему-то); евреевъ однихъ только тѣснятъ; говорятъ, что они не способны къ земледѣію, не убѣдившись въ этомъ, такъ какъ въ деревню ихъ даже не пускаютъ, и т. д. и т. д. Скажите ему, что поляки, армяне, башкиры, зыряне и др. сидятъ на своихъ собственныхъ мѣстахъ и что только татары пришлый народъ, да и то имѣютъ свои мѣста если не *по праву*, то *въ силу* завоеванія, и только одни евреи неизвѣстно откуда (вѣдь въ московское государство они не допускались даже въ видѣ докторовъ и аптекарей) взявшіеся стараются занять чужія мѣста, что тѣснятъ евреевъ не въ Россіи только, но тѣснятъ и тѣснили всюду: и въ новыя времена, и въ древнія, и въ Европѣ, и Египтѣ, и даже самъ Моисей не особенно такъ щадилъ ихъ въ пустынѣ, десятками тысячъ на день избивая ихъ; что, можно поэтому подозревать, они частію сами виноваты въ чинимыхъ имъ притѣсненіяхъ; что если въ Россіи ихъ не пускаютъ въ деревню, то и онъ не можетъ указать страну, гдѣ евреи занимались бы земледѣліемъ; что напротивъ, гешефтмахерство всегда было излюбленнымъ дѣломъ евреевъ, въ особенности во время народныхъ бѣдствій (вѣдь библію и мы, и евреи почитаемъ какъ книгу священную; а возьмите гл. 12 кн. Исходъ, которую и мы, и евреи признаемъ написанною самимъ Моисеемъ, и вы увидите въ ст. ст. 35 и 36, какъ ловко евреи воспользовались народнымъ бѣдствіемъ египтянъ—неожиданной смертью всѣхъ первенцевъ и, по выраженію библіи, *обобрали* египтянъ); что многіе именно народными бѣдствіями объясняютъ накопленіе колоссальныхъ богатствъ въ рукахъ евреевъ, а потому и считаютъ ихъ, хотя быть можетъ въ данномъ случаѣ и невинно, зачинщиками и подстрекателями во время революцій; что какъ-то странно видѣть, какъ одна изъ древнѣйшихъ націй не имѣетъ и не имѣла на земномъ шарѣ собственнаго мѣста, а всегда предпочитала и предпочитаетъ существовать въ видѣ паразита на организмѣ чужого народа. Скажите ему это... попробуйте-ка. Тогда онъ, не принадле-

жацій къ союзу русскаго народа, угостить васъ такую «истинно русскою» руганью, что вы дадите себѣ слово избѣгать какихъ бы то ни было разговоровъ съ нимъ и ему подобными.

Нѣтъ, господа. Не достаточно, поучившись кое-какъ на скорую руку и затѣмъ прочитавши нѣсколько брошюръ, съ аккуратностью попугаевъ изрекать ваши «корреспонденціи». Вѣдь декабристы (а они, конечно не вамъ чета: даже злѣйшіе враги ихъ не упрекали и не упрекнутъ ихъ въ недобросовѣстности) привели на сенатскую площадь нѣсколько полковъ, солдаты которыхъ вмѣстѣ съ ними кричали: «конституцію! конституцію!». Но вотъ въ пониманіи этого возгласа солдаты рѣзко расходились съ своими офицерами-декабристами. Офицеры думали, что они этимъ возгласомъ требуютъ введенія въ Россіи представительнаго образа правленія, а солдаты съ своей стороны полагали, что они говорятъ: «не хотимъ Николая и Александру; пусть царствуютъ Константинъ, которому недавно присягали, и его супруга». Съ тѣхъ поръ до самаго послѣдняго времени конституція и посила название «супруги Константина». Солдаты были люди простые, но они сердцемъ чуяли, что офицеры ихъ люди душевные, честные, что они никому зла не сдѣлали, не сдѣлаютъ и не желаютъ сдѣлать, а потому и шли за ними съ беззавѣтной преданностью. Но титула «сознательныхъ», а тѣмъ болѣе «передоваго отряда интеллигентнаго пролетаріата», имъ никто не давалъ, да они на такіе титулы и не претендовали.

Вотъ такъ-бы и вамъ: быть душевными, честными, заслужить любовь народа, а предварительно самимъ немного поучиться, а не считать себя гениями, уже разрѣшившими всѣ тѣ вопросы, надъ которыми великіе умы трудятся цѣлыя тысячелѣтія, на томъ только основаніи, что умѣете подражать моему знакомому кунчику, покутившему немного въ вокзалѣ. Ужь подражать-такъ подражать во всемъ, а онъ вѣдь не сталъ считать себя гениемъ, научившись отчетливо произносить слово «корреспонденція». А если вы генин, то нечего опасаться вамъ простыхъ смертныхъ. А то что же это такое? «Распроси учениковъ». А потомъ можетъ быть скажете: «молодецъ, онъ сказалъ такъ инспектору». А ужъ если вы запрещаете «сказывать инспектору», то очевидно запрещаете сказывать и показывать родителямъ. Какъ же вы воспитываете своихъ шестомцевъ? Значить постоянно приучаете ихъ ко лжи?

А вѣдь все равно родители рано или поздно узнаютъ и тогда пожалуй поступятъ съ вами такъ же, какъ поступили крестьяне съ нѣсколькими учителями въ одной изъ сосѣднихъ губерній. Что же тогда? Закажите, что начальство васъ не хочетъ защитить?

Это будетъ похоже на ту дѣтскую игру, которою занимались «интеллигентные и передовые молодые люди» еще въ недавнее время. Я разумѣю хожденіе съ красными флагами въ нѣкоторыхъ городахъ. Начнутъ съ того, что «долой полицію! убрать полицію!»! А потомъ идутъ безъ полиціи и безобразничаютъ, и безобразничаютъ»: «закрывай лавку! закрывай магазинъ! прекратить торговлю!»! Когда же кто-нибудь изъ возмущенныхъ торговцевъ или явившихся покупателей нѣсколько энергичными жестами начнетъ доказывать, что они сунулись не въ свое дѣло, сейчасъ же вопль: «да что же полиція смотреть?»! Что она можетъ смотрѣть, когда вы ее съ самого начала удалили?

Мыъ рассказывали, что одинъ изъ подобныхъ краснофлажцевъ, только болѣе высокаго полета, и потому фактическаго участія въ дѣтскихъ играхъ не принимавшій, всю свою жизнь занимался отрицаніемъ всякихъ властей, а въ томъ числѣ и полиціи. Но однажды онъ получилъ въ клубѣ оплеуху за недостаточно чистоплотный въ нравственномъ отношеніи расчетъ по карточной игрѣ. Что же, вы думаете, онъ сдѣлалъ? Поскакалъ немедленно къ полиційместеру. Вотъ и поймите этихъ молодчиковъ!

Онъ же, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, не постѣснился въ официальной бумагѣ обвинять правительственнаго чиновника въ нарушеніи «Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату 15 іюля 1896 года» по той причинѣ, что чиновникъ не согласился съ его представленіемъ, явно пристрастнымъ.

Ну, скажите, пожалуйста, госнода, какъ уживаются въ васъ подобныя противорѣчія?

Вы отрицаете полицію, пока чувствуете, что нѣтъ другой силы, которая можетъ положить конецъ вашимъ безобразіямъ; но лишь только встрѣчаетесь съ силой (все равно какой: физической или нравственной), предъ которой ваше начальство должно уступать, вы обращаетесь къ содѣйствію той же полиціи.

Когда указываютъ вамъ на вашу непослѣдовательность (ужь не буду говорить о недобросовѣстности), вашу небезпристрастность, уже осуществившуюся, вы кричите: «это сыскъ! это доносъ!»! А когда встрѣчаетесь съ силой, препятствующей этой небезпристрастности, этой непослѣдовательности, вы сейчасъ же сооружаете уже форменный доносъ. Вѣдь это, господа, правящая дикаря, постигшаго наконецъ понятіе о добрѣ и злѣ. Вѣдь вышеприведенная бумага о нарушеніи Высочайшаго Указа—форменный доносъ, да вдобавокъ по обстоятельствамъ дѣла еще и ложный, Какъ же это? простое указаніе вамъ лично—сыскъ, доносъ, а оффиціальная бумага съ вашей стороны по принадлежности—это хорошо, это не доносъ. Почему же? Развѣ потому, что онъ *ложный*? Я согласенъ, что «ложный доносъ» совсѣмъ не то же самое, что просто доносъ. Но развѣ отъ этого онъ сталъ лучше? Не потому ли, господа, вы такъ и возлюбили общественный судъ въ видѣ прогрессивно—ветеринарныхъ газетъ, издаваемыхъ лѣсными Митрофанами, что при вашихъ воззрѣніяхъ на честь, при вашихъ пріемахъ это удобнѣе для васъ? Вѣдь настоящій-то судъ пожалуй и настоящимъ образомъ разберетъ; а тутъ нагроможди только побольше, все сойдетъ, благо людей, которые рады всякому скандалчику, такъ много.

Ахъ, господа, господа!

Хорошо еще, что подобные молодчики иногда встрѣчаютъ отпоръ въ такихъ вопросахъ, гдѣ и мало образованные люди могутъ при достаточномъ разъясненіи легко разобраться. Помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ такой случай. Былъ я въ гостяхъ у одного мѣстнаго жителя; народу было много, и въ томъ числѣ пріѣзжій, довольно образованный господинъ. Завязался общій разговоръ, въ которомъ не принимали участія только хозяинъ, пріѣзжій господинъ и 2—3 старика, которые завели свой особый разговоръ въ сторонѣ отъ другихъ. Общій разговоръ какъ-то коснулся вопроса о взяточничествѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ говорилъ, что взяточничество имѣло наиболѣе сильное развитіе въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, что это было злоупотребленіе со стороны чиновниковъ, съ которымъ высшія власти энергично боролись, хотя по большей части безрезультатно. Исключеніе, по его словамъ, составляло вѣдомство путей сообщенія, которое вѣдало также и постройку публичныхъ зданій

здѣсь взяточничества, пожалуй, не было, по за то въ сильной степени развито было казнокрадство, да и высшая власть этого вѣдомства не всегда бывала безъ грѣха, вслѣдствіе чего и до сихъ поръ можно слышать выраженіе: «канальскіе инженеры путей ограбленія». Другой (еще только кандидатъ въ то время въ будущіе противники самодержавія) возражалъ: нѣтъ, взяточничество всегда было въ Россіи, и выснія власти не только не боролись съ нимъ, но еще поощряли. Въ доказательство указалъ на то, что царскіе указы о назначеніи воеводъ писались въ выраженіяхъ, исключаящихъ всякую мысль о воспрещеніи взяточничества, а именно воеводы посылались «на кормленіе», и при пріемѣ челобитныхъ брали съ просителей деньги. Въ это время разговоръ у хозяина съ собесѣдниками былъ законченъ и пріѣзжій господинъ присоединился къ намъ. Выслушавъ только что изложенную рацею, онъ сейчасъ же разъяснилъ, что милостивый государь изволить ошибаться: въ то время, о которомъ онъ говоритъ, слово «кормленіе» не было синонимомъ питанія, какъ теперь, а «кормити», «окормляти» значило *управлять*. Въ настоящее время отъ того же корня остались слова: «корма», «кормчій» и изрѣдка, когда хотять выразаться *высокимъ стилемъ*, «кормило правленія». По этому «отдать область на кормленіе» значило «отдать ее въ управленіе такого-то», и нынѣшнее выраженіе Высочайшихъ Указовъ «такому-то Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть губернаторомъ» тождественно съ выраженіемъ прежнихъ царскихъ указовъ, такъ какъ «губерпаторъ» слово латинское и значить «рулевой, кормчій». Что же касается взыскиваемыхъ воеводой денегъ при пріемѣ челобитныхъ, то вѣдь и теперь при подачѣ прошеній уплачиваются деньги, но никто не считаетъ это взяткой. Только теперь уплата производится гербовыми марками, которыя пужно кунить въ казначействѣ, а тогда—прямо наличными деньгами, потому что не было ни гербовыхъ марокъ, ни казначействъ. Вообще, по отсутствію казначействъ, всѣ подати и повинности взыскивались непосредственно и чрезъ подчиненныхъ лицъ воеводой, который, по удовлетвореніи жалованьемъ всѣхъ служащихъ, излишекъ отправлялъ въ Москву, въ царскую казну. Но это вовсе не значитъ, что взыскивалось больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ Москву деньги посылались потому, что расходы по содержанію центрального управленія, каковымъ въ то время

являлся царь и его приближенные съ канцеляріями, т. е. съ дьяками и подьячими, взваливать на одну Москву было бы несправедливо, а слѣдовало конечно разложить на все государство. Въ частностяхъ, со стороны подчпненныхъ имъ служащихъ, могли быть и злоупотребленія; но во всякомъ случаѣ слово «кормленіе» и взысканіе денегъ при приѣмѣ челобитныхъ не даютъ еще права утверждать, что взяточничество въ московскомъ государствѣ было, такъ сказать, узаконено.

Разъясненія приѣзжаго господина были на столько ясны и понятны, что даже и наименѣе образованные изъ гостей хорошо поняли, что нашъ молодчикъ завирается. Ему ничего больше не оставалось дѣлать, какъ смолкнуть: пустить въ ходъ обычный приѣмъ - ругань было не удобно, такъ какъ хозяинъ и старики—гости относились къ приѣзжему господину съ очевиднымъ почтеніемъ. Послѣ этого нашъ молодчикъ утратилъ всякое довѣріе, и если пускался ораторствовать, то слушатели только хохотали: «ахъ, волкъ те заѣшь! да это лучше всякаго кіятера», а по наступленіи періода брошюръ не только не пускалъ въ ходъ никакой «корреспонденціи», но пуще купчихи боялся всякаго «жупела»: почему знать, вѣдь пожалуй не будутъ смѣяться какъ «на кіятерѣ», а возьмутъ да и шею наkostenяютъ.

Почаще бы такимъ молодцамъ нарываться по поводу простыхъ-то вещей. А то по поводу «демократической республики» молодчикъ начнетъ сыпать разныя словечки и приводитъ самыя нелѣпыя аналогіи, ну, собесѣдникъ и отодвинется подальше изъ опасенія, какъ бы молодчикъ не началъ кусаться, а слушатели и подумаютъ: умень-то умень этотъ баринъ, а съ нашимъ все таки не совладалъ; какъ нашъ-то началъ, баринъ ажно замолчалъ.

А какъ образецъ, нарисую вамъ уже не типъ, а прямо портретъ съ натуры. Дворянинъ Митрофанушка, живущій при бабушкѣ и теткѣ—старой дѣвѣ. По скудоумію въ гимназію отданъ не былъ, а обучался въ городскомъ училищѣ. Въ младшихъ отдѣленіяхъ, благодаря обиванію бабушкой пороговъ у учителей, кое-какъ подвигался, въ старшихъ отдѣленіяхъ уже не такъ ходко, а въ послѣднемъ составлялъ уже чистое наказаніе для учителей. Тутъ уже районъ пороговъ, обиваемыхъ бабушкой, значительно расширился. Постоянныя жалобы: то на учителей начальнику училища, то инспектору

народныхъ училищъ на пачальника, то директору на инспектора, а тамъ опять начинай сначала. Въ концѣ концовъ эта багитель такъ всѣмъ надоѣла, что мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ совершенно откровенно сказалъ личному составу училища: «да дайте вы, пожалуйста, Митрофанушкѣ аттестатъ! Вѣдь все равно въ рукахъ такого болвана аттестатъ обратится въ простую бумажку. А то вѣдь бабушка-то устала, пора ей отдохнуть». Дали. Нашъ Митрофанъ сейчасъ же на носъ снѣія очки, на голову высокую барашковую шапку, въ руки толстую суковатую палку, и вотъ великій реформаторъ и спаситель отечества готовъ. Но такъ какъ по скудоумію, нисколько не уменьшившемуся благодаря аттестату, никакихъ брошюръ одолѣть не могъ, то изъ всякихъ «корреспонденцій» запомнилъ только одно слово «шпіонъ», которое и пускаетъ въ ходъ съ тою же методическою правильностью, съ какою другіе пускаютъ свои «корреспонденціи». Увидитъ напр. на желѣзной дорогѣ кавалера съ медалью, заинтересуется узнать, за что онъ получилъ ее, и выслушавъ отвѣтъ замѣчаетъ: «о! а я думалъ, что за шпіонство». Увидитъ, что кто-нибудь, очевидно гуляя, два раза прошелъ мимо дома, въ которомъ онъ жветъ, сейчасъ же: «что ему нужно? Шпіонитъ онъ что ли»? Или, встрѣтивъ въ публичной библиотекѣ образованнаго господина, по уходѣ его говоритъ: «этотъ зачѣмъ приходилъ? шпіонитъ»? И т. д. и т. д., все въ томъ же порядкѣ, какъ и у ранѣе очерченныхъ типовъ. Его тетушка (въ качествѣ старой дѣвы принадлежитъ къ той партіи, гдѣ больше штановъ) своей «корреспонденціей» избрала племянника, и всѣмъ и каждому сообщаетъ: «у насъ Митрофанушка такой развитой, такой развитой... Вотъ недавно игуменья привезла мамашѣ просфору. Можете себѣ представить, что онъ сдѣлалъ? взялъ да и отдалъ собакѣ». Одинъ господинъ, который выслушалъ эту исторію по крайней мѣрѣ семь разъ и которому она страшно надоѣла, спрашиваетъ: «а скажите пожалуйста, какъ отнеслась къ этому Ваша мамаша?»

— О, мамаша ужасно разсердилась, а игуменья такъ даже заплакала.

— «Ну, такъ оставляя въ сторонѣ вопросъ о просфорѣ и ея значеніи, возьмемъ голый фактъ: вашъ племянникъ ни съ того ни съ сего оскорбилъ двухъ почтенныхъ жен-

пипъ, изъ которыхъ одну онъ видитъ въ первый разъ, а другой всецѣло обязапъ. Кажется, это считается признакомъ невѣжества, невоспитанности, а вовсе не развитости», говорить господинъ.

Теперь вообразите, что этому Митрофанушкѣ партія дастъ какое-нибудь порученіе. Чего только онъ не натворитъ?

Послѣ его ареста, даже съ трудомъ одолѣвшій три класса реального училища полицейскій надзиратель, пмѣвшій съ нимъ во время процедуры ареста непродолжительную бесѣду, выразился такъ: «фу, ты чертъ! Если бы я былъ революціонеромъ, я прежде всего возбудилъ бы вопросъ объ исключеніи изъ партіи Митрофана и ему подобныхъ. Вѣдь это же набитый дуракъ! Я прямо считалъ бы оскорбительнымъ для себя принадлежать къ одной съ нимъ партіи».

Надо, однако же, отдать справедливость Митрофану: какъ видите изъ приведенныхъ выше примѣровъ его «корресп.», онъ не считалъ себя умнѣе всѣхъ и къ образованію питалъ почтеніе. Относительно образованныхъ людей полагалъ, что имъ въ библіотекѣ ужъ и дѣлать нечего, какъ только шпионить, — они и безъ того все знаютъ. А самъ все таки ходилъ; значить считалъ образованныхъ выше себя. Это все таки не то, что другіе, которые, будучи уличены въ невѣжествѣ или просто въ непослѣдовательности, въ слабости аргументаціи, защищаются: «да вы просто не понимаете»!

Однако пора вернуться къ дѣлу, съ котораго начали.

Такъ вотъ я и говорю: если упомянутыя въ «Сѣверной Украинѣ» подписи не мистифкація, то всю приведенную въ началѣ литературу можно объяснить лишь тѣмъ, что въ среду учителей Вологодскаго уѣзда затесались молодчики очерченныхъ типовъ. А это очень жаль вообще, а для Вологодскаго уѣзда прямо ужасно: вѣдь подумайте, тридцать четыре штуки на одинъ уѣздъ!

Г.г. мои коллеги Вологодскаго уѣзда! Мнѣ кажется, ваша обязанность выяснить всю эту исторію. Если вашъ инспекторъ дѣйствительно въ чемъ-то виноватъ, формулируйте обвиненіе точно и приведите фактическія данныя. Если же тридцать четыре вашихъ (извините, рука дрогнула, и я, не смотря на страшныя усилія, никакъ не могъ написать *нашихъ*) товарища въ своей литературѣ допустили какую-нибудь передержку, или искаженіе фактовъ, или выдумку, вы

должны признать, что они совершили безчестный поступокъ и, сорвавъ съ анонимовъ маски, всемѣрно добиваться удаленія ихъ изъ своей среды.

Да и вообще, г.г. мои коллеги какъ Вологодскаго, такъ и другихъ всей Россіи уѣздовъ, настало время позаботиться намъ объ учрежденіи товарищескаго суда чести, который оградиль бы насъ отъ вторженія въ нашу среду нежелательныхъ элементовъ, и очистиль бы отъ нихъ эту среду тамъ, гдѣ они уже успѣли вторгнуться. Иначе тяжело будетъ намъ, старикамъ, всю свою жизнь отдавшимъ на святое дѣло служенія народу, умирать при сознаниіи, что все плоды нашихъ многолѣтнихъ трудовъ уничтожаются, и самое дѣло, дорогое и святое для насъ, топчется въ грязь.

И пусть этотъ судъ будетъ нашъ, учительскій, а не судъ какихъ-то «дѣятелей», которые только терроризируютъ насъ.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по этому дѣлу. Пусть другіе скажутъ что-нибудь лучше. Другіе также пусть скажутъ, какъ именно и на какихъ началахъ можетъ быть устроенъ этотъ судъ.

Старикъ-учитель изъ Вологодскаго уѣзда.

КАЗЕННЫЙ МЕДВѢДЬ.

(Изъ досюговъ сельскаго учителя).

И за что же судьба такъ караетъ меня?
На лугу, близъ казенной дубровы,
Косолапый убилъ вороного коня,
Вырвалъ вымя у бѣлой коровы.

* * *

Загрустила душа—разорился вконецъ...
Мы въ бѣдѣ въ помощь Божию вѣримъ...
Туго вбилъ я въ винтовку тяжелый свинецъ
И пошелъ побороться со звѣремъ.

* * *

Жреть остатки... Не ждетъ онъ смертельной борьбы.
Я дрожу... Но пустилъ на удачу—
Онъ взревѣлъ, озираясь, вскочилъ на дыбы,
И понесся въ казенную дачу.

* * *

Я съ собаками вслѣдъ. А навстрѣчу лѣсникъ...
И кричитъ: „Это что за проказа?
„Вѣдь казенный медвѣдь! какъ ты смѣлъ, озорникъ,
„Потревожить его безъ приказа?“

* * *

— „Такъ и такъ“, говорю: „причинилъ онъ бѣду...
„Мнѣ Топтыгина вовсе не надо...
„Если вашъ, я пожалуй за нимъ не пойду,
„Лишь бы онъ не ходилъ въ наше стадо“.

* * *

— „Правда, слышалъ лѣсничій о горѣ твоемъ...
„Такъ съ сосѣдями сдѣлай облаву...
„Только звѣря не бей! съ сыновьями втроемъ
„Позабавится баринъ на славу“.

* * *

Лбомъ стѣны не пробить. — Кума, свата позвалъ, —
Мы готовы служить и натур сй.
Вдругъ трещить... Бацъ въ упоръ! уложилъ на поваль...
Поплатился миѣ Мишенька шкурой.

* * *

Тутъ, казалось, нашелъ я несчастью конецъ.
Но не такъ-то выходитъ на дѣлѣ.
Намъ неожиданно вручаетъ повѣстку гонецъ,
Вызываютъ на той же недѣлѣ.

* * *

— „Вы убили медвѣдя?“ спросилъ мировой.
— „Точно такъ“, отвѣчали мы дружно.
Онъ плечами пожалъ и тряхнулъ головой:
— „Убивать бы“, сказалъ онъ, „не нужно“.

* * *

„Баринъ вамъ приказалъ обложить, но не бить“...
Въ этомъ судъ усмотрѣлъ нарушенье!
Съ насъ взискать шестьдесятъ, мѣхъ въ казну возвратить!
— Точно громъ поразило рѣшенье.

* * *

Всемогущій Господь! что же правда Твоя
На судѣ не имѣла успѣха?
Знать, для барина голая шкура моя
Подешевле медвѣжьяго мѣха!

П. Вересовъ.

Къ товарищамъ-учителямъ.

Не знаю, есть ли правило, которое выясняло бы слѣдующій вопросъ.

Учитель земской школы передаетъ нарочнымъ участковому врачу пакетъ, въ коемъ проситъ послѣдняго отпустить для школы самыя необходимыя лѣкарства, которыми учитель могъ бы пользоваться учащихя, ну хотя, на примѣръ, - глазныхъ капель, іоду, скипидару, мази отъ чесотки-самыхъ необходимыхъ, самыхъ нужныхъ при школѣ лѣкарствъ, - тѣмъ паче, что школа почти никогда не видитъ ни врача, ни фельдшера.

Передаетъ учитель нарочнымъ пакетъ и пустую коробку для просимыхъ лѣкарствъ, а въ отвѣтъ получаетъ пустую же коробку и ни слова на просьбу учителя, - что и было со мной.

Хотя и нѣтъ у «насъ», быть можетъ, такого правила, по которому участковый врачъ могъ бы отпустить для школы жалкихъ, пустячныхъ по стоимости и однакоже дорогихъ для школы лѣкарствъ, но уже по существу вещей, по здравому разсудку, исходя отъ той мысли, что, пріѣхавъ въ деревню, фельдшеръ раздаетъ же эти лѣкарства крестьянамъ безъ всякаго толка, какъ попало! по той ужъ причинѣ можно бы отпустить учителю просимыхъ лѣкарствъ.

А отношеніе къ личности народнаго учителя!?

Быть можетъ я и умодчалъ бы объ этомъ случаѣ, при томъ сознаниі-«чего не бываетъ на свѣтѣ, другъ Горацио»! Но этотъ случай въ жизни учителя не пустяченъ, - нельзя его обойти молчаніемъ, онъ требуетъ гласности.

Такъ или иначе, при какой бы то ни было обстановкѣ, душа учителя слишкомъ чутка и такое отношеніе къ учителю

глубоко оскорбляетъ его! Не говорилъ бы я такъ слишкомъ громко объ этомъ вопросѣ, если бы онъ относился только лишь *ко мнѣ одному* ..

Нѣтъ! могу и, думаю, что не ошибусь, ручаться, что большая часть членовъ нашей учительской семьи страдаетъ отъ этого отношенія...

Этотъ вопросъ надо выяснить самимъ учителямъ и смѣло просить васъ, товарищи! высказаться на страницахъ нашего журнала! Вообще намъ надо освѣтить затронутый (медяц.) вопросъ откровенно и безпристрастно, а такъ же высказать мнѣнія объ отсутствіи школьныхъ аптечекъ и медицинскихъ курсовъ для учащихся...

Теперь расскажу одинъ случай, который возмущаетъ и даже просится въ печать и который заставилъ написать эти строки.

Дѣло было очень и очень недавно.

Гостилъ я у товарища, который женатъ, и жена котораго, такъ же учительница, больна. Заболѣла она очень тяжело. Привезли земскую акушерку, которая осталась съ больною одна. Всѣ вышли и здѣсь у постели тяжело больной, совершенно безпомощной, акушерка говоритъ послѣдней, что ей нуженъ полнѣйшій покой, ни малѣйшаго движенія, и здѣсь же „повелѣваетъ“ больной *встать! взбить постель*. Ни ласкового обращенія, ни человѣческаго участія, ни внимательнаго отношенія!!!

Дальше—врачу посылается письмо, въ которомъ доктора просятъ къ больной. Въ отвѣтъ онъ пишетъ: «пріѣхать не могу; больную можете привезти ко мнѣ»; а въ концѣ письма приписка, —«больной нуженъ полнѣйшій покой, абсолютно ни какого движенія!» Вотъ то и на! Логика!

Иначе-ты не важная птица, — можешь повалиться, или изволь ко мнѣ назначенные часы явиться!

Не возмутительно ли это? Не просится ли въ печать? Больно становится за мужика: какъ же съ нимъ-то обращаются, коли съ нами не дюже-то церемонятся?

Это не громкая фраза! Это говоритъ оскорбленное чувство за обиженнаго, оскорбленнаго и больного брата, за товарища по оружію!

Развѣ и *теперь* личность народнаго учителя такъ можетъ грязниться!? Не пора ли ее облить! Не настало ли время!?

И такъ, товарищи-учителя, сплотимся и смѣло откроемъ

передъ «сильными міра сего» свои язвы! Пусть глядятъ они на нихъ, пусть видятъ они недуги народнаго учителя!

Просыпайтесь же товарищи! Идите на бесѣду.

Раскрывайте тайники душъ своихъ и несите сей даръ на алтарь *нашего* журнала!

Пора же намъ заговорить! Пора открыть уста и да услышатъ нашъ голосъ!

Товарищи! оживляйте, бодрите столбцы *нашего* журнала.

Разбросаны мы во всей русской землѣ, утомляемся, унываемъ, тоскуемъ въ одиночку!

Намъ бодрость нужна, толчки намъ нужны!

Мы стоимъ у живого дѣла и да будемъ же мы живы и бодры!

Оживляйте, бодрите столбцы нашего журнала! Просыпайтесь, товарищи! Заря ужъ зажглась!

Логинъ Кравченко.

Изъ воспоминаній стараго народнаго учи- теля.

Мнѣ было уже тринадцать лѣтъ, когда я первый разъ пришелъ въ школу. Довольно порядочно читать, немного писать и считать я былъ наученъ дома, а потому въ школѣ посадили меня прямо въ среднее отдѣленіе. Сначала многое изъ того, что дѣлалось въ классѣ, мнѣ было непонятно, а временами даже смѣшно. Но мало-по-малу я освоился. Голова работала. Учитель оказался человѣкомъ веселымъ, добрымъ, то и дѣло спрашивалъ учениковъ, то одного, то другого. Иныхъ онъ вызывалъ къ классной доскѣ и заставлялъ писать. Ученики держали себя свободно, но безъ шалостей, охотно отвѣчали на вопросы, живо выходили къ доскѣ. Вдругъ учитель задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ изъ устнаго счета, я отвѣтилъ бойко и правильно. Учитель меня похвалилъ. После этого я окончательно ободрился и не замѣтилъ какъ кончился урокъ. Слѣдующій урокъ занимался не учитель, а отецъ Алексѣй. Слушалъ я на своемъ вѣку нѣсколько законоучителей, но нигдѣ и никогда уже не доводилось слышать, чтобы кто нибудь рассказывалъ событія священной исторіи такъ просто, такъ задумшевно, какъ рассказывалъ ихъ отецъ Алексѣй. Спокойнымъ ровнымъ голосомъ передавалъ онъ намъ событіе за событіемъ безъ торопливости, безъ всякаго, по видимому, желанія усилить впечатлѣніе; тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе получалось сильное, цѣльное, неизгладимое на всю жизнь. Можетъ быть я преувеличиваю, можетъ быть во мнѣ его рассказы потому такъ запечатлѣлись, что это были первыя

сѣмена духовнаго свѣта, брошенныя на дѣйственную почву, можетъ быть, не стану спорить, но они свѣжи въ душѣ моей словно я слышалъ ихъ только вчера... Какъ только батюшка началъ свой разсказъ, тишина воцарилась такая, точно всѣ дышать перестали. „Господи, какъ тутъ хорошо“, повторялъ я внутренно.

Скоро я къ училищу не только привыкъ, но и привязался къ нему всѣми силами неспорченной дѣтской души. Способностями, оказалось, Богъ меня не обидѣлъ; мало-помалу я сталъ, наконецъ, однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Годы шли. Я учился уже въ старшемъ отдѣленіи. Учитель нашъ, Виталій Михайловичъ, ко мнѣ относился очень хорошо: онъ не рѣдко приглашалъ меня къ себѣ на квартиру, угощалъ, давалъ читать книжки, спрашивалъ о прочитанномъ, разяснялъ то, чего я не понималъ въ книгѣ. Рядъ вечеровъ, проведенныхъ съ нимъ, открылъ мнѣ глаза на многое, о чемъ даже не снилось.

Благодарная память къ нему пребудетъ во мнѣ до конца моей жизни!

Разъ въ наше училище пріѣхалъ директоръ. Мои отвѣты ему очень понравились и онъ посоветовалъ преподавателямъ училища устроить меня въ учительскую семинарію. О. Алексѣй и Виталій Михайловичъ горячо ухватились за эту мысль и вскорѣ пригласили моего отца для совѣщанія. Въ виду вниманія такого важнаго лица, отецъ не сталъ противиться и только благодарилъ отца Алексѣя и Виталія Михайловича. По окончаніи мною курса въ школѣ меня оставили еще на годъ при ней, дабы подготовить къ пріемному экзамену въ семинарію, а осенью на слѣдующій годъ я отправился въ городъ Т. гдѣ находится учительская семинарія. Городъ Т. показался мнѣ тогда такимъ большимъ, какимъ теперь кажется Москва, что и не удивительно, такъ какъ дальше своей родной деревни и сосѣдняго села я нигдѣ до того не бывалъ. Долго я ходилъ по незнакомому городу, разыскивая семинарію. Встрѣтивъ какого-то молодого человѣка (оказавшагося впоследствии семинаристомъ), я рѣшился попросить его указать мнѣ семинарію. „Видите эту синюю вывѣску съ золотыми буквами: Т-ская учительская семинарія?“ отвѣчалъ онъ.

— Вижу, вижу! благодарю Васъ, сказалъ я.

— „Ступайте вонъ прямо сюда во дворъ и идите въ деревянный домъ“.

Я направился внутрь семинарскаго двора. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, я прочелъ на мѣдной досчечкѣ: „Николай Яковлевичъ Куницынъ“. Дрожащей рукой дернулъ я за звонокъ. За этой дверью должна рѣшиться моя судьба, и рѣшить ее директоръ Куницынъ. Робость начала прокрадываться ко мнѣ въ душу. Хорошо, если онъ такой, какъ рассказывали, добрый... А можетъ быть сердитый, можетъ быть прошенія не приметъ, придется ни съ чѣмъ домой ѣхать. За дверью слышались шаги. Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ господинъ лѣтъ сорока пяти. Это былъ небезызвѣстный въ педагогическомъ мѣрѣ директоръ Т-ской учительской семинаріи Куницынъ.

— „Здравствуйте“ сказалъ онъ громко и отчетливо, подходя ко мнѣ.

„Господи, какой строгій!“! подумалъ я, смотря на важную, исполненную достоинства фигуру директора.

— Здравствуйте, господинъ директоръ! пролепеталъ я не смѣло.—Я къ вамъ... Я хочу просить васъ...

Директоръ чуть—чуть улыбнулся, лицо его перестало выражать строгость и важность, а добрые сѣрые глаза смотрѣли весело и привѣтливо. Мои смущеніе и робость совершенно исчезли.

— „Зовите меня Николаемъ Яковлевичемъ“.

— Я хочу просить Васъ, Николай Яковлевичъ, допустить меня къ экзамену, который далъ бы мнѣ право поступить на казенную стипендію.

— „Изъ деревни“? спросилъ онъ.

— Изъ деревни В-скаго уѣзда!

Николай Яковлевичъ подробно распросилъ меня объ отцѣ, матери, братьяхъ, полевыхъ работахъ, и все это сдѣлалъ такъ, что я, самъ того не замѣчая, рассказалъ многое такое, что скрылъ бы отъ родной матери. Рассказывая о своемъ дѣтствѣ, я объяснилъ подробно, какъ воровалъ горохъ, рѣпу, какъ меня за это отецъ билъ; рассказалъ о товарищахъ, объ играхъ съ ними и проч. Словомъ, вся жизнь моя, характеръ, весь душевный строй для Николая Яковлевича былъ какъ на ладони. Когда всѣ формальности были окончены, я собрался уходить.

—, Прощайте, сказалъ мнѣ Николай Яковлевичъ, не забудьте, экзамень завтра съ 9-ти часовъ“.

Вышелъ я красный отъ волненія и довольный, что прошеніе мое принято и что все дѣло только въ экзаменѣ. „Какой-то будетъ экзамень? Господи, кабы выдержалъ“!

Пріемные экзамены кончены. Актный залъ семинаріи переполненъ публикой—преимущественно молодыми людьми, учениками заведенія. Какая смѣсь одеждъ и лицъ!... Вотъ мелкій чиновникъ, дворянинъ, щегольская визитка и лакированные ботинки, а рядомъ личные сапоги и ситцевая рубашка; краснощекий купчикъ и испитой ремесленникъ; семнадцати-лѣтній юноша и 30-ти лѣтній мужчина, успѣвшій уже побывать на какой-то должности. Но не смотря на все это одна черточка рѣзко отдѣляетъ внутреннія качества разношерстной толпы воспитанниковъ: это духъ товарищества. Кастовыхъ отличій не существуетъ. Товарищи крѣпко жмутъ другъ другу руки, оживленно разговариваютъ, собираясь группами, дѣлятся впечатлѣніями лѣта, смѣются... Всѣ они прямодушны, откровенны, подчасъ грубоваты, но веселы и симпатичны. Откуда все это? можетъ быть, таковыми они явились при поступленіи? о нѣтъ! взгляните на кучки вновь поступающихъ учениковъ, ожидающихъ сейчасъ рѣшенія своей участи. Здѣсь полнѣйшій хаосъ чувствъ и мыслей. Любое лицо можетъ служить вамъ книгою, по которой можно прочесть всю прошедшую жизнь этого чловѣка, обстановку, при которой онъ выросъ, разнородныя вліянія лицъ и учрежденій. Это безформенная масса, иногда мягкая какъ воскъ, иногда твердая, какъ булыжникъ. Попробуйте создать изъ нея прекрасный образъ, вдунуть живую дуню и зажечь ее ровнымъ согрѣвающимъ пламенемъ! Тяжелая задача, требующая ума и таланта! Задачу эту взяла на себя кучка людей, преданныхъ своему дѣлу скромныхъ работниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ Куницынъ, котораго никогда не забудутъ, его питомцы. Вотъ онъ въ сопровожденіи своихъ помощниковъ выходитъ изъ „учительской“ съ протоколомъ о пріемныхъ экзаменахъ. Онъ видимо возбужденъ, но имѣетъ спокойный и безстрастный видъ. Сейчасъ онъ прочтетъ бумагу, и добрая половина жаждающихъ знанія и хлѣба должна будетъ съ грустью удалиться во-своисп, такъ какъ вакансій бываетъ втрое меньше, чѣмъ желающихъ за-

нять ихъ. Директоръ, держа предъ собою бумагу, обвелъ взглядомъ толпу. Наступила минута торжественнаго молчанія. Началось чтеніе протокола.

Многіе сердца забились быстрѣе, а напряженный слухъ жадно ловилъ имена и фамиліи. Вотъ оконченъ перечень принятыхъ на стипендію, потомъ на полустипендію, дальше принятыхъ, но безъ стипендіи, и, наконецъ, всѣхъ остальныхъ, которымъ отказано.

— „Господа, прошу не расходиться, закончилъ чтеніе директоръ; семинаристамъ будутъ выданы стипендіи и тотчасъ же начнется молебенъ. Занятія начнутся завтра въ 9 часовъ“.

Поступившіе поздравляютъ другъ друга, улыбаются, снуютъ съ радостными пылающими лицами. Тѣ же, кто не принятъ, растерянно смотрятъ кругомъ, точно спрашиваютъ: что же теперь дѣлать?

Я оказался принятымъ въ семинарію на полную стипендію, кончилъ въ ней курсъ ученія и вотъ уже четверть вѣка учительствую. За это время, кромѣ разныхъ непріятностей, при скудномъ жалованьи пришлось натерпѣться и голода, и холода.

Сейчасъ силы мои видимо слабѣютъ; хотѣлось бы отдохнуть, но нельзя, такъ какъ средствъ къ существованію нѣтъ; однимъ словомъ положеніе печальное. Но за все меня вполне вознаграждаютъ благодарныя чувства ко мнѣ моихъ бывшихъ учениковъ. Они иногда собираются ко мнѣ побесѣдовать. Вотъ сидятъ нѣсколько священниковъ, нѣсколько учителей и учительницъ, нѣсколько служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ, окончившіе курсъ въ высшихъ учеб. заведен., крестьяне. Все это мои ученики, мои дѣти по духу. Они бесѣдуютъ о разныхъ предметахъ; болѣе умные и ученые даютъ совѣты и наставленія своимъ бывшимъ товарищамъ, или просто рассказываютъ о своихъ трудахъ на жизненномъ пути. Всѣ они поддерживаютъ другъ друга совѣтами, сочувствіемъ, а иногда матеріально. Я сижу между ними, какъ между дѣтьми, и наслаждаюсь плодами своихъ трудовъ... И какія это чудныя минуты!

Изъ прошлаго.

(Разсказъ).

I.

Я пробирался въ полустгнившемъ рыбащемъ челнокѣ вдоль поросшаго осокой и тростникомъ глухого озера, по берегамъ котораго раскинулась небольшая деревушка. Было жарко и душно: пахло дымомъ отъ горѣвшаго гдѣ-то лѣса. Моя собака, высунувъ языкъ и усиленно дыша, сидѣла въ носу челнока. Пустить ее по берегу было нельзя, потому что тростникъ густо разросся саженьхъ въ пятидесяти отъ берега по довольно глубокому мѣсту и о выгонѣ изъ него утокъ собакой не могло быть и рѣчи.

Подумалъ я переѣхать на противоположную сторону озера, но вспомнилъ, что сажу въ лодкѣ, которая по своей приспособленности держаться на водѣ не далеко ушла отъ досчаника Тургеневскаго Сучка, а потому благоразумно рѣшилъ держаться поближе къ берегу.

Вдругъ мое вниманіе было привлечено какимъ-то страннымъ предметомъ, шагахъ въ пятидесяти отъ меня, среди тростника. Подвигаясь ближе, я разсмотрѣлъ наконецъ, что это спиною ко мнѣ, сгорбившись, въ зимней шапкѣ, черезъ прорванный мѣхъ которой выбилась пакля,—сидитъ какой-то рыбоволь. Ни лодки, ни удочекъ еще не было видно и, казалось, будто человѣкъ этотъ сидитъ прямо на поверхности воды,—до того низко спустилась въ воду корма его лодочки.

Чтобы не помѣшать рыболову, я тихо направился мимо, шопотомъ закликая сердито ворчащую на незнакомаго сабаку.

— „Не бойсь, поѣзжай безъ опаски, все равно не клюеть“, слышался хриплый и слабый голосъ.

— Не клюеть? Такъ чего-жь ты на одномъ мѣстѣ стоишь? Переѣзжай, на другомъ можетъ быть лучше будетъ.

— „Зачѣмъ переѣзжать, сразу все равно ни на какомъ мѣстѣ брать не будетъ; надо выждать: рыба любитъ терпѣніе, а ѣздить съ мѣста на мѣсто,—только попусту время терять. Ёзди пожалуй, озеро широко, да толку-то отъ этого мало“.

Я подѣхалъ къ самому челноку говорившаго и только тутъ рассмотрѣлъ его, какъ слѣдуетъ.

Признаться, я не мало былъ удивленъ, увидя передъ собою совсѣмъ дряхлаго старика, которому на видъ можно было дать не менѣе 80 лѣтъ.

Характерно было лицо его: сухощавое, съ острымъ длиннымъ носомъ, съ небольшими, полуслѣпыми, слезящимися глазами, почти совершенно лишенное растительности на щекахъ и подбородкѣ,—оно производило какое-то особенное, долго не забываемое впечатлѣніе... Грязная посконная рубаха съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ сухую и темную отъ загара грудь, и короткіе синіе порты—составляли, повидимому, всегдашнюю, а можетъ быть и единственную одежду старика. Удочка, съ толстою лесою и сухою тростинкой вмѣсто поплавка, была заброшена съ правой стороны лодки, въ свободное отъ тростника мѣсто. Старикъ внимательно слѣдилъ за поплавкомъ и, казалось, весь погруженъ былъ въ это занятіе.

— Дѣдушка, я давно живу въ здѣшнихъ мѣстахъ, а мнѣ даже въ церкви никогда не приходилось видать тебя!

— „Да въ церкви-то, доброхоть, ужъ я годовъ, поди, семь не бывалъ: ноги болятъ, не дойти, а коли свезутъ,—стоять не могу. По воскресеньямъ да по праздникамъ я въ своей деревенской часовнѣ молюсь, а причащаетъ по постамъ о. Иванъ дома, когда съ требами къ намъ пріѣзжаетъ. Зажилъ я на семь свѣтѣ, да вотъ видно Богъ еще грѣхамъ терпитъ. Что жизнь-то моя? никому не нуженъ сталъ—лишний ротъ въ семьѣ и больше ничего. Жаль вотъ Степку только.

Паренекъ такой есть, Степка, отъ внука онъ мнѣ-то, отъ Миколая приходится. Вотъ его жаль, потому какъ норато*) я къ нему приверженъ. Ты, говоритъ, дѣдушка (все дѣдушкой меня зоветъ), умрешь, такъ и тебѣ гробъ сдѣлаю, какъ у дохтура: сукномъ обобью и золотомъ убашу. Глупый, извѣстно! Былъ онамеднись на погостѣ да наглядѣлся, какъ дохтура хороняли, вотъ и болтаетъ. Дохтуръ-то молодой, сказываютъ, былъ,—отъ горячки умеръ“.

— Ты не съ Острова ли, дѣдушка, самъ-то?

— „Съ Острова. Сердягинъ по фамиліи, Сердягинъ Тихонъ Осиповъ, можетъ слыхалъ? Вонъ и домъ стоитъ, тебѣ-то видно, большой такой пятистѣнокъ у часовни у самой. Прежде дома-то строить куда легче было. Одно, что добыча не нынѣшняя была, а другое, что лѣсу въ своей нарѣзкѣ сколько угодно бери, думали на вѣкъ хватить, а вотъ теперь не только, что бревень на постройку, а и дрова приходится въ удѣлѣ покупать. Да что про нынѣшнее время говорить; у сосѣда вонъ по веснѣ старуха умерла, такъ на гробъ сарай пришлось разобрать: нѣтъ тесу, а купить нена что. Воно кругомъ благодать какая лѣсу, да лѣсъ-то удѣльный. Хошь ты не въ топленой избѣ сиди, а прута въ лѣсу взять не мочи, нѣтъ тебѣ въ лѣсу никакого ходу и шабашъ! Али опять на счетъ рыбы взять: удочкой сколько угодно лови, ну, а что касасемо невода, али верши—не трожь безъ билета, а то себѣ дороже обойдется. Въ прежнее время вовсе не то житье было. Вотъ этотъ домъ-то мой старшій внукъ строилъ, Семенъ, годовъ ужъ десятка полтора стоитъ, а до этого другой былъ на этомъ же мѣстѣ, только не въ примѣръ больше этого и о два жилья. Тотъ я строилъ, да не привелъ Богъ умереть въ немъ. Дивья было строить въ мое время, ужъ не говоря обо мнѣ, потому моя статья особая“.

У старика клевало. Мелкая дрожь поплавка перешла въ колебаніе, тростинка, замѣняющая поплавокъ, поднялась и черезъ мгновеніе скрылась подъ водою. Но старикъ все еще медлилъ къ моему удивленію, но, какъ потомъ оказалось, онъ вовсе и не видалъ, что у него клюетъ, хотя и смотрѣлъ на поплавокъ.

Я не выдержалъ:

*) Очень, весьма.

— Тащи же, дѣдушка, скорѣе, клюеть!

Онъ заторопился, схватилъ удилище и дернулъ. Леса натянулась и пошла въ сторону. Мнѣ казалось, что у старика будетъ солидная добыча и мнѣ даже нѣсколько досадно стало, когда старикъ, сдѣлавъ усиліе, вытащилъ окунька съ четверть фунта вѣсомъ.

— Ну, Тихонъ Осиповичъ, видно не прежняя сила-то: не могъ сразу вытащить такого окунишка!

— „Что за окунишка! Нѣтъ, ладно, почаще бы такіе хватали! Еще бы штуки двѣ—три, такъ такую бы уху завели со Степкой! А что до силы, такъ это ты правильно разсудилъ, сила не прежняя стала, а почитай что и вовсе нѣтъ силы, вся прожита. Да и какъ не прожить? На вѣку-то всякихъ дѣловъ подѣлано; былъ конь, да и уѣзженъ“.

— Вотъ ты, дѣдушка, сказалъ, что тебѣ домъ легко строить было; говоришь: „моя статья особая“. Это въ какомъ же смыслѣ, „особая статья“?

— „А въ томъ и особая, что служба у меня была такая, что лучше не надо. Можетъ слыхалъ когда о *добросовѣстныхъ*, такъ вотъ я въ П—скомъ приказѣ добросовѣстнымъ служилъ!“

— Что это за служба?

— „То и служба, что по письменной больше части; ну, а между прочимъ, что заставляютъ, бывало, то и дѣлаю“.

Объ этой должности я и равьше слыхалъ, но сбивчивы и разнообразныя толкованія „знающихъ людей“ не давали возможности заключить что-нибудь положительное и опредѣленное о службѣ „добросовѣстныхъ“. Я думалъ, что старикъ Сердягинъ выяснитъ мнѣ это, и сталъ его распрашивать. Но оказалось, что онъ служилъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и о своихъ обязанностяхъ только и помнитъ, что онѣ были „больше по письменной части“.

Потомъ уже, много времени спустя послѣ встрѣчи со старикомъ, мнѣ удалось узнать, что въ довольно значительномъ по числу служащихъ штатѣ приказа была должность „добросовѣстнаго“. Это была, такъ сказать, полуписарская должность. „Добросовѣстные“ несли различныя обязанности, между прочимъ имъ поручали расцѣтить съ поденными рабочими, производство слѣдствія по маловажнымъ дѣламъ, иногда сборъ недоимокъ и т. п. дѣла, порученіе которыхъ зависѣло

исключительно отъ воли головы приказа. Должность эта считалась не изъ послѣднихъ по „доходности“, а потому ея многіе добивались въ то время.

— Долго ты дѣдушка „доброевѣстнымъ“ служилъ?

— „Годовъ съ десятокъ служилъ“.

— Что же нравилась тебѣ эта служба?

— „Чего же лучше? Жалованья рублей сто получалъ (старикъ считалъ на ассигнаціи), а тамъ другое, прочее. Жить можно было—лучше не надо, только одно не хорошо: съ такою службой Бога забудешь. Всего вдоволь, все тебя величаютъ. Праздникъ придетъ,—изъ гостей въ гости, а по большимъ праздникамъ случалось и голова позоветъ. Придешь,—чай на подносѣ съ вареньемъ подають, нѣмецкая музыка играетъ,—веселись душа! Ну, тоже и дома самоваръ завелъ, а для чего, и самъ не знаю: не любитель до чаю былъ, а въ семьѣ такъ только слышали о чаѣ, а какой-то чай—вовсе и не знали. Женѣ сколько сарафановъ завелъ, штофныхъ, а у самого суконная чуйка, рубаха кумашная, сапоги. Ну, извѣстно, когда при такомъ житьѣ о душѣ думать? О, Господи-Батюшка, какъ вспомнишь старое да оглянешься на теперешнее житье, такъ только возблагодаришь Создателя. Грѣховъ-то сколько было, суеты-то житейской! Все казалось мало, хотя ужъ черезъ край сыпалось. Теперь покой! Только бы хлѣбомъ не попрекали, да не очень-бы обижали, и слава Богу“!

II.

Опять пришлось указать старику, что у него клюетъ. На этотъ разъ онъ вытащилъ трехвершковую сорожку и былъ весьма доволенъ.

— Ну, а послѣ службы „доброевѣстнымъ“ ты все время дома жилъ?

— „Дома я, доброхоть, почитай что совсѣмъ не жилъ. Изъ приказа, значить, прямо сказать, меня учителемъ опредѣляли. Вышло, понимаешь, отъ начальства отъ удѣльнаго приказаніе, чтобы, значить, безпремѣнно при приказѣ школы открыли, обучать чтобы ребятъ. Ну, мнѣ голова и говорить: „Съ осени“, говорить: „ты, Тихонъ Осиповъ, по повелѣнію начальства учителемъ въ школу будешь состоять, жалованья будешь получать сколько и теперь получаешь, ну, а на счетъ

другого-прочаго не знаю*). Жаль мнѣ, говорить, тебя на эту-кую должность пихать, да ничего не подѣлаешь: другіе на счетъ водки соотвѣтствовать не могутъ, а отъ начальства строго, чтобы значить, настоящий человекъ былъ". Школу рядомъ съ приказомъ выстроили и зачали робятъ забирать. Слезъ-то что тогда было! Отдавать въ школу робятъ никому не хотѣлось. Кто могъ, ежели деньги были, тотъ откупался, чтобы, значить, въ школу сына не брали; ну, а у кого откупиться нечѣмъ было, того сейчасъ учить".

— Передъ кѣмъ же откупались?

— „А откупались, извѣстно, передъ головой: онъ распоряжался этимъ,—по семейнымъ спискамъ записывалъ, въ родѣ, какъ въ солдаты. У батъка ежели деньги есть, онъ и преподнесетъ головѣ, сколько тамъ слѣдуетъ, а голова, буде доволень, пзъ списковъ его сына и вычеркнетъ. А ежели ты бѣденъ, такъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь: отправляй сына въ школу безъ разговоровъ. Больно-то маленькихъ не писали, а все годовъ этакъ шестнадцати—семнадцати, а то и старше,—этакихъ-то больше откупали,—потому парня женить пора, а его въ школу забираютъ. Напрасно только откупались-то, глупость одна. Оно, конечно: выучиться грамотѣ мудрено было, трудно; по три года грамотѣ-то учились, чтобы, значить, по печатному разбирать, а писать-то, такъ иной только свою фамилію да имя выводить научится, да и то еще слава Богу. Ну, только чтоя до робятъ не больно лютъ былъ, безперечь не дралъ и робята-школьники меня любили. Близъ десятка годовъ въ удѣльной-то школѣ училъ, да уволили меня, значить, окончательно. Пріѣхалъ начальникъ, никто и не чаялъ: прямо въ школу; самъ спрашивать робятъ почалъ, а послѣ того и говоритъ: ты, говоритъ, не годишься учителемъ, и велить головѣ, чтобы, значить, мнѣ другое мѣсто. Только не вышло такъ. Попривыкъ я къ робятамъ даже, дѣло-то по душѣ обернулось, тоска меня взяла, да и отъ крестьянской работы отвыкъ. Вотъ и думаю: ну-ка, Господи благослови, начну по деревнямъ робятъ учить; народъ теперь къ школѣ пріобвыкъ, пользу зачалъ видѣть въ грамотѣ,—не то что прокормятъ, такъ и платить, пожалуй, кто чѣмъ можетъ, бу-

*) Что подразумѣвалось подъ именемъ „другого-прочаго“—мнѣ не удалось узнать. *В. Ив.*

дутъ. Дома во мнѣ не нуждаются: сыновья взрослые (жена къ тому времени ужь покойна была), живутъ хорошо, не буду въ семьѣ жить, пойду себя своей головой кормить. Такъ и сдѣлалъ. Годовъ тридцать, а то и больше, по разнымъ мѣстамъ ходилъ, робать грамотѣ училъ; какъ цыганъ, изъ деревни въ деревню переходилъ. Въ большихъ деревняхъ такъ человѣкъ по пятнадцати сразу обучалъ, настоящая школа! По рублю съ малыша за зиму бралъ; ну, тоже и кормили! А вотъ какъ силу потерялъ.—пришлось домой оборотиться. Оно, что говорить; внукамъ-то не грѣхъ бы содержать меня: домъ-то вѣдь я, какъ полную чашу, имъ оставилъ, самъ рѣдко и заглядывалъ, а послѣ смерти жены, почитай и вовсе не бывалъ, такъ буде—на недѣлю на другую заглянешь. Но только внуки забыли, значить, съ кого жить пошли, особливо вотъ съ того время, какъ мой домъ сгорѣлъ отъ Божьей грозы, а вмѣсто него Семень другой выстроилъ“.

Старикъ разсказывалъ охотно, только голосъ его слабый и хриплый и отсутствіе зубовъ дѣлали разсказъ его такимъ неяснымъ для моего слуха, что нѣкоторыя фразы все ускользали отъ моего пониманія, особенно въ то время, когда старикъ нагибался отливать черпакомъ воду изъ своего челнока.

Я выразилъ удивленіе, что такого дряхлаго старика одного на озеро пускаютъ; вѣдь, ѣздя и не въ такой плохой лодкѣ, легко утонуть слабому, старому человѣку.

— „Вотъ, вотъ, подхватилъ старикъ: это же самое и внукъ Миколай говоритъ. Куда, говоритъ, тебѣ, дѣдко, на озеро ѣздить? Сразу потонешь; сиди дома, пока кормятъ, да со Степкой няньчись—доглядывай. Да вотъ поди ты; тянетъ,—на озерѣ выросъ. Сегодня всѣ на покосѣ, только мы со Степкой дома остались. Парнишка набѣгался, сморило, а мнѣ и захотѣлось: дай, думаю, съѣзжу—не подастъ ли Богъ. Не проснулся бы только безъ меня Степка-то; бѣда, коли проснется: сразу меня хватится,—перенлачется весь. Тихо сегодня рыба беретъ, а домой пора“.

Онъ опять привился отливать воду изъ-подъ своихъ босыхъ ногъ и все бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, чего никакъ нельзя было слышать за плескомъ воды: очевидно старикъ рѣшился кончить ловлю и отливалъ на этотъ разъ безъ опасенія отогнать рыбу.

Вечеръ былъ великолѣпный. Неподвижная гладь озера была залита лучами низко уже спустившагося солнца. Позвякивали „колокола“ возвращающихся съ пастбища коровъ, блеяли овцы и были слышны призывные голоса людей, манящихъ скотину. На противоположномъ берегу купались дѣти; ихъ смѣхъ, крики и визгъ были слышны такъ отчетливо, будто они купались въ нѣсколькихъ шагахъ. Отъ ихъ беззаботнаго веселья становилось легко и весело.

Тихонъ Осиповичъ покончилъ съ отливкой воды изъ челнока и уже собрался ѣхать въ деревню, но мнѣ не хотѣлось такъ скоро разстаться съ словоохотливымъ старикомъ. Въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное изъ его жизни, я вновь обратился къ нему, предусмотрительно придвинувшись къ его челноку поближе.

— Вотъ головѣ то приказа въ твоё время, дѣдушка, можно было жить! Большой человекъ голова былъ по тому времени?

— „Что говорить про голову: первый человекъ былъ по всему приказу! Что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и указу его никто перечить не смѣлъ. Былъ у насъ вотъ, примѣрно сказать, Черновъ голова, царство ему небесное. Властный человекъ былъ и служилъ долго. Большія деньги имѣлъ, только въ крокъ-то эти деньги не пошли: сыновья еще богато жили, а ужъ внуки-правнуки, слышно, не лучше насъ грѣшныхъ жпвуть, съ костяного на каменное перебиваются. Не любилъ покойничекъ потачки давать никому изъ нашего брата-мужика! Чуть что, сейчасъ прикажетъ горячихъ выпать. Иной послѣ его обращенья-то цѣлый мѣсяцъ ходитъ—почесывается. Особенно на счетъ дорогъ строгъ былъ. Ѣдетъ, примѣрно, по дорогѣ, запримѣтитъ ухабъ или тамъ ямку какую. „Стои! Чей участокъ?“—Ракульскій!—„Старосту!“ Да тутъ же на дорогѣ и отдеретъ. Тоже вотъ на счетъ податей лють былъ: чуть къ сроку не внесешь, бѣда,—запоретъ! Брата родного при всемъ сходѣ однова выпоролъ. Не хватило у брата-то пятакъ мѣднаго къ податямъ. Что стоитъ пятакъ! Какъ братъ-то просилъ, плакалъ. „Нѣтъ“, говорить: „это ты оставь, ложись безъ разговоровъ; оно пятакъ, что говорить, дѣло не большое, за тебя сейчасъ кто угодно и не пятакъ заплатитъ, обо мнѣ и говорить нечего, но только самъ будь въ аккуратѣ, коли ты подати несешь. Хоть и братъ ты мнѣ,

а все равно, по службѣ потачки не дамъ. Тебѣ сдѣлаю послабленіе,—съ другихъ какъ взыскивать буду?“ Случай разъ вышелъ изъ-за податей-то не хорошій. Былъ мужикъ тутъ въ одной деревушкѣ, Михайломъ звали. Бѣдный мужикъ былъ, ну, и не припасъ податей къ сроку. Дали ему порку здоровую, а голова и говоритъ: „Ты такой-сякой ежели послѣ завтра не внесешь податей, еще баню получишь, да не такую, какъ сегодня!“ А Михайло мужикъ былъ смиренный, такой, миляга, робкій. Испугался, запрегъ лошаденку въ дровни, будто по дрова поѣхалъ, да въ Кругломъ озерѣ, что вотъ за нашей деревней, и нырнулъ въ прорубь. Видно жалко горемыкѣ одеженку-то было, такъ онъ раздѣлся, словно выкупать ся собирался—въ дровняхъ все оставилъ. Съ этого случая голова смякъ маленько. Приказъ-то*) это онъ березками обсадилъ; во какія стали, красота! Вотъ это голова былъ! Оедоромъ Петровичемъ звали.“

— „Дѣдушка!“ послышался внезапно отъ деревни отчаянный дѣтскій крикъ.

— „Бѣда!—засуетился старикъ: Степка меня разыскиваетъ. О, Господи, не забрелъ бы куда. Прощай, доброхотъ, не обезсудь за глупыя рѣчи!“ Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, попрощаться со старикомъ, какъ онъ уже отъѣзжалъ отъ меня. Я нѣкоторое время видѣлъ еще его напряженно согнутую, старую спину и ускоренно работающія весломъ руки, но вотъ онъ сдѣлалъ въ тростникѣ поворотъ и скрылся. Отъ деревни опять неся дѣтскій крикъ, въ которомъ слышались и мольба и нетерпѣніе и отчаяніе: „Дѣдушка, гдѣ ты?“

— „Молчи, молчи, Степка, вотъ гдѣ я, къ тебѣ ѣду, глупый!“ услыхалъ я еще разъ голосъ старика, но уже далеко отъ меня, ближе къ деревнѣ.

III.

Прошло болѣе мѣсяца послѣ встрѣчи моей со старикомъ Тихономъ. Я заѣхалъ къ священнику о. Мудрову, къ которому частенько заглядывалъ, и бесѣды съ которымъ, какъ съ человѣкомъ гостепріимнымъ, веселымъ, не смотря на его очень почтенные годы (о. Мудровъ служитъ въ приходѣ уже болѣе сорока лѣтъ), разговорчивымъ и увлекательнымъ рассказчикомъ,—доставляли мнѣ истинное удовольствіе. Мнѣ ска-

*) Т. е. домъ, въ которомъ помѣщался приказъ. В. Из.

зали, что батюшки нѣтъ дома, но что онъ скоро придетъ изъ церкви, только похоронитъ сейчасъ привезеннаго покойника. Священникъ, дѣйствительно, скоро пришелъ, но его добродушное, веселое лицо было омрачено, онъ казался разстроеннымъ и взволнованнымъ.

— Кого это, батюшка, сейчасъ хоронили? Этакая у васъ должность-то невеселая!

— „Охъ, не говорите; хорошаго человѣка хоронилъ, хотя въ послѣднее время и бесполезнаго, но, тѣмъ не менѣе, очень жалко, просто даже разстроился я изъ-за этого. Это, такъ сказать, дореформенный человѣкъ былъ, но человѣкъ на рѣдкость добрый и честный. Можетъ быть слышали про старика Сердягина, еще въ приказѣ добросовѣстнымъ служилъ, а потомъ бродячимъ учителемъ былъ?“

Я рассказалъ про мою встрѣчу и разговоръ со старикомъ на озерѣ.

— „Жалко“, повторилъ батюшка: „умный, хорошій человѣкъ былъ; много онъ поработалъ на своемъ вѣку и поработалъ вполнѣ безкорыстно на пользу ближняго. Вѣдь это только легко сказать, что, молъ, тридцать лѣтъ по деревнямъ за гроши ребятъ училъ. Развѣ онъ другого, болѣе выгоднаго дѣла въ то время не могъ найти? Могъ; да еще какъ; грамотнаго человѣка тогда очень цѣнили, особенно который порядочно писать могъ“.

— А правда, батюшка, что онъ въ удѣльной школѣ учителемъ служилъ?

— „Разсказываютъ, что служилъ,—это еще до меня было. Только, конечно, не могъ онъ организованной школы вести, знаній-го у него не ахти сколько было,—грамотность одна. Удѣльная школа хоть не многолюдна была, но все же въ ней училось человѣкъ двадцать пять—тридцать; тоже три отдѣленія было, и хотя опредѣленной программы для нея и не существовало, но вѣдь какъ-никакъ, а отдѣленія другъ отъ друга знаніями должны были отличаться, а гдѣ же Сердягину было дать ученикамъ знанія, если онъ и самъ ихъ не имѣлъ; понятно, что какъ только заглянулъ въ удѣльную школу знающій и интересующійся ею чиновникъ, такъ сразу Сердягина и въ отставку. Да онъ, насколько я знаю, и не въ претензіи былъ, а принялъ увольненіе отъ должности, какъ должное. Странная школа эта была,—вдругъ оживился

бабушка,—я въ расцвѣтѣ, такъ сказать, засталъ ее! Представьте себѣ, что въ ней дранье за уши и волосянки чуть ли что не за ласки считались и ученики такъ къ этому привыкли, что буквально не обращали вниманія на это. Учителя, конечно, не спеціалисты по своему дѣлу были и назначались на должность головою. Желованья гроши получали и жили, на сколько можно судить по различнымъ разсказамъ, тѣмъ, что съ учениковъ нѣкоторую „контрибуцію“ сбирали. Помню, какъ-то по прїѣздѣ сюда, я полюбопытствовалъ заглянуть въ школу. Помѣщеніе довольно большое, свѣтлое; большія черныя парты, на одной сторонѣ каждой изъ низъ прикрѣплена вертикально палочка съ поперечной досечкой на ней; на досечкѣ написано на одной сторонѣ: „классъ“, на другой: „кончено“. Передъ партами на стѣнѣ двѣ классныхъ доски, къ каждой изъ которыхъ, приблизительно на аршинъ съ четвертью отъ пола, прикованъ однимъ концомъ желѣзный полукругъ, свободный конецъ котораго лежитъ на полу. Между партами и классными досками столъ и стулъ для учителя. По стѣнамъ нѣсколько картинъ изъ священной исторіи. У входныхъ дверей широкая скамейка, а подъ нею пукъ розогъ. Потомъ я узналъ, что досечки съ надписью „классъ“ и „кончено“ повертываются дежурными по партѣ въ урочное время—„классъ“, въ перемѣны и послѣ уроковъ—„кончено“; вмѣсто ли звонка придумано это было, или для контроля классной дисциплины начальствомъ приказа, и кто это выдумалъ, я узнать не могъ, потому что все какъ-то мало интересовались этимъ и толковали каждый по своему, а учитель, помню, объяснилъ, что это такъ заведено до него. Желѣзные обручи у классныхъ досокъ имѣли болѣе реальное примѣненіе: малоуспѣшные ученики въ перемѣны по распоряженію учителя становились къ доскѣ и опоясывались желѣзнымъ обручемъ, свободный конецъ котораго, имѣющій просѣчку, накладывался на желѣзную петлю, укрѣпленную въ стѣнѣ. Такимъ образомъ, имѣя съ одной стороны классную доску, съ другой прочный желѣзный пруть, слабые ученики съ указками въ рукахъ, стоя въ этой тѣсной загородкѣ, зубрили написанные на доскѣ склады и твердили непонятныя для нихъ арифметическія упражненія или зазубривали географическія мудрости традиціонной диктовки дореформенной школы. Относительно широкой скамейки я не наводилъ,

конечно, справокъ, потому что назначеніе ея для всякаго понятна само-собою“.

Долго еще говорили мы съ батюшкой на эту тему; грустно становилось мнѣ отъ его разказовъ, больно и грустно за цѣлое поколѣніе людей, на себѣ испытавшихъ варварскій режимъ старой школы. Но о. Мудрову, очевидно, не давалъ покоя только что похороненный имъ старикъ Тихонъ, и онъ вновь перевелъ разговоръ на него.

— „Плохо жилось старику въ послѣднее время. Сыновей онъ пережилъ, а внукъ Николай, слышалъ я, плохо вато относился къ нему. Есть у Тихона другой внукъ, Семенъ; звалъ его Семенъ къ себѣ жить, такъ не согласился покойникъ, только потому, что у Николая сынишка есть, Степка, мальчикъ лѣтъ семи. Тихонъ его безъ памяти любилъ, да и Степка сильно былъ привязанъ къ прадѣду. Знаете, что мальчишка сдѣлалъ, когда старикъ умеръ? Просто удивительно. Пора, изволите ли видѣть, рабочая: жнитва подошла. Умеръ Тихонъ. Не хотѣлось домашнимъ держать покойника въ избѣ цѣлыя сутки, а хоронить сразу нельзя—неудобно, вотъ они и порѣшили вынести его въ деревенскую часовню. Пришли вечеромъ съ работы, хватились Степки, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Туда-сюда; переполохъ подняли страшный, вездѣ выискали, всѣхъ переспросили,—не видалъ ли кто? Ребятишки на деревнѣ утромъ видѣли, а съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу о Степкѣ. Бабы въ слезы, а мать, такъ та вовсе слегла,—ужь отливать водой принимались. Всю деревню сбили; такъ всѣ и рѣшили, что утонулъ мальчикъ. Утонуть легко: со всѣхъ сторонъ вода! Ребятишки безъ всякаго призора бѣгаютъ цѣлый день; упалъ въ рѣку съ обрыва,—никто не увидитъ и не услышитъ, а то забредетъ въ озеро, оступится и готовъ. Хорошо, что кому-то въ голову счастливая мысль пришла: не въ часовню ли забрался къ „дѣдушкѣ“? (о покойникѣ какъ-то всѣ сначала и забыли). Бросились туда, видятъ: часовня не заперта. Вбѣжали туда, да такъ и онѣмѣли. У насъ такъ бываетъ: ставятъ двѣ скамейки по срединѣ часовни, на скамейки нѣсколько досокъ кладутъ, а на доски гробъ съ покойникомъ ставятъ. Сердячины поспѣшили: вынесли покойника въ часовню не въ гробѣ, а такъ,—гробъ-то утромъ передъ похоронами сколотить рѣшили. Такъ вотъ, изволите ли видѣть,—мертвый старикъ

въ балахонѣ, какъ слѣдуетъ обряженный, на доскахъ лежитъ, а рядомъ съ нимъ Степка. Обнялъ мертваго, головушку ему на грудь положилъ и спитъ, а лѣвая рука покойника пальцами-то на шеѣ мальчика покоится, будто обнимаетъ. Въ открытое окно часовни вѣтерокъ легонько дуетъ, длинные, бѣлые, какъ чесаный ленъ, волосики Степки развѣваетъ по лицу старика. Казалось,—разсказывали,—будто мертвецъ улыбается и волосики ребенка цѣлуетъ“.

В. О. Ивановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

(изъ досуговъ сельскаго учителя).

* * *

Погнулись вѣтви березы подъ комьями снѣжными.
Она, отягченная, ждетъ:
Весна ли избавить отъ бремени ласками нѣжными,
Иль грозная буря смететь
Съ вѣтвей ненавистные комья вѣтрами мятежными?
И думаетъ грустную думу въ тревогѣ она:
Не слышно ли грознаго шуму? Неидеть ли весна?

ОТВѢТЪ

на предложеніе написать стихи въ честь благодѣтеля.

Сыны тщеславья, низкой лести,
Ожесточили мы сердца:
На голосъ совѣсти и чести,
На зовъ свободнаго пѣвца
Насмѣшкой ѣдкой отвѣчаемъ,
Межъ тѣмъ, какъ солнце, величаемъ
Мѣшокъ богатаго купца.

* * *

Въ святомъ иорывѣ искушенья
Мы ставимъ множество свѣчей,
Чтобы до горняго селенья
Дошли молитвы богачей...
Мы сильнымъ въ даръ несемъ иконы;
Но чужды намъ голодныхъ стоны,
Не ясны звуки ихъ рѣчей.

И. Вересовъ.

АРЕСТЫ.

(Разсказъ).

I.

Приближались святки. Школьниковъ распустили на праздникъ. 28 декабря они соберутся въ школу, гдѣ для нихъ зажгутъ елку...

Учителя: Вѣра Михайловна, ея сынъ Иванъ Дмитричъ и Зинаида Алексѣевна Цвѣткова собрались въ квартирѣ за-вѣдывающей школой, Вѣры Михайловны.

На столѣ уморительно журчалъ самоваръ и паромъ наполнилъ чуть ли не всю комнату.

Зинаидѣ Алексѣевнѣ въ промерзшее окно видны: квадратный кусокъ голубого неба, четыре звѣздочки, крыша сарая покрытая толстымъ слоемъ снѣга, деревья въ снѣгу, скирды соломы въ бѣлыхъ папахъ...

Цвѣтковой грустно, одиноко... Черезъ четыре дня Рождество — зимній торжественный праздникъ...

Встають яркими образами старуха — мать, два брата, Сила и Ляня, и сестра Варя... далеко она отъ нихъ — почитай что двѣ губерніи разстояніе. «Загнали» ее сюда, въ чужую губернію, нужда, поиски за *кускомъ хлѣба*, а больше призваніе къ учительству, какое только можетъ гнѣздиться и пылать въ молодой, самоотверженной душѣ и честномъ сознаниіи... Не можетъ она поѣхать «туда», — держать ее здѣсь великая сила... Она принимала вѣдь самое горячее, активное участіе въ освободительномъ движеніи, — говорила рѣчи на сходкахъ, ходила по мужицкимъ хатамъ и объясняла мужичкамъ значеніе «свободы».

Еще до знаменательнаго манифеста о «свободахъ» ее всегда можно было видѣть *летающей* по улицамъ села.

Забѣгала она чуть ли не въ каждую хату, — туда снести задаромъ сшитую бабѣ кофточку, тамъ напишетъ письмо сыну — солдату, тому прошеніе составить, иной письмецо полученное прочтетъ да и толкомъ растолкуетъ; за фельдшеромъ съѣздить сама или записку пошлетъ, за больнымъ ухаживаетъ, лѣкарство даетъ ему...

Горячая, живая душа была Цвѣткова, всѣхъ и каждаго въ деревнѣ обдавала она своею теплотою и всегда натпскомъ шла на строптивыхъ, шла на молчаливыхъ рабовъ что такъ рабски тащились въ эксплуататорской — кулацкой упряжи, — съ силой и клокочущей горячностью набрасывалась она на «обезличеннаго» мужика и открывала передъ нимъ завѣсу, гнала его на смѣлый, грозный протестъ... Своей теплотой и необыкновенною горячностью Цвѣткова гипнотизировала окружающихъ ее мужиковъ и понукала ими легко и свободно, но никогда она не злоупотребляла своимъ вліяніемъ и старалась вылить, пустить его въ хорошую, честную, правдою и смѣлостью звучащую сторону!...

Попъ, староста и другіе, «власть имущіе», обращались съ нею весьма деликатно, но слишкомъ ужъ громко эта деликатность кричала о внутренней ненависти, желаніи устроить каверзу, насолить, — и Цвѣткова ясно видѣла это, плохо замаскированное, желаніе сельскихъ властей и кулаковъ, видѣла и вызывающе насмѣхалась надъ всей этой игрой, ибо чувствовала за спиной сильную общественную поруку и неподдѣльную, простую любовь, способную на самый дерзкій, рѣшительный протестъ и беспощадную, ни одной пяди не уступающую, защиту!...

Частенько ей приходилось «вовтузпца» съ больными.

— «Матрена, намъ надо принять порошокъ!... Высунь, милая, языкъ!... Ротъ раскрой пошире... такъ, милая, такъ... На-а вотъ, -водой запить надо... Ну, что, не горько?»

— Противное! горче полыня, сплевываетъ больная.

— «Ничего-о .. Болѣзнь-то, Матреха, сладкимъ не выпишь»!...

— Зипанда Алексѣевна... я бы... вы дайте... я всѣ ихъ... что съ ними «канителица»... сразу... проглочу, да и капуть имъ!...

Цвѣткова смѣется, увѣряетъ большую, что такъ нельзя, что надо соблюдать дозу,—больная соглашается, но все же не прочь «сожрать» порошки «смаху».

А учениковъ она сама укутываетъ и только тогда ужь отпускаетъ по домамъ изъ школы.

У нея было первое отдѣленіе: все малыши—бойкіе, шаловливые, грязнушки до отвращенія. Послѣ долгихъ наказовъ матерямъ о томъ, что бы ребятъ посылали въ школу чистыми, дѣти стали чище, бодрѣе—и Цвѣткова полюбила свой улей съ шумными пчелками. Пришьеть бывало иному подтяжку, пуговицу, а то даже и латченку накинеть, дѣвочекъ научила «хорошо» заплетать косички... И дѣтишки, малыя ребятишки подтянулись, инстинктивно почувствовали любовь къ себѣ учительницы, прилѣпились къ ней и тихо поплыли за Зинаидой Алексѣвной, а Цвѣткова слилась со школою, съ народомъ, окунулась вся въ эту атмосферу, гдѣ черпала столько опыта, жизни, и беспощадно тратила себя на ихъ нужды.

Но вотъ октябрьскій манифестъ... Расковали свободу! Пустили на волю изъ долгой неволи!...

Со всѣмъ пыломъ горячей, молодой и честной души, любящей темный, обезличенный и придавленный народъ, бросилась она къ народу со всѣми тайниками души и счастья людскаго, смѣло нырнула въ эту великую волну освобожденія... въ волну просыпающагося народа, который послѣ долгихъ вѣковъ позорнаго рабства и трусливой спячки мысли и смѣлаго слова, послѣ долгаго отсутствія всеразрушающаго протеста, пробужденъ лучшими людьми, что ночей не спали и всю жизнь свою отдали для его пробужденія... Проснулся русскій народъ и «заворухился» огромнымъ, неуклюжимъ и заспанымъ тѣломъ, мыслью и сознаниемъ!... пробудился и сталъ искать шапку!...

Въ душѣ или скорѣе во всемъ сознаніи у Цвѣтковой зажглась новая, жгучая сила. Эта сила бурлила у нея по всему организму и могуче влекла куда-то, къ какому-то громкому дѣлу... Хотѣлось ей, всѣмъ сознаниемъ хотѣлось выбѣжать на улицу и затрезвонить въ набатные колокола. Пусть непрерывно реветъ набатъ и набатнымъ кличемъ сзываетъ народъ... который, сплотившись во едино, безъ слѣда смель, бы неправду съ русской земли!

Хотѣлось ей этого страстно, хотѣлось до боли, до слезъ, до истерики...

И она болѣла всѣмъ тѣломъ и мыслью!...

И какъ она теперь поѣдетъ домой, къ роднымъ, если она нужна здѣсь? и она осталась.

II.

— «Зайдешь, Ваня, къ Семенову, возьмешь 200 орѣховъ для елки», говоритъ Вѣра Михайловна сыну, котораго снаряжаетъ за покупками въ губернской городъ; тотъ досталъ книжку и записалъ—«взять у Семенова 200 орѣх.»

Стѣнные, старой системы, дряхлые, какъ 100-лѣтняя старуха, часы сухо съ противнымъ визгомъ стонали и одуряюще, злобно—раздражающе хлестали и рѣзали вдругъ наступившее молчаніе, и всѣмъ было тяжело и жарко, точно каждый изъ нихъ прошелъ десятки верстъ подъ палящимъ въ 40° солнцемъ, увязая по косточки въ раскаленномъ крупномъ пескѣ... Каждый почувствовалъ лишній кусокъ времени, растерялся, увидѣлъ, что нечѣмъ заполнить эту пустоту, а тутъ еще идутъ праздники,—надо готовиться, лишніе расходы, ожиданіе со дня на день ареста, состоявшіеся уже аресты надъ товарищами по оружію, все это ворвалось въ больной организмъ, жгло его, больно, безъ крови рѣзало и рвало нервы...

Провѣрили реэстръ и оказалось, что почти все записано.

Подѣхали сани, залааялъ «Звонокъ» и Иванъ Дмитричъ натянулъ на себя кожухъ, надѣлъ теплую, занятую у мужика, шапку, простился со всѣми и вышелъ на улицу.

Цвѣткова видѣла, какъ онъ вышелъ, какъ затягивался краснымъ поясомъ, какъ подвязывалъ повыше воротникъ; потомъ онъ съ кѣмъ-то сталъ говорить, вернулся въ коридоръ, потоптался тамъ немного и опять вышелъ, стукнувъ дверью, которая съ визгомъ открылась вновь и Иванъ Дмитричъ вернулся опять, и опять со стукомъ, такъ что потолокъ, полъ и мебель затряслись, закрылъ на щеколду тяжелую косую дверь.

И вотъ съ трескомъ взвизгнули полозья и понесся, врываясь въ комнату, гулкій, туной стукъ лошадиныхъ копытъ... пролаяли собаки и смолкло все!...

Учительницы остались одни; имъ не говорилось, сидѣли молча и давились чаемъ.

...Оставаясь на единѣ, переживая праздники въ далекой по духовнымъ интересамъ деревнѣ, душа народнаго учителя невыразимо тоскуетъ—тоскуетъ по живительной музыкѣ, живомъ голосѣ, страстью и счастьемъ дышащей пѣсни!

Сколько мукъ душевныхъ переживаетъ народный учитель въ отрѣзанной отъ живого міра деревушкѣ, гдѣ онъ изнашиваетъ свою молодость, бодрость и живость души, силы здоровыя, кипучія и знойныя стремленія, любовь и тихую грусть!...

На шумномъ и пестромъ маскарадѣ въ веселую масленицу, на встрѣчѣ Новаго года, на веселомъ и нарядномъ балѣ, на такой же вечеринкѣ, на Пасхальныхъ розговинахъ — вспоминаетъ ли кто, что гдѣ-то за окномъ далеко-далеко, въ бѣдной деревушкѣ, въ плохо—натопленной комнатѣ, въ комнатѣ безъ воздуха и свѣта, при тускломъ огнѣ, надъ голымъ столомъ, со стаканомъ полу-горячаго чая, съ головою полною лицихъ, бесконечно длинныхъ думъ сидитъ одна—однешенька учительская душа?!...

Вспомнятъ ли о ней кто тогда?!

Въ праздничные вечера, склонившись у окна, гдѣ передъ твоими глазами открывается однообразная, бѣдная красками, но полная холодомъ и жаждою деревенская картина,—хорошо погрузиться и поноситься больною мыслию по всѣмъ закоулкамъ грядущей жизни и ея прогресса.

Цвѣткова пила глотками чай и старалась глотать его безъ гортаннаго шума. Завѣдывающая долго, сосредоточенно мѣшала ложечкою чай и все думала о томъ,—благополучно ли съѣздитъ Ваня, не подноять ли его тамъ; думала она о немъ, только о сынѣ одномъ.

Вѣра Михайловна была старая учительница, проучительствовавшая четверть вѣка. Мужика она изучила тонко,—легко, свободно и точно разбиралась въ его сложной психологіи. Не гнушалась она черной, мозолистой руки пахаря. Она была вожакомъ думъ пахаря,—къ ней тянулись, какъ былинки къ свѣту... Она жила жизнью деревни,—ея космополитическая душа отражала всю жизнь деревни. Живая, необыкновенно подвижная натура увлекала и гнала къ свѣту, къ знанію, къ солнцу всю окружающую среду...

III.

Кто-то стукнулъ въ сѣняхъ щекоткою и вошелъ въ сѣни. Послышался стукъ ногъ—очевидно вошедшій обиваетъ

сѣбѣ, потомъ вошелъ въ кухню, подошелъ къ двери и долго возилъ ладонью руки сначала по стѣнѣ, потомъ по плоскости всей двери и, наконецъ, найдя щелочку, съ шумомъ открылъ дверь.

Весь въ снѣгу вошелъ Шохманъ.

— «Вечеръ добрый!.. Какой морозъ! какой морозъ»... и подойдя къ Цвѣтковой и протягивая ей руку, спросилъ: «что вы такъ грустны?»

— Грустить теперь такъ естественно и такъ простительно!.. Берите стулъ, да подсаживайтесь къ самовару. Вотъ хорошо сдѣлалъ, что пришли, — мы молчимъ здѣсь вдвоемъ.

Тотъ сѣлъ. Завязался разговоръ, стали спорить.

— «Пріѣхалъ писарь и говоритъ — Николаевского учителя третьяго дня забрали», сообщилъ Шохманъ.

— Вотъ вамъ и реакція! воскликнула завѣдывающая, подавая Шохману чай. Да только возмущаться этимъ не должно — такъ и слѣдовало ждать.

— «Какъ же, Вѣра Михайловна, не возмущаться?.. Какъ не возмущаться? Вѣдь произволь это, насиліе!.. Довольно гнета! закипятилась Цвѣткова и нервно зашагала по комнатѣ.

— Долой тюрьмы! долой аресты! добавили бы еще... Зинаида Алексѣевна! (нѣжно обняла Вѣра Михайловна Цвѣткову). Милый, хороший вы человекъ!.. Сангвиникъ вы.

Цвѣткова удивлено поглядѣла на завѣдывающую и замолчала.

— «Нѣтъ, Вѣра Михайловна; возмущаться этимъ должно... Этому чувству здѣсь мѣсто... Народъ встаетъ... Народъ на ноги поднялся... Безъ помочей онъ поидетъ. Смететъ трупней ничтожныхъ!» ораторствомъ Шохманъ. «Развѣ не чувствуютъ они своей гибели. Пала стѣна гнета народнаго! Народъ изъ подъ тяжелаго пресса поднялся! Бюрократы не заглядывали въ народный очагъ, не считались съ его естественными потребностями, воніющими нуждами, а только больно, до крови и до костей стегали кнутомъ по пролетарскимъ спицамъ! станемъ мы теперь — ихъ стегать! Нѣтъ имъ мѣста въ опозоренной ими Россіи,.. Сгинуть имъ должно. Случалось ли вамъ читать или слышать слова изъ стихотвор. «Голосъ изъ вьюги?»»

Онъ молча глядѣли на Шохмана; тотъ заглянулъ въ ихъ глаза, понялъ, что слушать хотять, и съ чувствомъ произнесъ:

Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду...

Жди и вѣрь: я иду! я иду!..

Ты, затерянный въ мракъ забвенія,

Ты, задавленный игомъ мученія!

Черезъ бури, туманы и тьму

Я къ порогу иду твоему!..

Все я вижу и слышу въ потьмахъ:

Твой недугъ, и печаль, и рыданія!

Жди, иду я на помощь, мой братъ,

Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ,

Мимо храмовъ, блистающихъ славою,

Гдѣ главу лицемѣрно клоня,

Распиная меня,

Лѣвой душать, но крестятся правою!

Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли

Кровь и слезы для міра незримыя,

Что струилися въ лоно земли.

Охъ, несчастные! охъ, вы, гонимые!

Васъ укрыть отъ меня не могли.

Слышу, вижу тебя я, страдающій,

И къ порогу иду твоему,

Въ полночь, въ стонахъ метели рыдающей

Я иду черезъ бурю и тьму ..

Долго ждали, теперь онъ ужъ идетъ .. Шаги его слышатся... свѣтъ стелется впереди!.. свѣтъ, свѣтъ...

Наступило молчаніе.

Цвѣткова молча глядѣла въ окно.

Первая заговорила Вѣра Михайловна.

— Юноши вы. Право. Честные у васъ порывы. Только, дѣти, не надо кипятиться, надо побольше самообладанія... вѣдь вы молоды, опростетью бросаетесь въ народную волну, а это опасно. други мои. Вы беретесь вести народную темную рать. Только тогда можно взяться за это дѣло, когда у нея крѣпко сознаніе, вѣра въ вожака и довѣріе къ нему. А аресты, экзекуціи, разстрѣлы, — все это печально, но и спасительно. Будутъ жертвы, будутъ муки, кровь пролитая!.. Насъ

заберутъ по тюрьмамъ, мужики будутъ возмущены; мужиковъ сбькутъ—этимъ ихъ растрavляютъ, подымають на себя опасно-го не культурнаго звѣря.. Вѣшаютъ, разстрѣливаютъ борцовъ за свободу—пролетарій бастуетъ, сокрушаетъ, идетъ на вырчку... Чтожь? и насъ, вѣроятно, арестуютъ: вѣдь мы присоединились къ «крестьянскому союзу», намъ тюрьмы не миновать; совѣтъ мой—быть всегда къ этому готовымъ... Надо быть на сторожѣ. И поменьше словъ.. дѣла, только дѣла надо!

Да—сегодня мы всѣ ораторствуемъ—полоса на насъ нашла.

— «Чтоже? пойдѣмъ, коли попросятъ! найдутся замѣстители.. народъ освободить насъ!» съ вѣрою сказалъ Шохманъ.

— Мосе Шохмапъ, принесли обѣщанную книгу? перешла Цвѣткова на другую тему.

— «Принесъ... принесъ... какъ же, —вотъ пожалуйста!» подалъ онъ ей свертокъ.

— Спасибо! пожала Цвѣткова его руку и стала собираться ко двору; Вѣра Михайловна откинулась на спянку стула, закрывъ глаза.

— «Вы домой собираетесь, Зинаида Алексѣевна?»

— Да,—пора ужъ. Надо письма еще написать кой-кому.

— «Пойдемте вмѣстѣ, намъ по дорогѣ», предложилъ Шохманъ.

Та согласилась и стала прощаться съ Вѣрою Михайловной.

— «Покойной ночи!» ..

— Закрываютъ тамъ поплотнѣе двери.

— «Ладно. До свиданія».

— А Ваня ужъ вѣроятно къ столбамъ подѣзжаетъ и промерзъ навѣрно, подумала Вѣра Михайловна.

— «Покойной ночи... Сновидѣній вамъ пріятныхъ!» кричалъ Шохманъ изъ сѣней.

— Двери тамъ!...

— «Покойной ночи!»!...

IV.

— Еще рано домой, Зинаида Алексѣевна. Можно будетъ погулять... по снѣгу, въ морозъ—какъ хорошо!

— »Чтожь? надо погулять—пока на свободѣ!» усмѣхнулась она.

— А ночь-то,.. поглядите, что за чудная ночь!... Небо чисто, рѣдкія звѣзды, морозные звуки—все это, заставляетъ хоть на мигъ забыть тревожныя минуты, говорилъ Шохманъ.

Ахъ, какая чистая, знойно-покойная ночь! а тамъ далеко—далеко въ казематахъ товарищи томятся, выручки ждутъ, требуютъ суда... а, Господи! опять эти мысли падаютъ въ большую голову.

— «Спустился къ рѣчкѣ!» и они стали спускаться.

— Господи, мнѣ такъ хочется говорить, говорить, безъ конца говорить. Зинаида Алексѣевна, если бы вы знали только... вражда вот! національность... да—жидь!!! я... вскрикнулъ Шохманъ и морозное эхо отозвалось съ того берега, упало на средніе рѣки и покатилося по снѣгу.

— Если бы только знали вы, какъ люблю я народъ, весь пролетарскій, голодный людъ... какъ жадно я всасываю въ себя его стоны и муки... Ахъ! если бы только знали вы... если бы... Что?! что это... тамъ? Глядите! Зарѣво—о—о... полнеба заалѣло!

И они стали глядѣть по направленію огромнаго въ ширину и высоту огненного столба.

И вдругъ, молча, спотыкаясь и проваливаясь въ толстомъ слоѣ снѣга, стали они взбираться на высокую кручу.

А откуда-то, съ высоты, упалъ громкій, оглушительно-звонящій ревъ набата,—разсѣкъ почвой, морозный воздухъ и, треща и лопаясь, разсыпался по крыльямъ молчаливой ночи.

На мгновеніе тряхнулась ночная тишь, вздрогнуло воздушное тѣло холодной ночи и замерло вновь!..

Но вотъ набатная пастъ шире и шире, и падаютъ на снѣжное поле, на льдомъ покрытую рѣку непрерывные, страхомъ трепещущіе крики,—набатъ заоралъ во всю ночь, во всю ширь груди своей и зычный ревъ его пасты несется въ даль, рождаетъ новые крики, гложетъ и теряется вдали и на снѣгу умершимъ звукамъ несется въ перегонку новые, еще грознѣе и громче, набатные крики!..

V.

24 декабря къ 2 часамъ пріѣхалъ Иванъ Дмитріевичъ. Промерзшій, въ снѣгу входитъ онъ въ комнату. Въ комнатѣ холодно, печь не топлённая, вещи въ безпорядкѣ.

— «Маша, гдѣ мама?» спрашиваетъ Иванъ Дмитріевичъ прислугу, обогрѣвая уши, и съ удивленіемъ смотритъ на въ безпорядкѣ разбросанныя вещи... Онъ догадывается.. Онъ уже догадывается... ему страшно. И самообманъ злорадно разстилается въ немъ и туманитъ разсудокъ.

— «Маша, гдѣ мама?» повторяетъ онъ

— Взялы ихъ.. и Зинаилу Алексѣевну... тожь взяли.. въ ту ночь, якъ вы поехали, пріехали и забрали.. и Маня подносить къ глазамъ край грязнаго фартука.

Плугавинъ безъ шапки побѣжалъ къ писарю; тотъ съ семейю обѣдалъ.

— «Семень Демьянычъ! нашихъ арестовали!? когда? Какъ? При какой обстановкѣ? Ради Бога, расскажите мнѣ... расскажите!...» заволновался Плугавинъ, ероша пятерней длинные всѣ въ снѣгу волосы..

— Не волнуйтесь, Иванъ Дмитричъ! Ну, чтожь подѣлаете... присядьте!.. Зачѣмъ?.. ну, зачѣмъ.. не надо.. Иванъ... Ваня.. оставьте.. зачѣмъ... плакать.. дорогой... Ваня..

Плугавинъ уронилъ мокрое лицо въ ладони рукъ и громко зарыдалъ. Слезы прорывались сквозь щели пальцевъ и шлепали о полъ... волосы, слипшись, прядями свѣсился на руки,—плечи судорожно тряслись. спина клонилась къ колѣнямъ, а слезы струйками текли на глиняный полъ, на ботинки, и мѣшались съ снѣгомъ и грязью.

Дѣтишки побросали ложки и завизжали въ унисонъ Плугавину; мать стала ихъ успокаивать и потащила въ сосѣдную комнату. Писарь подсѣлъ къ Плугавину и обнялъ его плечи.

— Ну-у... а, Господи! За-а.. да-а... за-чѣмъ... Не плачь, Ваня! Оставь, хорошій мой...

Писарь любилъ Плугавина,—они были товарищи по возрасту и по мѣсту рожденія,—отчего и принималъ его горе слишкомъ близко и за одно съ нимъ волновался и страдалъ.

— «Расскажите же объ арестѣ нашихъ», произнесъ Плугавинъ, не подымая головы и умолкъ.

— Успокойтесь прежде. Сядемте обѣдать. Маня, подлей-ка намъ борща горяченькаго. Ну-у, садитесь же,—вотъ стулъ для васъ... Что же, Ваня,—по рюмочкѣ колдыбахнемъ?

Писарь налилъ рюмки.

— Ваня! берите—по одной. Да здравствуетъ свобода! Ну, чекнемся.. за здоровье арестованныхъ учительницъ!

— «За здоровье въ скоромъ будущемъ арестованнаго Плугавина», произнесъ Иванъ Дмитричъ и выпилъ водку изъ рюмки.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ваня. Нѣтъ! Вы сейчасъ же уѣзжайте, вамъ надо скрываться... пока перейдетъ время эпидеміи арестовъ.. Вѣдь это не надолго,.. Они опомнятся...

— «Этого я не сдѣлаю! Сегодня же ѣду къ генераль-губернатору и прошу арестовать меня, учителя Плугавина... Какъ можно! Стану я скрываться! Это позоръ, стыдно будетъ! Не позволю этого я себѣ! Мама, Зинаида Алексѣевна въ тюрьмѣ, а я стану скрываться? Нѣтъ—я пойду къ нимъ, въ тюрьму и буду жить съ ними одною жизнью»...

Писарь хотѣлъ что-то сказать, тотъ его сейчасъ же перебилъ и сталъ просить рассказать объ арестѣ.

— Да-а, что рисовать мрачную картину? Вы уѣхали. пріѣхали они,—вы знаете, кто это такіе «они»!..—пріѣхали, *ночью* и увезли... Ахъ, зачѣмъ же ночью творять они это дѣло? Мы ужъ составили приговоръ, въ которомъ просили выпустить учительницъ на поруки всего общества... да-а... нарочный ужъ вернулся—генераль-губернаторъ прошенія не принималъ!!!..

— «Ну-у, спасибо, Я ѣду. Прощайте! Берегите здѣсь наши вещи. До свиданія... прощайте... Я ѣду...» и Плугавинъ бѣгомъ ушелъ къ себѣ...

Черезъ часъ Плугавинъ сѣлъ въ сани, осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и выѣхалъ изъ родного села... туда! къ нимъ, въ тюрьму...

И школьныя окна угрюмо поглядѣли вслѣдъ Плугавину, точно провожая его навсегда...

.....
„Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
Но такъ же и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Позору въ лицо не швырнуть!..“

VI.

Проѣзжая село Масловку, Плугавинъ вспомнилъ, что Саша пріѣхала къ роднымъ на рождественскіе каникулы.

— «Можетъ не увидимся... Вѣдь и сослать могутъ». И сердце больно сжалось при мысли, что онъ, можетъ, ужъ больше никогда не увидитъ Сашу.

— «Полгода не выдались, письма ни одного не написалъ ей»...

И Плуговину внезапно сдѣлалось грустно, одиноко, и захотѣлось видѣть Сашу, слышать ея музыку; захотѣлось передъ входомъ въ тюрьму послушать Сашину пѣсню-музыку и ея давнюю игру на піанино... Саша играла талантливо.

И вспомнилъ онъ ея отца-священника, славнаго хлѣбосольнаго человѣка, который стоитъ вѣкъ всякихъ политическихъ партій, — хорошій, честный труженикъ на своемъ посту, — добрый, справедливый, справедливый въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Любилъ онъ о. Николая, точно отца родного; любилъ, какъ совершенство человѣка!

Много было у о. Николая тихости и грусти, но умѣлъ онъ краснѣть и горячиться, сильно спорить, и бывалъ порою не въ мѣру веселъ и шутивъ. Это былъ человѣкъ, въ коемъ покоилось море житейскаго опыта, первообразной любви ко всѣмъ людямъ, не раздѣлявшей ихъ ни на расы, ни на религіи. Еврей, мужикъ, цыганъ ли — для него каждый былъ прежде всего *человѣкъ*, котораго надо плавить первообразной любовью, любовью ваять его душу...

О. Николай былъ космополитъ въ полномъ смыслѣ слова. Это человѣкъ позпавшій природу, ея великую красоту, сочетаніе съ духовнымъ міромъ человѣка, великую игру и гармонию красокъ, цвѣтовъ...

Онъ понялъ, что природа — смежный уголь съ внутреннимъ міромъ человѣка, онъ находилъ въ ней отвѣты на свои великіе, скорбные вопросы, онъ созерцалъ себя въ природѣ, онъ находилъ въ ней своего собрата, — при горѣ, при счастьи кидался онъ въ природу и дѣлился съ нею своимъ новымъ чувствомъ. Онъ воспитывался природою, черпалъ въ ней силы, знаніе, любовь и неподдѣльную жизнерадостность, такъ мощно вмѣщавшуюся въ немъ, — онъ понялъ ея нѣмой языкъ и часто переговаривался на немъ.

— Растетъ деревцо, кроется листьями, говаривалъ онъ: пускаетъ зеленые, сочные побѣги; побѣгаютъ дѣтишки и безжалостно рвутъ вѣтви, скотъ гложетъ листья, кору, — а де-

ревцо живить израненія мѣста, бодро и радостно глядитъ въ очи ликующей природы...

Небольшой, но образцовый садикъ, насѣка, акваріумъ— прудъ въ садикѣ—все это создано и держится рукою о. Николая.

Зайдешь въ залъ и на тебя повѣтъ такимъ тихимъ, усыпающимъ міромъ... сядешь въ кресло и такъ сидѣлъ бы нѣсколько часовъ. Это міръ, гдѣ познаешь святую ласку, чистую, ключевую любовь, истый на яву отдыхъ.

И вотъ изъ угла понесутся звонко-мелодичные звуки піанино, —это говорятъ Сашины пальцы.

Звуки говорятъ о первообразной любви, о равенствѣ и братствѣ... о величїи природы, о ея назначенїи и красотѣ; о великомъ бытїи *человѣка*... о счастїи міра... о плачѣ и скорбяхъ... о гнетѣ и звукѣ кандалныхъ цѣпей...

Пальцы звучно говорятъ о великой дружбѣ, о равноправной спорящейся работѣ... о достаткѣ хлѣба, воздуха, рыбы, воды... о яркихъ краскахъ и пѣсняхъ о доляхъ людскихъ... о красотѣ и силѣ музыки... о тюрьмахъ.. о столахъ по тюрьмамъ...

Клавїатура плачетъ,—жидкіе и гибкіе, какъ змѣи, звуки ползутъ по мягкому полу; перегибаясь, взбираются на грудь, никнутъ къ ушамъ, входятъ въ душу, стелются по всему организму и тамъ ложатся боль-причиняющимъ острымъ лезвіемъ, береда душевную мякоть, будя слезы, уснувшїя чувства и волю...

И льются, текутъ звуки небесной мелодїи то тихо и пѣжно, какъ въ долинѣ тонкій ручей; то грозно и страстно, какъ буря ночная въ холодную ночь за окномъ—льются звуки, наполняютъ комнату, рвутся наружу въ открытыя окна и несутся куда-то къ далекимъ, озлобленнымъ людямъ, чтобъ выбить изъ рукъ обогранные братскою кровью мечи...

Душа zaczynaеть пробуждаться, проситъ шири, свободы, рветъ заржавѣвшїе оковы и издаетъ отвѣтные огнемъ-дышащїе звуки,—о братствѣ и лучшей доли людской... Инстинктивно встаешь,ходишь, берешь Сашины пальцы и по одиночкѣ цѣлуешь ихъ, а звуки оборвались, звенять, бьются о стѣнки и, израцещные въ крови и слезахъ, ползаютъ по полу, по окнамъ, стонуть и глохнуть совсѣмъ!...

И Саша, засматривая въ очи, тихо поеть, наклоняя голову:

„Убаюкай, родная, больную меня,
Какъ баюкала, въ люлькѣ качая!
Мнѣ изнывилее сердце, родная,
Убаюкай, крестомъ осѣня!
Головой утомленной склонилась бы я!
Засыпаетъ цвѣтокъ ночью темной!
Отдыхаетъ и странникъ бездомной...
Убаюкай, родная, меня!
Непогодой запугана птичка твоя..
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая!
И зачѣмъ я любила, родная?..
Ахъ, баюкай, баюкай меня!“..

VII.

Сани остановились у дома о. Николая. Плугавинъ нажимаетъ кнопку электрическаго звонка и ему навстрѣчу выходитъ Саша.

— «Гдѣ же мама, папа?» торопливо и безсознательно спрашиваетъ онъ у нея.

— Въ городѣ,—за покупками уѣхали. Скоро будутъ... Да чего же ты сталъ,—проходи въ залъ. Ваня!

И Плугавинъ безсознательно накидывается на Сашу, больно сжимаетъ и холодитъ ея теплую, бѣлую шею и длительно цѣлуетъ...

— Да что съ тобой!? Въ залъ иди! Ваня?..

И вотъ старая Степанида вноситъ самоваръ и Саша поить Плугавина чаемъ.

— «Саша! буду... буду пить чай... я спѣшу... я буду пить, а ты играй! Саша»!!

Саша вопросительно глядитъ на него.

Бѣлизна Сашинаго лица слилась съ бѣлизною платья; на лицѣ выдаются чернымъ шнуркомъ бровки, алыя губки, да искрящіеся глаза и при смѣхѣ ямочки по краямъ рта.

Саша молча идетъ къ піанино, ударяетъ по клавишамъ и льется за душу хватающая импровизація!..

Плугавинъ долго сидитъ и, наконецъ, точно въ гипнозѣ подходитъ къ ней, кладетъ руку на ея плечи и склоняется у піанино. Саша ударяетъ по клавишамъ и звуки разомъ умираютъ...

Они долго молчатъ.

— «Саша... хорошая... если бы ты знала, какъ жизнь хороша!» тихо и проникновенно говоритъ Плугавинъ; та вся замерла и жадно ловить его звуки...

— «Какъ жизнь хороша!» мечтательно повторяетъ онъ. «Искалѣчили жизнь-то! Глаза у ней выжгли... Ноги обрубили, крылья связали у ней... Блуждасть по землѣ она... Саша, какъ... хороша... жизнь»... И его щека прикасается съ ея разгоряченной щекою.

— «Да-да... Хороша свободная жизнь! За чѣмъ эти оковы? Глумятся надъ жизнью, надъ ея правомъ... глумятся надъ нею»... и слезинки жгутъ Сашины руки.

И опять молчатъ оба они.

— «Да только рванется она!» вскрикиваетъ Плугавинъ, отходить на средину комнаты и горячо ужъ говоритъ. Саша замерла и трепетно слушаетъ его.

— «Рванется она! Сбросить оковы! и подыметъ руку, сигналъ къ приходу первообразной любви, братства и единенія... Саша, какъ жизнь хороша!!!... Огрязили, опошлили ее! Эту великую и мощную силу... Ахъ, какъ жизнь хороша... Хороша... хороша... хороша... Саша, прости... мнѣ ѣхать надо... я...»

— Ваня, съ тобою что-то не ладно. Не страшлось ли горе какое? подходитъ Саша къ нему.

— «Нѣтъ, Саша, нѣтъ... все хорошо! кланяйся здѣсь отцу и матери... На праздники, пожалуй, и заѣду»... съ трудомъ лжетъ онъ Сашѣ.

— Нѣтъ, Ваня, я чувствую... зачѣмъ скрывать отъ меня... Ваня!?

Плугавинъ опустилъ руки и задумался. Саша отошла къ окну и стала глядѣть наружу; свѣтъ, пробиваясь сквозь промерзлыя стекла, тускло освѣщаль зашпуненные снѣгомъ заборъ и деревья. Плугавинъ молча вышелъ въ коридоръ и сталъ одѣваться; натягивая на себя кофужъ, онъ остановился и прислонясь въ уголь, къ стыду своему зарыдалъ, — первы не выдержали...

— «Прощай, Саша! я... ѣду».

Саша, не спѣша, подошла къ порогу коридора и, заложивъ за спину руки, протяжно спросила: «Ваня, ты не скажешь мнѣ, что случилось? не скажешь? нѣтъ? нѣтъ?... тогда я—руки не подаю»!

И Плугавинъ молча, пошатываясь, вышелъ во дворъ и упалъ въ сани. Кони рысью бѣжали, комья снѣга падали въ сани и укрывали спину Плугавина, а онъ точно безумный бесконечно повторялъ:

— «Ахъ, какъ жизнь хороша! какъ жизнь хороша»...

.
Скоро Саша узнала, что Ваня уѣхалъ въ Нарымскій край.

Логинъ Кравченко.

Горе нефловца.

(Изъ досюговъ сельскаго учителя).

У насъ, въ селѣ Нефловѣ,
Живеть счастливо батюшка,
Духовный нашъ отецъ.
Земли при храмѣ Божиємъ,
Съ богатыми угодьями,
Съ рѣками и озерами,
Двѣ сотни десятинъ,
Да собственной двѣ тысячи
Трудами неусыпными
Отецъ нашъ приобрѣлъ:
Куда ни глянь—раскинулись
Его луга поемные,
Его лѣса дремучіе
И тутъ и тамъ шумятъ.
Его поля широкія
Покрты жатвой чудною,
Воздѣланы усердіемъ
Послушныхъ прихожанъ.
Нолнымъ—полно насыпаны
Глубокія хранилища
Зерномъ, что янтаремъ.
Придетъ весна голодная,
Бредутъ къ отцу Нефловцы
Съ поникшей головой:
Тому соломы ношицу,
Тому сѣнца пахучаго,
Иному ржи полчетверти
Давай чествой отецъ...
Бери гроши послѣдніе...
Настанетъ лѣто красное—
Косить луга поемные,

Пахать поля широкія
Убогіе неѣловцы
Безплатно побредуть...

Богатый домикъ батюшки
Стоитъ, какъ чаша полная:
Въ немъ вдоволь всякой всячины, —
И съ каждымъ годомъ пужатся
Карманы у духовнаго,
Отъ тяжести трещать.

Давно въ селѣ Неѣловѣ
Живетъ счастливо батюшка,
Справляетъ службы Божіи,
Читаетъ поученія,
Закону Христіанскому,
Терпѣнью и смиренію,
Онъ учитъ прихожанъ.

Вотъ разъ въ престольный праздничекъ,
Читая наставленія,
Сказалъ онъ слово доброе,
По сердцу бѣдняку:
„Не ссорьтесь, православные,
„Вы братья по крещенію—
„Богатый помощь бѣдному,
„Семьей обремененному,
„Нуждою угнетенному,
„Чѣмъ можешь подавай!“

Святое слово внятное
Мнѣ крѣпко въ память врѣзалось:
Живетъ нужда всесвѣтная
Въ моей убогой хижинѣ,
Такъ мнѣ помочь не грѣхъ.
И вскорѣ снова съ батюшкой
Пришлось мнѣ побесѣдовать.
Приходитъ за „петровщиной“
А я и говорю:

— Отецъ нашъ, въ храмѣ Божіемъ
Сказалъ ты слово доброе
О томъ, чтобы богатые
Давали помощь бѣдному...
И рѣчь твоя высокая

По сердцу мнѣ пришлась“...

— „Да, точно“, молвилъ батюшка:

„Сказалъ я слово дѣльное:

„Кто слушалъ со вниманіемъ,

„Оставить заблужденія,

„Исправить жизнь грѣховную,

„Урокъ душеспасительный

„Въ словахъ моихъ найдетъ“.

—Я выслушалъ внимательно

Всю проповѣдь священную..

Теперь съ покорной просьбою

Къ тебѣ я обращаюся....

Во всю зиму студеную

Изъ дачъ твоихъ безъ отдыха

Возили мы лѣса:

Тебѣ купцы богатые

За нихъ платили денежки...

Вершины тамъ остались,

Купцамъ онѣ ненадобны,

И самъ ты ихъ не вывозишь;

Отдай ихъ мнѣ, отецъ!

Изъ нихъ я хату новую

Кой-какъ себѣ сработаю...

Ты видишь—эта хижина

Погнулась ровно старица,

И жить опасно въ ней.

Почетный гость поморщился,

Какъ будто чашу горькаго

Онъ выпилъ и селедкою

Протухлой закусилъ.

И молвилъ назидательно:

— „Ты можешь съ Божьей помощью,

Съ моимъ благословеніемъ,

Поставить хату новую,

Купивши лѣсу гожаго...

А въ мой дремучій боръ

Дороги не прокладывай:

Къ суду тебя потребую,

Въ тюрьму тебя запрятаю“.

— „За что къ суду потребуешь?“

Отцу я возразилъ:

„Вѣдь я не воръ, изъ милости
Прошу тебѣ негоднаго,
А для меня полезнаго?“...

— „И прута не бери!

А если взять осмѣлишься,
Къ суду тебя потребую,
Въ острогъ тебя запрятаю“.

Стучать тяжелымъ молотомъ
Угрозы непристойныя.

И больно мнѣ изгрустнулося,
И молвилъ я духовному:

„Твоя, какъ вижу, проповѣдь
„Не стоятъ ничего“!

А онъ беретъ „петровщину“,
Выходитъ съ ней на улицу,
Страшаетъ наказаніемъ:

„Къ суду тебя потребую,
„Въ острогъ тебя запрятаю,
„Когда хоть прутьъ возьмешь“.

И. Вересовъ.

Первоначальное обученіе пѣнію въ сельскихъ школахъ.

(Опытъ трехгодичной практики)

Нѣскольکو лѣтъ тому назадъ въ первыхъ числахъ сентября я былъ опредѣленъ учителемъ въ Дмитріевскую сельскую школу Вологодской губерніи. Въ первый-же праздничный день по прїѣздѣ въ село Д. я пришелъ въ церковь. Храмъ богатый, украшенный съ полнымъ великолѣпіемъ, весьма обширный, и потому онъ мнѣ показался почти пустымъ: такъ мало было въ немъ молящихся. Божественная литургія уже началась. Я видѣлъ стоящаго на амвонѣ діакона старца, который крестился и клалъ поклоны, произнося ектенію, но слова его я только съ большимъ усиліемъ могъ разобрать. На клиросѣ тянулъ слабымъ теноркомъ тоже очень старый дьячекъ. Около десяти старушекъ расположились въ двухъ боковыхъ придѣлахъ храма; неподалеку отъ нихъ, передъ амвономъ, жалась небольшая кучка школьниковъ,—вотъ и всѣ „предстоящіе и молящіеся“. Лишь къ Херувимской народу нѣскольکو поприбавилось.

— Почему-же, батюшка, у васъ такъ мало бываетъ народу въ церкви, да и тѣ немногіе, которые бываютъ, нарываютъ потрафить, что называется, „къ шапочному разбору?“—спросилъ я однажды священника.

— „Что дѣлать? отвѣчалъ онъ,—слабъ, знаете, народъ, ужъ такого усердія не стало къ храму въ немъ, какъ было прежде, въ старину. Вамъ извѣстно, что невозможно служить

двоимъ господамъ: либо въ церковь, либо въ трактиръ. Говорю иногда иоученія, стараюсь вразумить неразумныхъ, но не вижу пока особенныхъ уснхъ отъ моего слова. Вотъ, можетъ статься, вы, люди молодые, пойдете къ намъ на помощь; къ тому-же нынѣ большія надежды возлагаютъ на школы“, добавилъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего-же не помочь, подумаль я, вѣдь это прямая наша обязанность поддерживать тѣсную связь школы съ церковью. Исъ первыхъ-же дней учебнаго года рѣшилъ побольше заняться обученіемъ пѣнію. Имѣя въ виду, что первая впечатлѣнія бываютъ самыми сильными, я всячески старался расположить дѣтей къ дѣлу, внушить къ себѣ довѣріе и увѣренность, что учиться пѣть—дѣло нехитрое. Чтобы побѣднть свойственную дѣтямъ робость и возбуднть въ ннхъ соревнованіе, я прежде всего спроснлъ дѣтей, не знаютъ-ли они какой-нибудь пѣсенки и какая имъ болѣе нравится. Нѣкоторые изъ старшихъ учениковъ назвали нѣсколько знакомыхъ имъ нѣсень, а также указали и на тѣ, которыя они больше любятъ: „Сиротка“, „Сѣнокосъ“ и „Что ты спншь, мужнчекъ“. Каждую изъ названныхъ нмн пѣсень первоначально я пропѣлъ самъ, а потомъ спроснлъ дѣтей, такъ-ли они поютъ эти пѣсни, какъ слышали, или нѣтъ. Затѣмъ, я попроснлъ дѣтей пропѣть тѣже пѣсни по своему. Первый разъ пропѣли они плохо, не смѣло и не дружно, а потомъ стали пѣть свободно и дружно. На эти первые шаги я употребнлъ урока два или три. Въ слѣдующіе уроки пѣнія я занялся пробою дѣтскихъ голосовъ. Проба состояла въ томъ, что дѣти должны были взять голосомъ данный тонъ. Это дало возможность отдѣлнть болѣе способныхъ отъ менѣе способныхъ, которые не могли попасть въ требуемый тонъ. Послѣ такого раздѣленія дѣтей, я перешелъ къ изученію пѣпія по слуху, сперва въ одинъ голосъ. Прежде всего разучены были молитвы: „Царю небесный“ и „Достойно есть“, которыя потомъ пѣлись ежедневно, первая передъ началомъ, а вторая послѣ ученья. Дѣти-же менѣе способныя прислушнвались къ пѣнію товарищей, и я заставлялъ нхъ на каждомъ урокѣ пѣть отдѣльно, и потомъ, по мѣрѣ возможности, переходнли въ отдѣленіе способныхъ. Послѣ упомянутыхъ молитвъ, мы выучнли самыя употребнтельныя молитвы: „Богородице Дѣво, радуйся“, „Отче нашъ“ и другія; а также гим-

ны: „Боже Царя храни“, „Славься“ и нѣкорыя дѣтскія пѣсни. Въ виду того, что и пѣсенки могутъ надоѣдать дѣтямъ, если будутъ составлять постоянное занятіе, я стаѣлся замѣнить ихъ другими упражненіями, какъ-то: пѣніемъ гаммы по слуху, въ различныхъ ритмахъ (принимая тоны, какъ обыкновенный напѣвъ, безсознательно), изученіемъ нотъ и вообще элементарной теоріей музыки, испытаніемъ отдѣльных лицъ и такъ далѣе, стараясь примѣнить къ занятіямъ все, что имѣетъ связь съ пѣніемъ. Одогласное пѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣти усвоили пройденныя пьесы твердо и стали пѣть ихъ чисто. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я заставлялъ каждого ученика отдѣльно пропѣть что-либо изъ выученнаго. Добившись довольно стройнаго одnogласнаго пѣнія, я приступилъ къ дѣленію всѣхъ голосовъ на дисканты и альты. Такимъ образомъ въ школѣ явился двухголосный хоръ, съ которымъ я повторялъ ранѣе выученныя пьесы уже на два голоса, но сперва такъ, что дисканты и альты находились на разстояніи цѣлой октавы другъ отъ друга. Затѣмъ изъ двухъ-голоснаго хора я выбралъ 20 человекъ (12 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ), и съ этого времени на обученіе ихъ удѣлялъ большую часть времени; на обученіе-же пѣнію остальныхъ дѣтей, такъ сказать на общее пѣніе, удѣлялъ не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю.

Избранные мною 20 человекъ были снова раздѣлены: дискантовъ я подраздѣлил на первые и вторые, точно также и альтовъ. Съ четырехголоснымъ хоромъ я началъ изучать устно церковное пѣніе.

Трудно выразить то радостное настроеніе, которое замѣтно было на дѣтскихъ живыхъ и впечатлительныхъ лицахъ, когда дѣти въ первый разъ стояли на клиросѣ и пѣли литургію... Сколько было у нихъ потомъ разговоровъ о томъ, что они были въ церкви и сами принимали участіе въ церковномъ пѣніи. Хотя въ сущности успѣхи отъ нашихъ трудовъ были еще незначительны, но, какъ новинка,—впечатлѣніе на молящихся произвели такое, что въ рѣдкой избѣ мужики и бабы не галдѣли о нашемъ пѣніи.

На обученіе пѣнію по слуху я употребилъ весь первый годъ. Многимъ, можетъ быть, покажется такое продолжительное пѣніе по слуху излишнею тратою времени, но я хотѣлъ развить дѣтскій слухъ насколько можно тоньше. И

дѣйствительно, къ концу перваго года въ дѣтяхъ на столько развился слухъ, что они безъ особеннаго труда усваивали нотное: „Херувимской пѣсни“, „Милость мира“... и причастныхъ стиховъ.

Обученіе нотному многословному пѣнію по слуху, конечно, довольно трудная задача: здѣсь ученики должны, во-первыхъ, заучить на память свою партію и, во-вторыхъ, внимательно прислушиваться и прилаживаться къ строю гармоніи, но всему этому не мало помогаетъ дѣтская любовь и всегдашнее желаніе пѣть. Я вполне соглашаюсь, что пѣніе по слуху весьма не прочно и не основательно: каждый выученный напѣвъ безъ частыхъ повтореній скоро забывается; но въ то же время оно имѣетъ и свои хорошія стороны: пѣніе по слуху, какъ первоначальный способъ, дѣйствуетъ на развитіе музыкальнаго уха, голоса и ритма, на возбужденіе охоты и склонности къ пѣнію и даже на выработку музыкальнаго чувства, наконецъ способствуетъ, какъ я убѣдился на практикѣ, дальнѣйшему систематическому изученію нотъ. Мажорная гамма проходила при разнообразномъ исполненіи ея тоновъ, т. е. они слѣдовали не въ прямомъ восходящемъ порядкѣ, а смѣшавно, то постоянно повышаясь, то понижаясь, то повторяясь на одной ступени, напр. *до, ре, ми, ми, фа, ми, фа, соль* и т. п.; также и обратно. Упражненія въ послѣдовательномъ и разнообразномъ порядкѣ производились по диктовкѣ учителя. Каждый предлагаемый учителемъ тонъ ученики исполняли дружно, по данному знаку преподавателя. Замѣтимъ кстати, что учителемъ диктуется одно лишь названіе тона, а дѣло дѣтей отыскать звукъ этого тона по основному тону. Такого рода упражненія мы сольмизировали нѣсколько разъ, а потомъ подъ нотами подписывали слова изъ извѣстныхъ дѣтямъ стихотвореній. Кромѣ того, дѣти упражнялись въ писаніи нотъ на своихъ тетрадяхъ или классной доскѣ; при этомъ мы поступали такъ: у каждаго изъ поющихъ лежитъ передъ глазами тетрадь (дѣти во избѣжаніе безпорядка поютъ сидя) съ приготовленнымъ на ней нотнымъ станомъ, по образцу классной доски; по требованію учителя дѣти ставятъ, каждый на своей тетради, предложенную ноту; затѣмъ чтобы провѣрить, всѣми-ли правильно поставлена требуемая нота, одинъ изъ учениковъ разыгрывается къ классной доскѣ и ставитъ здѣсь ту-же

самую ноту. Послѣ исправленія всѣми учениками написанныхъ нотъ, другой ученикъ отыскиваетъ звукъ этой ноты. Польза такого упражненія очевидна: дѣти хорошо усваивали постановку и названія нотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ твердо запоминали соответствующіе нотамъ звуки. Такимъ образомъ каждый часовой урокъ распадался на три части: сольмизированіе гаммы, пѣніе ея съ какимъ-либо текстомъ и письмо нотъ подъ диктовку. При такомъ распредѣленіи урока въ классѣ царствовали тишина, полное вниманіе и оживленность.

Изучая интерваллы, я старался соблюдать строгую последовательность. Чтобы добиться возможно болѣе яснаго и точнаго исполненія и усвоенія интервалловъ, я заставлялъ также разсматривать крайнія точки интервала, его величину какъ промежутка на нотномъ станѣ; крайнія точки составляютъ тоны интервала, напр., *до*, *солъ*, промежутокъ—тоны, находящіеся внутри интервала; прибѣгалъ еще и къ такому способу: одинъ изъ учениковъ поетъ, напр. *до*, другой въ это время беретъ тихо *ре*; третій-же полнымъ голосомъ поетъ *ми*. Привыкши къ терціямъ, дѣти поютъ ихъ потомъ вѣрно и безъ промежуточныхъ тоновъ. Точно также поступалъ я и при изученіи остальныхъ интервалловъ, соблюдая всегда строгую последовательность въ выборѣ упражненій; иначе чтеніе нотъ потребовало бы помощи учителя, такъ называемаго подсказыванія, которое уничтожаетъ самостоятельность учащихся. Послѣ cadaго хорошо усвоеннаго интервала дѣтямъ предлагалась такая пѣса, въ которой встрѣчались одни изученные интерваллы. На обученіе дѣтей нотамъ я употребилъ первую половину второго учебнаго года. Такимъ образомъ дѣти, почти не имѣвшія и понятія о пѣніи, черезъ полтора года начали читать ноты сознательно и пѣть предлагаемыя пѣсы довольно основательно. Прежде чѣмъ приступить къ пѣнію известной пѣсы, я объяснялъ дѣтямъ характеръ и смыслъ сочиненія, затѣмъ, послѣ предварительнаго прочтенія текста, исполнялъ напѣвъ; небольшіе и простые напѣвы—сразу, а длинныя—по частямъ. На изученіе теоріи пѣнія я не удѣлялъ особыхъ уроковъ; теоретическія свѣдѣнія сообщались передъ началомъ урока пѣнія и притомъ тогда, когда того требовала выбранная для пѣнія пѣса. Въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда дѣти собирались въ школу для спѣвокъ; приходили слушать пѣніе и

крестьяне, изъ коихъ болѣе способные къ пѣнію мною были приглашены къ участию въ хорѣ. Сколько чудныхъ пѣснопѣній разучили мы! У поющихъ замѣчательно развивался музыкальный слухъ. Сначала пѣніе шло медленно и туго, но потомъ давалось все легче и легче, а черезъ три года отъ начала ученія, церковные мотивы схватывались на лету.

Понятно, благодаря пѣвчимъ, народу въ церковь стало собираться значительно больше, и многіе старались поспѣть ужь къ началу службы. Самые завзятые любители пѣнія спѣшать протѣсниться поближе къ клиросу; но ихъ преждаютъ матери пѣвчихъ. Послѣднія съ нетерпѣніемъ ждутъ—не дождутся того момента, когда малыши запоютъ хвалу Богу, въ продолженіи которой, можетъ быть не одинъ разъ, въ торжествующей материнской груди заколышется сердце, а изъ глазъ, отъ радости, покатаются по загорѣлымъ щекамъ слезы.

Тихо. Раздался тонъ регента. Скоро слышался возгласъ священника, а за нимъ, точно по командѣ, поселяне начали осѣнять себя широкими крестами. Кое-гдѣ, по угламъ, слышались глубокіе вздохи стариковъ, которые, упавъ на колѣни предъ святыми иконами, шепчуть почти въ слухъ полныя вѣры и надежды слова молитвы. Трудно подняться имъ, но этотъ трудъ для нихъ пріятенъ. Безъ думъ и заботъ о чемъ-либо, у нихъ осталась одна забота о храмѣ, одна мысль—о Богѣ, храмъ—ихъ отрада, Богъ ихъ убѣжище. „Что въ храмѣ помолишься, то въ рай поживешь“, говорятъ вѣрующіе крестьяне. „И не замѣтилъ, какъ служба кончилась“, толковалъ, выходя изъ церкви, статный, красивый, съ небольшою темнорусою курчавою бородою молодой мужикъ.—„Что говорить, за первый сортъ дѣло идетъ; спасибо, значитъ, нашему учителю“, говорилъ другой крестьянинъ. „Ты то пойми, дядя Василій, продолжалъ первый, какъ ребятки-то выводятъ эту самую нотину, будто ангельскимъ голоскомъ, инда слеза тебя прошибетъ“.

Но особенно сильный интересъ къ церковному пѣнію замѣчается у крестьянъ въ Великій постъ и въ Страстную седмицу. По всему видно было, какъ глубоко волновали слушателей умирительно—трогательные напѣвы св. Четырнадцатницы. Не только въ церковь, но даже на спѣвки за это время народу скоплялось въ классѣ такъ много, что стано-

вилось душно, и поэтому иногда невольно приходилось просить лишних удалиться, чтобы дать свободу пѣвчимъ.

Пѣніе благотворно вліяетъ и на самихъ пѣвцовъ, въ особенности на дѣтей. Въ этомъ мнѣ вскорѣ же пришлось убѣдиться. Во—первыхъ, ученики мои пѣли совершенно безкорыстно и никогда не помышляли ни о какихъ наградахъ. Во—вторыхъ, спѣвки они посѣщали чрезвычайно аккуратно. Въ зретьихъ, мнѣ не разъ приходилось,—въ особенности въ большіе праздники, замѣчать на лицахъ дѣтей особенную восторженность, приподнятое настроеніе, которое выражалось притомъ мягкимъ доброжелательнымъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Наконецъ, если дѣти въ свободныя отъ занятій минуты подъ руководствомъ учителя поютъ какую-либо дѣтскую пѣсенку, то съ какимъ воодушевленіемъ они поютъ! Они всецѣло преданы пѣснѣ; въ это время нѣтъ ни шуму, ни крику, ни бѣганья по корридору; послѣ пѣнія дѣти бываютъ веселы, бодры, свѣжи и готовы къ занятіямъ. Да и для учителя хорошее пѣніе устроеннаго имъ хора, въ классѣ и церкви, является, помимо всякой пользы отъ него, великимъ утѣшеніемъ и радостью въ его многотрудной и однообразной жизни.

Старый народный учитель

Четырехлѣтній курсъ сельской школы и его преимущества надъ трехлѣтнимъ,

Школа съ четырехгодичнымъ курсомъ, являясь какъ бы преемницей школы съ трехгодичнымъ курсомъ, ничѣмъ не отличается отъ послѣдней по цѣлямъ и по программѣ, которая прорабатывается въ ней, но рѣзко отличается по условіямъ, при которыхъ ей приходится работать.

Со введеніемъ реформъ Царя-Освободителя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и земствами стали открываться въ селахъ школы съ трехлѣтнимъ курсомъ съ однимъ учащимъ, число учащихся на котораго было прежде неограничено, а потомъ уже, спустя нѣсколько лѣтъ, число дѣтей на одного учителя ограничило 80 (въ министерскихъ училищахъ 60).

Такія школы въ большинствѣ случаевъ существуютъ и въ настоящее время.

Сначала крестьяне относились къ училищамъ съ недоверіемъ и не всѣ посылали дѣтей въ школу. По этому число учащихся рѣдко превышало 80 и, слѣдовательно, можно было довольствоваться однимъ учащимъ.

По мѣрѣ же развитія крестьянскаго населенія взглядъ на школу у крестьянъ мѣнялся къ лучшему, а сообразно со взглядомъ мѣнялись и отношенія, которыя въ настоящее время не заставляютъ желать лучшаго. Съ перемѣной отношеній къ школѣ число желающихъ учиться съ каждымъ годомъ увеличивалось и увеличивалось и наконецъ вмѣсто 80 человѣкъ на одного учащаго стало приходиться по 100, а въ нѣкоторыхъ школахъ даже болѣе.

Такой приростъ учащихся естественно нарушилъ нормальность школьнаго дѣла и успѣхъ въ школѣ сталъ падать и падать, а потому въ интересахъ сохраненія прежней успѣшности явилась необходимость открыть при многолюдныхъ школахъ вакансіи учительскихъ помощниковъ или вторыхъ учителей, которые занимались большею частію съ однимъ младшимъ отдѣленіемъ. Открывъ вакансіи вторыхъ учителей при школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, земства и другіе органы по народному образованію не могли тѣмъ выиграть въ успѣшности школьнаго дѣла, такъ какъ учениковъ правильно и равномерно при трехъ отдѣленіяхъ распредѣлить между учащими оказалось невозможно. У перваго учителя находилось два отдѣленія—второе и третье (60—80 человекъ и болѣе), а у втораго (40—60 чел.) только одно младшее.

При такомъ распредѣленіи учащихся на учителей оказалось, что успѣшность не только не выигрывала, а наоборотъ школьное дѣло опять таки ухудшалось, потому что второй учитель, занимаясь съ однимъ младшимъ отдѣленіемъ, подготавливалъ ихъ довольно хорошо для средняго отдѣленія и передавалъ ихъ первому учителю, который занимался со вторымъ и третьимъ отдѣленіями. Первый же учитель, обращая вниманіе на старшее отдѣленіе и не зная подготовки принятаго отдѣленія, давалъ ему самостоятельныя работы. Эти работы лучшимъ ученикамъ были посильны, а слабымъ непосильны, а потому и исполнялись одними учениками хорошо и почти половиной плохо. Учителю некогда было подгонять слабыхъ учениковъ до уровня знаній съ первыми и такимъ образомъ эти послѣдніе оставались во второмъ отдѣленіи на второй годъ, образуя группу учениковъ, кончающихъ курсъ на четвертый годъ. Это обстоятельство заставило ввести новыя комбинаціи въ распредѣленіи учащихся на учителей. Такъ второму учителю давали одно второе отдѣленіе, а потомъ уже и одно третье. Но все равно и при этихъ распредѣленіяхъ образовывалась та же группа учениковъ, которая кончала курсъ въ школѣ на четвертый годъ. Это явленіе въ народной школѣ и вызвало необходимость ввести въ школахъ вмѣсто трехлѣтняго курса четырехлѣтній при двоихъ учащихся.

Со введеніемъ въ школахъ четырехгодичнаго курса, кромѣ правильнаго и равномерно распредѣленія учащихся

на учителей, образовалось еще новое удобство: каждый учитель могъ вести свои отдѣленія до окончанія курса безъ передачи ихъ другому учителю, какъ это дѣлается въ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ.

Распредѣленіе учащихся на учителей въ школахъ съ четырехгодичнымъ курсомъ разное. Самымъ удобнымъ мы признаемъ слѣдующее: у перваго 4 и 2, и у втораго 3 и 1 отдѣленія. При этомъ распредѣленіи учащихся каждый учитель будетъ имѣть одно отдѣленіе основное (1 и 4), а другое подготовительное (2 и 3). Это даетъ возможность учителю готовить учениковъ втораго отдѣленія къ третьему, а третьяго къ четвертому, постепенно уравнивая ихъ познанія и систематически развивая ихъ умъ. Имѣя у себя первое и третье отдѣленія, учитель въ началѣ года все вниманіе сосредоточиваетъ на младшемъ отдѣленіи и изрѣдка занимается съ третьимъ отдѣленіемъ, подготавливая его только для самостоятельныхъ работъ. По мѣрѣ же развитія младшаго отдѣленія учитель начинаетъ давать ему самостоятельныя работы и удѣлять больше времени для третьяго отдѣленія, подготавливая его такимъ образомъ къ четвертому—выпускному отдѣленію. Если же на рукахъ учителя находятся второе и четвертое отдѣленія, то онъ, обращая больше вниманія на старшее отдѣленіе, даетъ уже смѣло самостоятельныя работы ученикамъ втораго отдѣленія, такъ какъ они у него хорошо подготовлены для самостоятельныхъ работъ въ предшествующемъ году. Распредѣленіе учебнаго матеріала вмѣсто трехъ на четыре года и выборъ учебниковъ не составитъ особеннаго труда для учителя, потому что количество учебнаго матеріала вполне соотвѣтствуетъ четырехлѣтней проработкѣ (арметика, грамматика), а потому говорить объ этомъ особенной нужды не видимъ.

Изъ сказаннаго видны уже нѣкоторыя преимущества четырехлѣтняго курса надъ трехлѣтнимъ, но если принять во вниманіе цѣли, которыя поставлены въ основаніи каждой школы и разсмотрѣть внимательно, какъ онѣ достигаются въ той и другой, то преимущества четырехлѣтняго курса надъ трехлѣтнимъ выяснятся сами собой.

Самое названіе „начальная школа“ показываетъ на цѣли школы. Школа называется такъ потому, что она даетъ начала для дальнѣйшаго внѣшкольнаго образованія и развитія

умственного и религіозно-нравственного. Начальная народная школа, во-первыхъ, должна заложить въ своихъ питомцахъ прочныя основанія для дальнѣйшаго нравственного развитія, т. е. развитіе чувствъ, уваженіе къ людямъ, любовь къ природѣ и умѣнье владѣть собою. Во-вторыхъ, главная задача школы заключается въ воспитаніи ума, который нужно подготовить для систематической работы надъ дальнѣйшимъ самообразованіемъ и, въ-третьихъ, на школѣ лежатъ большая обязанность—развитіе физическихъ силъ ребенка.

Начальная школа, чтобы выработать изъ своихъ питомцевъ людей нравственныхъ, людей съ хорошими чувствами и наклонностями, любящихъ природу и владѣющихъ собою въ трудныхъ моментахъ жизни, должна дѣйствовать на дѣтей примѣромъ, подтвержденнымъ послѣдовательными объясненіями нравственныхъ статей, т. е. другими словами проработкой статей нравственного характера.

Несомнѣнно примѣръ учащихся дѣйствуетъ на дѣтей одинаково какъ въ школѣ съ трехлѣтнимъ, такъ и съ четырехлѣтнимъ курсомъ, зависитъ это не отъ школы, а отъ личности учителя. Всякій примѣръ, будь онъ хорошій или плохой, дѣйствуетъ на дѣтей обяательно. Дѣти, въ особенности впечатлительные, всегда бываютъ отраженіемъ личности учителя. Если же учитель образцово-примѣрный, то дѣти перенимаютъ у него все—поступки, слова и обращеніе. Все это хорошее остается въ нихъ лишь во время пребыванія въ школѣ въ томъ случаѣ, если эти хорошіе навыки и привычки совершенно не закрѣплены, не заложены глубоко въ душѣ для дальнѣйшаго нравственного внѣшкольного совершенствованія. Закрѣпленіе же въ душѣ ребенка нравственныхъ образовъ, навыковъ и привычекъ заключается въ осмысленной и детальной проработкѣ статей религіозно-нравственного характера, т. е. въ основательной проработкѣ книгъ для класснаго чтенія. Въ начальныхъ же сельскихъ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ книгъ для класснаго чтенія три, а съ четырехгодичнымъ курсомъ четыре, а потому понято, что въ школахъ съ трехгодичнымъ курсомъ матеріала для закрѣпленія въ душѣ ребенка нравственныхъ образовъ меньше, а слѣдовательно, и хорошіе навыки и задатки будутъ плохо усвоены дѣтьми. Если же хорошіе задатки плохо усвоены дѣтьми, плохо закрѣплены въ ихъ душѣ, то они скорѣе и исчезнутъ по выходѣ ребенка изъ школы, а мѣсто ихъ займутъ при-

вычки и задатки среды, въ которой они должны будутъ вращаться. Такъ какъ по выходѣ изъ школы они не могутъ найти себѣ подходящихъ товарищей, а вынуждены вращаться въ грубой невѣжественной средѣ, то и привьютъ себѣ грубья привычки. Такимъ образомъ непрочно заложенные школой высоконравственные примѣры и навыки пропадутъ, и труды школы въ этомъ случаѣ не принесутъ существенной пользы.

Начальная же народная школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи несравненно больше матеріала, въ этомъ случаѣ при одинаковой проработкѣ его оказывается гораздо продуктивнѣе, полезнѣе въ смыслѣ закрѣпленія въ своихъ питомцахъ высоконравственныхъ образовъ, навыковъ и устоевъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи гораздо больше времени, она также можетъ всегда прорабатывать статьи болѣе основательно, а слѣдовательно и глубже закладывать въ души дѣтей высоконравственные образы.

Осмысленность и прочность закрѣпленія нравственныхъ образовъ въ дѣтяхъ въ школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ обуславливается еще и тѣмъ, что въ нихъ бываетъ всегда двое учащихся, ученики на которыхъ распредѣлены правильно и равномерно, а въ школѣ съ трехлѣтнимъ курсомъ одинъ, а если и двое, то уснѣхъ парализуется неравномѣрностью и неправильностью распредѣленія учащихся. Отсюда понятно, что и уснѣхъ будетъ лучше тамъ, гдѣ больше учащихся, гдѣ на cadaго учителя приходится меньше учениковъ и гдѣ послѣдніе правильно распредѣлены между учащими.

Живя среди природы и имѣя весьма живую воспримчивую натуру, крестьянскія дѣти легко воспринимаютъ отъ нея радостныя впечатлѣнія. Но по мѣрѣ того, какъ дѣти начинаютъ подростать, когда начинаютъ появляться другія жизненныя желанія и на пути къ нимъ всевозможнаго рода препятствія и невзгоды, впечатлѣнія эти постепенно затемняются и наконецъ совсѣмъ пропадаютъ, уступая мѣсто другимъ, противоположнымъ.

Цѣль народной школы въ этомъ случаѣ отчасти выполняется самой воспримчивой дѣтской натурой, на школѣ же лежитъ обязанность укрѣпить въ дѣтской душѣ любовь къ природѣ, выработать привычку любить ее и хранить эту любовь въ продолженіи всей своей жизни.

Это достигается въ школѣ посредствомъ бесѣдъ о природѣ, чтеніемъ статей объ ней и соотвѣтствующимъ къ этимъ статьямъ объясненіемъ.

Если же это такъ, то опять-таки тамъ будетъ больше достигнута цѣль, гдѣ есть возможность располагать временемъ на бесѣды, на детальную проработку статей, т. е. въ школѣ съ четырехгодичнымъ курсомъ, потому что учитель начальной сельской школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, въ большинствѣ случаевъ занимаясь одновременно съ тремя отдѣленіями и всего три зимы, можетъ научить дѣтей только самому необходимому, не говоря уже о томъ, чтобы останавливаться на бесѣдахъ или на детальной, всесторонней проработкѣ статей, которыя требуютъ такъ много времени, или почитать какую-либо книжку, способствующую развитію эстетическаго или нравственно-религіознаго чувства.

Школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ, имѣя, во-первыхъ, несравненно больше времени, во-вторыхъ, двоихъ учащихся, какъ вѣрное и неопровержимое доказательство успѣшности въ проработкѣ учебнаго матеріала, и, въ-третьихъ, обиліе его, несомнѣнно имѣетъ больше значенія въ укрѣпленіи въ дѣтской душѣ какъ любви къ природѣ, такъ и прочихъ нравственно-религіозныхъ и эстетическихъ чувствъ.

Одной изъ важныхъ цѣлей школы является воспитаніе умѣнія управлять собою, такъ какъ, намъ кажется, большее число несчастій и бѣдъ постигаетъ именно такого человѣка, который не можетъ управлять чувствами и наклонностями, а потому служить ни болѣе, ни менѣе, какъ ареною проявленія всевозможнаго рода дурныхъ наклонностей и пожеланій.

Такимъ образомъ, чтобы избавить своего питомца отъ всевозможнаго рода жизненныхъ невзгодъ, школа должна воспитать умѣнье управлять собою, или другими словами, воспитать силу воли.

Воспитаніе воли лежитъ, конечно, на примѣрной личности учителя. Если учитель самъ обладаетъ въ достаточной степени силой воли, располагаетъ временемъ и нужнымъ матеріаломъ, то онъ, несомнѣнно, и въ своихъ питомцахъ можетъ воспитать волю. Гдѣ же учитель имѣетъ достаточно матеріала и больше времени? Отвѣтъ одинъ—въ школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ.

Воспитаніе воли достигается еще и тѣмъ, чтобы учитель какъ можно рельефнѣе напечатлѣлъ въ душѣ ребенка значеніе

воли и хорошіе результаты вслѣдствіе ея развитія. Напечатлѣть въ душѣ ребенка образы съ проявленіемъ сильной воли учитель можетъ только повтореніемъ относящихся къ воспитанію воли статей и чтеніемъ книгъ изъ школьной библіотеки, такъ какъ такого рода статей въ учебникахъ встрѣчается очень мало. Извѣстно, что никакая школа не принесетъ существенной пользы, если учитель будетъ давать ученикамъ только новое, не повторяя стараго. Это касается не только обученія, но и воспитанія, такъ какъ проводя постоянно въ душѣ ребенка хорошіе образы и черты, мы всегда укрѣпляемъ ихъ, искореняя изъ нея въ свою очередь природныя и выработанныя въ дошкольный періодъ дурныя привычки. Повтореніе же, осмысленное повтореніе возможно тамъ, гдѣ есть достаточно времени, гдѣ на cadaго учащаго приходится меньшее число учениковъ, т. е. въ школахъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, а не съ трехлѣтнимъ, гдѣ учитель почти никогда не успѣваетъ выполнить въ три зимы программу, не говоря уже объ осмысленномъ повтореніи.

Нельзя, конечно, категорически утверждать, что всѣ цѣли воспитанія чувствъ, воли, а равно и обученія достигаются при четырехлѣтнемъ курсѣ въ совершенствѣ. Но, принимая во вниманіе всѣ условія школьной работы при трехгодичномъ и четырехгодичномъ курсѣ, легко видѣть, что на сторонѣ четырехлѣтняго курса большой перевѣсъ и что послѣдній въ этомъ отношеніи имѣетъ большое преимущество надъ первымъ.

Развитіе ума и подготовка его для дальнѣйшей внѣшкольной систематической работы есть одна изъ самыхъ важныхъ цѣлей, лежащихъ въ основаніи каждой школы и имѣющихъ весьма важное значеніе въ практической жизни. Хотя каждая школа ясно сознаетъ значеніе этой цѣли, но по краткости времени обученія почти никогда ея не выполняетъ, такъ какъ школа съ трехлѣтнимъ курсомъ при систематической и детальной проработкѣ учебнаго матеріала никогда не можетъ выполнить всѣхъ требованій школьной программы. Учитель, выполняя программу въ три зимы, старается дать ученикамъ все, что она требуетъ, въ большинствѣ случаевъ нарушая систему и послѣдовательность, которыя имѣютъ весьма громадное значеніе въ подготовкѣ ума для систематической работы. Если при развитіи интеллектуальныхъ способ-

ностей ребенка не соблюдается известнаго рода система и послѣдовательность, то умъ ребенка, хватая не послѣдовательно понятія, привыкаетъ къ такому быстрому не систематическому воспріятію понятій. Отсюда понятно, что при трехлѣтнемъ курсѣ народной школы не только не достигается цѣль, лежащая въ основаніи школы и имѣющая такое огромное значеніе, а напротивъ получается совершенно противоположное, въ нѣкоторой степени даже вредное для обучающагося поколѣнія.

Начальная же школа съ четырехлѣтнимъ курсомъ, имѣя двоихъ учащихся и на цѣлый годъ больше времени, можетъ давать тѣ же понятія не торопясь, строго соблюдая систему въ преподаваніи, постепенно, послѣдовательно и систематически развивать умъ дѣтей, подготавливая его такимъ образомъ къ дальнѣйшей осмысленной работѣ.

Для развитія ума каждая школа имѣетъ достаточно матеріала. Сюда относятся прежде всего ариметика, русское чтеніе, грамматика, а также ариметическія и географическія упражненія. Чѣмъ больше школа имѣетъ матеріала, чѣмъ больше она имѣетъ времени для проработки его, чѣмъ правильнѣе распредѣлены учащіеся на учителей, тѣмъ больше она принесетъ пользы въ развитіи умственныхъ способностей ребенка. Количество матеріала и время преобладаютъ въ школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, проработка его будетъ осмысленнѣе и детальнѣе тамъ же, ибо тамъ учащихся двое, и учащіеся правильно распредѣлены между ними.

Учитель О. Тихоновъ.

СТИПЕНДІЯ.

(Изъ дневника учителя).

Изрѣдка есть справедливость на свѣтѣ.

Барикова.

Сажусь писать и думаю, что у меня получится или стихотвореніе въ прозѣ, или милая сказка: такъ хорошо то чувство, которымъ въ настоящую минуту согрѣто мое сердце; такъ милъ тотъ случай, который я хочу описать!

Жизнь семьи Петра Ивановича Горѣлова меня все время занимаетъ, какъ поселился я въ Еремѣевкѣ. Онъ гармонистъ. Его дѣло счень интересное, какъ показатель народнаго самочувствія. Чтобы былъ у него заработокъ, надо, чтобы простой народъ веселился: ниль, пѣль и играль... Прошедшіе годы—работать нужно было много: сынъ Петра Ивановича третій годъ учится въ В-ской учительской семинаріи. Умный и симпатичный молодой человѣкъ; знаетъ предметы, особенно естествовѣдѣніе, читаетъ общую литературу, выработалъ уже опредѣленное міросозерцаніе, на «народную ниву» стремится, какъ воздухъ въ пустоту... Учится на своемъ... Изрѣдка перепадетъ два—три рубля пособія отъ начальства или изъ товарищеской кассы—источника скуднаго. Бывшій директоръ семинаріи мнѣ говорилъ: «мы знаемъ, что ему трудно, да учится лѣниво: хотимъ, чтобы подтянулся». Дочь Петра Ивановича—тоже будущая работница для темнаго люда, для родной степи; она во второмъ классѣ С-ской учительской школы... Десятки прошеній о стипендіи въ губернскую и уѣздную управы оставались безъ результатовъ. Самъ Петръ Ива-

новичъ работаль и день и ночь: начатое образованіе дѣтей хочеть кончить... Не жалѣль себя: всѣ заказы исполняль аккуратно и къ сроку.

Вдругъ «стѣнга лопнула» — показалась горломъ кровь... Уныніе... Расходы... Исчезла съ лица его та одухотворенность, которой я всегда любовался и думаль: «онъ поэтъ»... Жена начала проливать незримыя слезы — женское средство не умереть съ печали. Миша и Катя опечалились: «милый папа! не работай, мы поголодаемъ. Отдохни, мы какъ нибуду. Только-бы кончить, а тамъ начнется райское житье. Мы будемъ хорошими работниками для свѣта, насъ возьметъ любое земство, сумѣемъ мы поладить и съ инспекторомъ: святость убѣжденій спасеть насъ отъ всякаго зла».

Межъ тѣмъ рекрута уѣхали и стало въ селѣ тихо-тихо. Ни игры, ни пѣнія. Ни парни, ни дѣвушки не веселятся. Свадьбы почти безъ вина устраиваютъ, безъ танцевъ и безъ пляса... Только казакъ со станицы привезеть изрѣдка свою дешевую однорядку или стражникъ прицѣнится, сколько стоитъ новая «Саратовская» и, сказавъ «дорого», уйдеть. — Мать плачетъ. Видитъ Мишу во снѣ; онъ пріѣхаль, будто, на каникулы сѣль тотчасъ за столъ: «мама, жрать!» (семинарскій жаргонъ). И ѣсть-ѣсть-ѣсть... Мать подаетъ всѣ запасы, а сама опять плачетъ: милый, такъ катарръ наживешь. — «Я давно не ѣль, мама!»

А Катя сидитъ въ своемъ интернатѣ и думаетъ о папѣ, мамѣ и Мишѣ... Туго-туго натянуты струны ихъ сердецъ. Ихъ движенія передаются съ быстротою электрическаго тока... Раньше было только скучно, а теперь еще и грустно... Тоска... — Катя! Тебѣ письмо! — Бѣжить внизъ по лѣстницѣ... Ноги не слушаются. Чуткое сердце заранѣе ноеть. — Получила, боится распечатать... Читаетъ.. Не выдержало уже много страдавшее сердце и полились изъ ея милыхъ, ясныхъ, какъ у свѣтлаго ангела, черныхъ очей обильныя слезы... Подружки — лепетуньи, — хохотуньи примолки. — Идетъ начальница. Что ты, Горѣлова, плачешь? — Горда Катя, не любитъ она жаловаться на горе, обнажать свое сердце, съ ранняго дѣтства отъ родителей своихъ и родственниковъ крестьянъ научилась она терпѣть и таить свои и печали и радости. Но въ воображеніи ея проносится умирающій отецъ, сирота — мать, не доучившійся семинаристъ — братъ и она рассказываетъ па-

чальницѣ все, показываетъ панино письмо...—Тронулось бюрократическое сердце начальницы отъ чистой—горькой слезы дѣвушки—печальницы за цѣлую семью... Тронули эти слезы «обширное» сердце предсѣдателя губернской земской управы—Алексѣя Алексѣевича—Катю увидѣлъ Алексѣй Алексѣевичъ. Въ семинарію полетѣло письмо Миша подалъ прошеніе..

И увидѣла толпа семинаристовъ новое преображеніе. Никогда Миша не былъ такимъ счастливымъ, никогда не читалъ онъ своимъ товарищамъ такъ вдохновенно книги. Никогда не говорилъ онъ съ такимъ увлеченіемъ о добрѣ и красотѣ, о счастьи «жить на свѣтѣ», о радости полезной для ближнихъ жизни. —Отецъ повеселѣлъ и не такъ трусить отъ потери здоровья. Мать ликуетъ и не видитъ страшныхъ сновъ о голодномъ сытѣ. Катя рада больше всѣхъ; она причина счастья цѣлой семьи... Миша пишетъ, что на 37 р. 50 коп. (за 3 мѣс.) онъ одѣнется: черезъ полгода онъ—народный учитель. Нехорошо идти къ народу въ отреньяхъ и съ печалью. Не такими желаетъ видѣть народъ своихъ учителей. Не такъ ихъ рисуетъ Апт. П. Чеховъ.

Въ селѣ тихо. Народъ—ни старъ ни младъ—не играетъ и не поетъ Гармоникъ не надо... Но Петръ Ивановичъ теперь уже не такъ сильно страдаетъ: одну прокормимъ, а сами поголодаемъ...

Что-же не поетъ народъ? Что не поетъ чиновникъ, учитель, кунеческій сынокъ? Скоро ли они запоютъ и какія пѣсни?

Усмишиъ.

Мысли по прочтеніи статьи Холзакова въ № 2 „Откликовъ и досуговъ“.

Это всегда было такъ; все то, что мы постоянно видимъ, въ кругу чего постоянно вращаемся, къ чему привыкаемъ чуть не съ самаго дня нашего рожденія—все это кажется намъ давнымъ-давно простымъ и яснымъ, и мы падъ этимъ не задумываемся. Но когда насъ заставятъ задуматься, мы бываемъ просто поражены неожиданностями. Мы даже не вѣримъ, чтобы то, что мы сейчасъ увидѣли, было и прежде, но только мы не видѣли. Бываешь пораженъ той поверхностностью, съ которой до сихъ поръ относился ко всему окружающему. Становишься въ туникъ и столбнякъ передъ тѣмъ, на что прежде не обращалъ вниманія, какъ на явленіе слишкомъ обычное. Разверзается громадная пропасть тамъ, гдѣ прежде было такъ ровно и гладко.

Въ такой именно ужасающей формѣ всталъ передо мною вопросъ о положеніи крестьянскихъ дѣтей въ школѣ и дома.

Я самъ крестьянинъ, былъ крестьянскимъ мальчикомъ, сдѣлался учителемъ крестьянскихъ дѣтей, но до сихъ поръ у меня не было этого вопроса, я не мучился имъ, какъ нѣтъ его и у большинства моихъ знакомыхъ товарищей.

Я увидѣлъ, что въ положеніи нашихъ учениковъ въ школѣ и дома имѣется страшное противорѣчіе. Дома они живутъ такъ, въ школѣ совсѣмъ по другому. То, что дома у нихъ въ полномъ ходу, въ постоянномъ употребленіи, въ школѣ совершенно бездѣйствуетъ. За все время ученія ребенка на него дѣйствуютъ два воспитывающихъ фактора--до-

машній и школьный. И къ великому нашему огорченію приходится признать, что домашній факторъ, домашнее воспитаніе (впрочемъ правильнѣе—воспитаніе подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы) много благопріятнѣе, чѣмъ наше школьное воспитаніе.

Въ настоящей статьѣ я и хочу показать, насколько домашняя жизнь крестьянскихъ дѣтей неизмѣримо благопріятнѣе школьныхъ условій въ смыслѣ выработки въ нихъ предприимчивости, инициативы, самодѣятельности и твердости характера, и для проявленія и укрѣпленія того, что дала имъ природа.

Другими словами, я хочу показать—какъ наша теперешняя начальная школа обезличиваетъ молодое крестьянское поколѣніе.

Приведу нѣсколько типичныхъ примѣровъ изъ жизни учениковъ дома и въ школѣ.

Посмотрите вотъ на шумную ватагу 5 — и 6 — лѣтнихъ Гришекъ, Мишекъ, Петекъ и Ванекъ, высыпавшую на молодой снѣгъ, впервые выпавшій послѣ долгой осенней слякоти. Большинство изъ нихъ чѣмъ-нибудь вооружены: лопатой, палкой, салазками, а то и просто кускомъ хлѣба. Но они не стоятъ такъ, «упрямо и глупо». Вотъ двое изъ мягкаго, пушистаго снѣга катаютъ маленькіе шарики и кладутъ какую-то пирамиду. Другіе мастерятъ гору для катанья Тамъ съ громаднымъ стараніемъ и радостью сооружаютъ «мужика», отдѣльные части котораго вырабатываются особыми специалистами: одинъ выдѣлываетъ ноги, другой туловище, третій изъ особаго снѣжнаго шара съ необычайной заботливостью тоненькой дощечкой вытачиваетъ голову, четвертый, прыгая и кривляясь, придумываетъ для этого созданія подходящее имя, а пятый занимается эстетикой: широко разставивъ ноги въ большихъ материнныхъ сапогахъ, скрививъ голову, немного разинувши ротъ, откуда краснѣется кончикъ языка,—съ величайшимъ наслажденіемъ смотреть. Тутъ же уговариваются идти съ Волчкомъ выслѣживать зайца, построить большой снѣжный домъ, выпросить у мамки хлѣба и картошки и поселиться въ немъ жить... И все это съ большимъ воодушевленіемъ, съ сильно приподнятыми чувствами, съ громаднымъ участіемъ творческой дѣтской фантазіи. Тутъ нѣтъ для нея ограниченій, просторъ! Она проявляется въ такихъ формахъ, какія свойственны ея природѣ.

Весна. Снѣгъ быстро таетъ. Въ низкихъ мѣстахъ образовались лужи воды. Съ горъ бѣгутъ говорливые ручейки. Около одного изъ нихъ собрались дѣти. Не теряя золотого времени, берутся за дѣла. Двое устраниваютъ прудъ, а третій приспособленіе для спуска лишней воды; четвертый вдѣлываетъ въ плотину пруда трубку отъ разбитаго глинянаго подойника, чтобы получить струю падающей воды и подвести подъ нее принесенную уже мельницу. А вотъ и сама мельница, простая, незамысловатая, какъ и сами ея устроители. Здѣсь же, у ручья, изъ бересты дѣлаются лодки, нагружаются глиняными людьми и собаками и при общемъ ликованіи и крикѣ торжественно спускаются въ воду. Все тутъ дѣлается безъ принужденія, съ личной инициативой, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для полнѣйшей самостоятельности и изобрѣтательности.

Третья картина. Дѣти вмѣстѣ съ большими на покосѣ. Какой могучій просторъ! Ширь какая! Рамокъ здѣсь нѣтъ, не полагается, никто въ нихъ не втискиваетъ. Кричи, бѣгай, прыгай—какъ угодно душѣ! А какая широкая арена наблюдательности за работой старшихъ, за жизнью растительнаго и животнаго царства—за чудесами матушки-природы. Тутъ нѣтъ и малѣйшихъ признаковъ убійственно-скучнаго изученія природы въ школѣ по сухому, осыпавшемуся стеблю и грубо нарисованному червяку.

А вотъ картина четвертая, пятая, шестая... И все такія, гдѣ способности дѣтей въ своемъ развитіи не встрѣчаютъ никакихъ препятствій, гдѣ ихъ не гнутъ подъ одну дугу, не дѣлаютъ «ровными учениками», не обезличиваютъ; гдѣ наилучшія условія для наблюдательности, предприимчивости, проявленія творческой способности.

Гармонируетъ ли наша школа съ естественнымъ развитіемъ крестьянскихъ дѣтей?

Я не буду давать большихъ описаній школьной жизни учениковъ,—она намъ извѣстна. Ограничусь лишь указаніями на нѣсколько типичныхъ явленій, послѣ чего, надѣюсь, основная мысль моя выдѣлится рельефно.

Чего мы требуемъ отъ учениковъ, какими желаемъ ихъ сдѣлать?

Мы требуемъ: чтобы они обязательно всѣ поспѣвали къ молитвѣ; чтобы на молитвѣ стояли всѣ, какъ одинъ че-

ловѣкъ; чтобы на урокахъ чтенія одинъ читаль, а другіе по книжкѣ слѣдили; чтобы чтеніе ихъ было одинаково, для чего мы всячески подталкиваемъ отстающихъ и не пускаемъ впередъ способныхъ.

Урокъ ариѳметики, тотъ урокъ, на который возлагается главная надежда по выработкѣ въ ученикахъ индивидуальной самодѣятельности. Какова же тутъ наша цѣль? Нѣтъ ли у насъ и здѣсь признаковъ обезличиванія? Есть, непременно есть! Когда мы даемъ какой-либо новый типъ задачъ, то, прежде чѣмъ учениковъ заставить рѣшать ихъ самостоятельно, мы эти задачи подвергнемъ основательному совмѣстному изученію. И когда увидимъ, что ученики усвоили ихъ, т. е., что рѣшать ихъ будутъ непременно такъ, а не иначе; когда мы убѣдимся, что мысль каждаго изъ нихъ при рѣшеніи данныхъ задачъ пойдетъ именно по тому пути, который указанъ нами, тогда эти задачи мы даемъ ученикамъ для «самостоятельнаго» рѣшенія. Дадимъ и скажемъ: «смотри, каждый рѣшай самъ, по своему». И бываемъ очень довольны, когда они рѣшаютъ одинаково, кончатъ одинаково и объясняютъ одинаково. Классъ ровный, отстающихъ нѣтъ, всѣ «успѣшные».

На урокахъ чистописанія эта одинаковость выбивается до мельчайшихъ волосныхъ линій.

Урокъ рисованія! Здѣсь, кажется, полностью должна проявиться творческая фантазія дѣтей, но... къ сожалѣнію, проявиться ей не даютъ. Какъ одна даются одинаковыя тетради, съ одинаковыми линіями, и заставляютъ выводить одинаковыя прямыя и ломаныя.

Перемѣна. Тутъ для ученика указано, какъ выходить изъ класса, какъ держать себя въ корридорѣ, на улицѣ, какъ входить въ классъ съ перемѣны, какъ разсаживаться, сидѣть, куда руки, куда ноги дѣвать. Во всѣ уроки и перемѣны все ученикомъ дѣлается по указкѣ.

Хорошо еще, что ученики во многомъ насъ не слушаютъ, а то не быть бы имъ больше людьми, а быть автоматами.

Представьте себѣ такую картину. Классъ «исполнительныхъ» учениковъ. Идутъ съ перемѣны тихо, не толпясь, не крича, шагаютъ размѣренно и плавно; каждый идетъ тутъ, гдѣ указано, садится съ того конца парты, съ котораго слѣдуетъ. Сѣлъ. Руки по программѣ. Ноги согнуты подъ пря-

мымъ угломъ, чтобы не толкать ими сидящихъ впереди. Глаза прямо на учителя. Ни шума, ни даже шороха. Предлагается задача. Рѣшается при мертвящей тишинѣ. Поднимаются руки. Слышится одинаковое рѣшеніе, одинаковое объясненіе. Лѣзть впередъ, показывать свои способности не полагается. «Когда всѣ». Даже выраженіе лицъ почти одинаково—безмысленно-деревянное...

Взойдетъ военный генералъ или штатскій съ военными «чувствами», погладить учителя по головущкѣ, запишетъ «на память», и завтра же представить къ наградѣ.

Спрашиваю: кто тутъ воспитывается? Да конечно, та сплошная, сѣрая, *безличная* масса, которую такъ жестоко побили японскіе индивидуумы.

Учитель С. Мясотинъ.

Объ учебникахъ въ народной школѣ.

По недостатку средствъ большинство нашихъ народныхъ школъ нуждается въ самомъ необходимомъ. А между тѣмъ наши составители учебниковъ какъ будто сговорились сдѣлать свои книги какъ можно дороже. И если принять во вниманіе частую смѣну однихъ учебниковъ другими, то легко представить, сколько скудныхъ народныхъ денегъ тратится непроизводительно. Въ виду же предстоящаго введенія всеобщаго обученія этотъ вопросъ дѣлается еще болѣе важнымъ.

Къ чему, напримѣръ, въ русскихъ азбукахъ и почти во всѣхъ книгахъ для класснаго русскаго чтенія составителями непремѣнно помѣщается и ц.-славянскій текстъ? Ни по количеству, ни по качеству этотъ матеріаль обыкновенно неудовлетворителенъ и учителю все равно приходится пользоваться другими славянскими книгами. Въ этихъ же послѣднихъ переводъ славянскихъ словъ на русскій разбросанъ по всей книгѣ, занимаетъ мѣста чуть не половину книги, а то и больше, а понадобится найти переводъ какого-нибудь слова, не скоро его отыщешь. Не лучше ли всѣ непонятныя славянскія слова помѣстить въ особомъ словарикѣ, который бы пригодился для любой славянской книги и которой будетъ стоить 2-3 копѣйки. Для чтенія же по ц.-славянски тогда и вовсе можно бы не имѣть особыхъ учебниковъ, а читать прямо по Новому Завѣту. Вѣдь имѣется же въ каждой школѣ Евангеліе и даже псалтирь.

Учебники по этимъ предметамъ обученія самые дорогіе по вышеназваннымъ причинамъ. А при частой ихъ смѣнѣ какъ со держателямъ школъ или родителямъ дѣтей!

Что касается сборниковъ задачъ, то непременно въ каждомъ имѣется цѣлый отдѣлъ примѣровъ на вычисленія. Составителямъ, конечно, извѣстно, что вычисленія и задачи хотя и относятся къ одной области нашихъ познаній, но затрогиваютъ двѣ различныя душевныя способности. Поэтому задачами и численными примѣрами приходится пользоваться различно. Если же взглянуть на этотъ предметъ еще съ чисто экономической стороны, то увидимъ вотъ что. Самыя задачи въ книгѣ еще всѣ цѣлы, и ихъ бы хватило еще на много лѣтъ, а учебникъ уже приходится замѣнять новымъ, т. к. численные примѣры оказались совершенно протертыми малышами-счетоводами. Слѣдовало бы составить отдѣльно сборникъ численныхъ примѣровъ въ предѣлахъ 1-го десятка, сотни, тысячи и въ предѣлахъ любой величины, и такой сборникъ подойдетъ къ любому нынѣ употребляющемуся задачнику и методу обученія.

Словомъ, нужно завести такой порядокъ во всѣхъ учебникахъ и пособіяхъ, которые даются на руки ученикамъ. Точно такъ же и грамматическія упражненія, по той же причинѣ, не слѣдуетъ помѣщать въ книги для чтенія, а имѣть ихъ особо. На эти таблицы и примѣры потребуются гроши, а въ книгахъ, вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ, они будутъ стоить гривенники. Человѣку, не знакомому съ расходами на школы, все это можетъ показаться мелочами. Но это далеко не такъ.

Наконецъ нѣсколько словъ объ обученіи въ народ. школѣ чтенію рукописнаго. Это очень важный предметъ, особенно для сельскихъ школъ, гдѣ дѣти въ большинствѣ случаевъ заканчиваютъ свое образованіе: умѣніе читать рукописное является для нихъ потомъ насущною необходимостью. И школа много теряетъ во мнѣніи населенія, если не научаетъ этому. Да оно и понятно. Какъ смотрѣть на школу, которая научила ребенка всякимъ премудростямъ книжнымъ, набила знаніями, начиная съ никому и ни для чего не нужныхъ буквъ и кончая необъятнымъ сводомъ небеснымъ, а не научила самому необходимому въ практической жизни: окончившій такую школу подростокъ зачастую не умѣетъ прочитать какойнибудь расписки, удостовѣренія, повѣстки, написанныхъ сельскимъ писаремъ, или письма отъ брата—солдата? Между тѣмъ этотъ предметъ у насъ почему-то въ загонѣ. Инспектора

народ. училищъ при ревизіяхъ школъ даже не испытываютъ учениковъ въ этомъ, на экзаменахъ это не спрашивается. Но горе и учителю, и деревенскому ученику, если послѣдній ошибется написать, напр., двѣсти три милліона пять сотъ тысячъ восемьдесятъ!

Для обученія дѣтей чтенію рукописнаго я знаю всего только одну книгу: „Литографированная хрестоматія“ Подобны. Подобіе это очень не дурное, но въ немъ есть много лишняго, совершенно ненужнаго, и почти вдвое поднимающаго его цѣну. Чуть не половина книги занята шрифтами никогда никѣмъ не читаемыми. А что касается помѣщенныхъ въ этой книгѣ подписей епископовъ и архимандритовъ на постановленіяхъ соборовъ, такъ это ужь, мнѣ кажется, скорѣе относится къ курсу какого нибудь филологическаго факультета, а не къ курсу начальной школы. Между тѣмъ, въ той же книгѣ нѣтъ ни одного дѣловаго письма, какой нибудь ходячей дѣловой бумажки, расписки, духовнаго завѣщанія, формы сельскаго приговора—ничего такого, что больше всего и нужно. Исходя все изъ той же экономіи, слѣдовало бы многое изъ названной хрестоматіи опустить, а что нужно—прибавить. Отъ этого книга выиграетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Ф. Червлковъ.

ЖАЛОБЫ УЧИТЕЛЕЙ.

Разсказъ «Изъ жизни одного учителя», помѣщенный въ № 4 «Откликовъ», вызываетъ меня на размышленія по поводу многочисленныхъ учительскихъ жалобъ на свое безотрадное положеніе, о которомъ такъ много сочувственнаго было написано въ разное время, что, если бы собрать въ одинъ томъ всѣ эти стоны, то, право, получился бы вопль, взывающій къ небу куда сильнѣе плача Іереміи на развалинахъ Іерусалима. Но специальное горе учителя не есть какое-нибудь особенное, исключительное горе, и слезы его разливаются въ общемъ морѣ слезъ такихъ же, какъ онъ, бѣдняковъ, которыми кишитъ земля, переполненная съ самаго сотворенія міра печалью, отъ которой никакъ не можетъ отдѣлаться. Учитель, солдатъ, телеграфистъ, всякій рабочій — всѣ жалуются на свою судьбу.

Мечтатели—утописты имѣютъ слишкомъ розовыя надежды на какой-то особенный, новый порядокъ свободы, равенства и братства, которыхъ въ абсолютномъ значеніи никогда не можетъ быть на землѣ. Относительная же свобода, равенство и т. д. не исключаетъ поводовъ къ недовольству и ропоту тѣхъ, которые по своему общественному положенію стоятъ ниже другихъ. Всегда будетъ у человѣка желаніе улучшить свое положеніе, каково бы оно ни было. Положеніе учителя не завидно, это правда, но все же находятся люди, которые ищутъ этой должности; слѣдовательно, она для нихъ все-таки своего рода обѣтованная земля. Получается такое явленіе, что человѣкъ добьется того, что ищетъ, и начинаетъ ныть о своемъ бездолии. Вѣдь онъ же самъ себя создаетъ то

положеніе, на которое жалуются. Политическая экономія учитъ: если предложеніе труда превышает его спросъ, то цѣна на трудъ падаетъ, и наоборотъ чѣмъ ниже предложеніе труда передъ спросомъ, тѣмъ выше его цѣна. Этотъ желѣзный, неу-молимый законъ писанъ не блѣдными чернилами на пыльных хартіяхъ различныхъ «сводовъ», а врѣзанъ неизгладимыми буквами въ самую жизнь человѣчества, и ничѣмъ нельзя его измѣнить. Слѣдовательно, пока будутъ охотники идти въ учителя, до тѣхъ поръ положеніе ихъ не можетъ настолько улучшиться, какъ бы они желали. Теперь возникаетъ вопросъ: что заставляетъ людей искать учительской службы? какъ составляются полки этихъ тружениковъ — добровольцевъ? Не рекрутскими же наборами? Слишкомъ разнообразны причины, по которымъ молодежь обоего пола избираетъ для себя благодарный во многихъ случаяхъ; но безусловно благородный учительскій трудъ.

Есть небольшая группа лицъ изъ довольно состоятельныхъ семей, преимущественно барышни, окончившія институтъ или гимназію и идущія учительствовать, частію по искреннему влеченію къ этому дѣлу, частію для того, чтобы занять чѣмъ-нибудь свой досугъ, а частью затѣмъ, чтобы имѣть такъ называемыя «карманныя» деньги на свои расходы. Такія учительницы идутъ въ городскія начальныя школы, въ фабричныя или въ такія сельскія, которыя находятся въ томъ же селѣ, гдѣ живутъ ихъ родные; среди нихъ есть дочери священниковъ, инспекторовъ пародныхъ училищъ и другихъ болѣе или менѣе обезпеченныхъ господъ разнаго званія и состоянія. Эти не жалуются на свою учительскую долю. Имъ лишь бы получать жалованье, въ которомъ онѣ, по правдѣ сказать, не такъ сильно нуждаются, какъ другая, многочисленнѣйшая категорія учителей и учительницъ, которые идутъ на эту службу вслѣдствіе острой нужды, для которыхъ служба — единственный источникъ существованія. И очень, право, жаль, что изъ-за куска черствого хлѣба имъ приходится терпѣть горькія непріятности, иногда совершенно незаслуженно.

Хотѣлось бы мнѣ имъ рассказать свою коротенькую исторію учительствованія: можетъ быть, изъ нея кто нибудь извлечетъ себѣ что-нибудь полезное или хотя по крайней мѣрѣ увидятъ, что не всегда такъ страшна и безвыходна доля народнаго учителя, какъ многимъ кажется она въ мрачную

осень, при видѣ черныхъ, убогихъ хатенокъ глухой деревеньки, или въ долгіе, зимніе, одинокіе вечера подъ тоскливое завыванье разгулявшейся вьюги.

Вышелъ я изъ бѣдной мѣщанской семьи; въ учительскую семинарію поступилъ для того, чтобы своей стипендіей въ размѣрѣ 10 руб. въ мѣсяцъ помогать отцу въ содержащіи семьѣ въ пять человѣкъ. Когда я еще учился въ приходскомъ, а потомъ въ уѣздномъ училищѣ, я уже помогалъ отцу въ торговлѣ: сидѣлъ въ лавочкѣ, когда онъ ходилъ домой обѣдать и отдыхать послѣ обѣда; ѣздилъ съ нимъ на ярмарки.

Я всегда учился усердно, «зубрилъ», по выраженію школьниконъ, такъ что у меня не оставалось времени для чтенія книгъ, кромѣ учебниковъ; поэтому въ уѣздномъ училищѣ я прочиталъ только «Приключенія Гулливера», а въ семинаріи—4-й томъ Пушкина. Двадцать лѣтъ тому назадъ педагогическимъ совѣтамъ семинарій предоставлялось самимъ вырабатывать программы учебныхъ предметовъ. Въ той семинаріи, гдѣ я учился, все изученіе русскаго языка ограничивалось грамматикой Говорова (объ исторіи литературы мы не слышали), а естественную исторію преподавалъ студентъ духовной академіи, самъ, вѣроятно, никогда раньше не издавшій ни одного учебника естественной исторіи и сдѣлавшійся преподавателемъ этого предмета по какому-то недоразумѣнію. По выходѣ изъ семинаріи я поступилъ на 20 руб. ежемѣсячнаго жалованья въ земскую школу въ подгородней слободкѣ одного губернскаго города и долженъ былъ тотчасъ же взять на свое содержаніе отца—старика, мать и маленькихъ сестру и брата, которые сперва учились у меня, а потомъ на мои средства продолжали образованіе дальше. Жить при такихъ условіяхъ на 20 руб. въ мѣсяцъ болѣе чѣмъ мудрено. Поэтому я долженъ былъ имѣть грошовые частные уроки, чтобы не умереть съ голоду, а въ своей школѣ занимался по росписанію—отъ 9 ч. до 1 ч. дня. При такихъ занятіяхъ успѣхи не могли быть такъ блестящи, какъ у нѣкоторыхъ учительницъ, которыя занимаются съ 8 ч. у. до 4 ч. дня, а иногда и вечеромъ.

Кромѣ того, на меня разъ была жалоба инспектору, что я не принимаю въ свою школу дѣтей на дообѣденныя занятія, заставляя ихъ этимъ поступать ко мнѣ на послѣобѣденные уроки за особую плату въ мою пользу. Въ другой разъ,

въ учебное время, инспекторъ не засталъ въ школѣ ни меня, ни учениковъ. Были и другія замѣчанія за мною. Все это, конечно, не располагало начальства въ мою пользу. Поэтому я не имѣлъ основаній рассчитывать на его благодарность и награды. Но все-таки меня не преслѣдовали и въ другое училище не переводили, хотя на мое мѣсто, какъ близъ города губернскаго, было много охотниковъ изъ деревень и уѣздныхъ городовъ: нѣкоторымъ учителямъ нужно было жить въ такомъ городѣ, гдѣ есть средне-учебныя заведенія для ихъ дѣтей.

Были у меня столкновенія и съ крестьянами. Однажды послѣ молебна передъ началомъ ученья явилась ко мнѣ компанія «чучекъ» и, поздравляя съ началомъ учебнаго года, стала просить «угощенія» на бутылку. Я отказалъ. Тогда они, вышедши изъ училища, стали громко выражать свое неудовольствіе и обѣщали заявить учебному начальству, что я, какъ учитель, для нихъ «неудобенъ». Однако ничего не вышло.

Все время своего учительствованія въ начальной школѣ я съ утра до ночи занимался то съ учениками, то съ самимъ собою, пополняя недостатокъ своего образованія: изучалъ произведенія писателей, съ которыми знакома каждая гимназистка, но о которыхъ мнѣ не дала ни малѣйшаго понятія моя *alma mater*; занимался естественной исторіей, которой не могъ научить насъ академикъ, не знакомый съ этимъ предметомъ; принялся за алгебру, которой я совсѣмъ не видалъ въ семинаріи.

Въ теченіи немногихъ лѣтъ я настолько подготовился, что могъ держать экзаменъ при учительскомъ институтѣ на званіе учителя городского училища. При желаніи всегда можно выдержать этотъ экзаменъ. Я знаю одного учителя городского училища, который когда-то былъ исключенъ изъ второго класса семинаріи; потомъ по экзамену приобрѣлъ званіе учителя начальнаго училища, 20 лѣтъ прослужилъ учителемъ въ одной глухой деревнѣ, имѣлъ жену и дѣтей и въ 40 лѣтъ держалъ экзаменъ на званіе учителя городского училища, въ таковой должности теперь и служить. Ничего нѣтъ легче выписать изъ учительскаго института программу экзаменовъ на званіе учителя городского училища и учебники, которые проходятся въ томъ институтѣ, гдѣ хотите экзаменоваться.

Конечно, далеко не всѣмъ учащимъ въ начальныхъ школахъ можно вырваться изъ той ужасной обстановки, въ которую они попали силою неотвратимыхъ обстоятельствъ. Но что дѣлать? По принципу-то абсолютной справедливости, всѣ, кому горько живется, всѣ имѣютъ право желать облегченія своей участи: солдатъ, взятый въ военную службу по принудительному набору; мужикъ, вынужденный умирать со всей своей семьей отъ голода, холода и смрада въ курной, тѣсной избѣ, передъ которой могутъ похвалиться своею комфортабельностью многія конюшни кровныхъ лошадей и теплые, свѣтлые хлѣвы породистыхъ свиней и коровъ; нищій, въ зимнюю ночь замерзающій подъ окнами роскошнаго ресторана, въ которомъ теплый, мягкій, пропитанный вкуснымъ запахомъ воздухъ располагаетъ забыть о тѣхъ милліонахъ несчастныхъ людей, для которыхъ вся жизнь — одна каторга. А вѣдь всѣ эти нищіе, мужики и солдаты тоже имѣютъ право на лучшее существованіе.

Скажите послѣ этого по чистой совѣсти, бѣдные народные учителя и учительницы, неужели хватить у насъ благороднаго духа жаловаться на свою горькую долю, когда міръ переполненъ страданіями, когда стонетъ тотъ самый народъ, который платитъ налоги для нашего жалованья?

Онъ-намъ хозяинъ, а мы, всѣ получающіе жалованье, отъ перваго министра и до послѣдняго сторожа, мы всѣ — его слуги. При такихъ условіяхъ эгоистично какъ будто съ нашей стороны жаловаться. Да и кромѣ того, всѣ эти наши жалобы убиваютъ въ насъ же самихъ ту энергію и бодрость духа, которыя такъ нужны намъ для нашего святого, отвѣтственнаго дѣла... Не съ приниженою покорностью и оскорбительными для насъ мольбами о милостяхъ и защитѣ, но гордой, твердой поступью, безъ жалобы и слезъ — симптомовъ слабости душевной, — съ поднятою высоко честной головой, съ тяжелою, отвѣтственной работой въ нашихъ незапятнанныхъ рукахъ пойдемъ всѣ дружною семьей по тому кремнистому пути, который посланъ намъ въ удѣлъ Всевышнимъ Провидѣньемъ.

Какой смыслъ въ нашемъ учительскомъ нытьѣ, когда съ начала міра несется къ небу одинъ всеобщій вопль, какъ душа надрывающій могучій аккордъ?

Кто только когда-нибудь не жаловался? и каких только не было поводовъ къ недовольству? Такъ что каждая новая жалоба звучитъ теперь слишкомъ ужъ слабо.

Вспомните Діогена, который просилъ Александра Македонскаго посторониться отъ солнца, и сопоставьте съ этой просьбой—жалобой полный глубокаго трагизма вздохъ, вложенный великимъ поэтомъ въ уста того, кто про себя могъ съ гордостью сказать:

«Достигъ я высшей власти».

И что же?

«Но счастья нѣтъ моей душѣ..»

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Послужившій.

ОПОЛЧЕНЕЦЪ.

(Изъ досюговъ сельскаго учителя).

I.

Страшенъ дикій боръ,
Непроглядный лѣсъ—
Окружилъ стѣной
Ниву спѣлую.
Ко сырой землѣ
Крупнымъ колосомъ,
Наливнымъ зерномъ
Рожь склонилася.
Жница жнетъ ее
Одинокая;
Серебромъ блестить
Острый серпъ въ рукахъ,
И снопы въ ряды
Дружно строятся.
И поетъ она
Пѣсню громкую...
Не съ тоски поетъ
И не съ радости,
А пугаетъ тѣмъ
Звѣря лютаго.
Дума грустная
На лицѣ лежитъ:
„Вотъ придетъ ко мнѣ
„Изъ дремучаго
„Гостя грозная
„Съ медвѣжатами,
„И безжалостно
„Когти острые
„Позапуститъ мнѣ

„Въ тѣло бѣлое,
„Обагрить снопы
„Кровью алою,
„Разорветъ въ клочки
„Всю утробушку,
„Сгубить двѣ души
„Человѣческихъ“...

II.

Благодатный день
Къ ночи клонится.
Птички-пташечки
Въ гнѣзда спрятались.
Не поетъ моя
Жница бѣдная;
Не до пѣсенъ ей—
Жутко на сердцѣ:
Тишина въ лѣсу.
Передъ бурей.

III.

Облегла кругомъ
Небо синее
Туча темная,
Непроглядная...
Разыгрались
Силы Божіи:
Пролетѣлъ стрѣлой
Вихрь надъ нивою,
Разметалъ снопы
Во всѣ стороны;
Взвыли жалобно
Вѣтры буйные;
Въ краснолѣси шумъ,
Трескъ слышался...
Въ темнотѣ блестить
Ярко молнія,
И грохочетъ громъ
Оглушительный.

IV.

Жница бросила
Серебристый серпъ
И спѣшить спастись
Отъ ненастїа
Подъ густую ель,
Подъ смолистую.
И стоитъ подъ ней
Съ думой новою...
Вотъ въ спинѣ у ней
Сильно рѣзнуло,
Зарябилося
Въ голубыхъ глазахъ...
И дитя на свѣтъ
Появилося.
Мать сняла платокъ
Съ головы своей,
Обернула имъ
Сына милаго;
И, когда гроза
Миновалася,
Приплелася съ нимъ
Въ хату теплую.
На другой же день
Попъ крестилъ его,
Въ честь Крестителя
Имя далъ ему;
А на третїй день
Мать-родильница
Дожинала ту
Ниву спѣлую.

V.

Въ синевѣ плыветъ
Солнце ясное.
Въ зелень липкую
Нарядилися
Въ рошѣ тополи
И черемухи.
По лугамъ цвѣты
Поразсыпались;

Убрались въ садахъ
Вишни, яблони
Въ сарафанъ цвѣтной,
Бѣлорозовый...
И покрылися
Нивы всходами
Свѣжей ярины,
Травкой сочною...
Отъ полей, садовъ
Благовоніе
Въ влажномъ воздухѣ
Разливается...
Пѣсни звонкія
Вольныхъ пташечекъ
Всѣмъ чаруютъ слухъ
Силой чудною.
И кусты ракичь
Отразилися
Въ тихомъ озерѣ,
Словно въ зеркалѣ;
И плывутъ по немъ
Утки стаями,
Серебристыя
Рыбки плещутся
Въ глубинѣ его
Неизмѣрянной...
И вездѣ весна
Блещетъ роскошью.
У почетнаго
Мужика-отца
Дочь родилася
Въ этотъ ясный день,
Имя дали ей
Аграфеною.

VI.

Пожелтѣвшій листь
Съ древа падаетъ:
Люди дряхлые,
Вѣкъ отжившіе,

Сходитьъ въ темный гробъ
Съ свѣта бѣлаго;
Молодой листокъ
Нарождается,
Украшаетъ онъ
Деревцо свое;
Человѣкъ-дитя
Копить силушку
Въ славу Божию,
Въ честь родителямъ...
Такъ за годомъ годъ
Въ вѣчность катится:
Старый старится—
Молодой растетъ.

VII.

Занялась заря
Въ небѣ алая,
Въ чистомъ полѣ свистъ
Громкій слышится.
За сохой идетъ
Пахарь набожный,
Молодой Иванъ
Поликарповичъ.
Бурый конь его
Натянулъ гужи,
Бороздой идетъ
Ступью мѣрною:
Гдѣ прошелъ съ сохой,
Тамъ чернымъ-черно...
И тому-ль не быть
Добрымъ пахаремъ,
Кто въ сыромъ бору
Подъ грозой рожденъ?

VIII.

Ясно солнышко
Въ небѣ свѣтится.
Аграфена жнетъ
Рожь высокую.

Серебристый серпъ
Рѣжетъ съ прихрустомъ...
И кому же быть
Жницей доброю,
Какъ не дѣвушкѣ
Въ восемнадцать лѣтъ?

IX.

Не волна шумить
Въ непогодушку,
Не вода кругомъ
Разливается—
Люди сельскіе
Праздникъ празднуютъ:
Пѣсни звонкія
Всюду слышатся;
Хороводъ идетъ
Вдоль по улицѣ,
Колыхаются
Ленты алыя.

X.

Зорька ясная
Гаснетъ въ западѣ.
Яркимъ заревомъ,
За крутой горой
Мѣсяць медленно
Разгорается.
На концѣ села
Подъ рабиною
Добрый молодець
Съ красной дѣвицей
Разговоръ ведутъ;
Рѣчь сердечную...
И горять у нихъ
Щеки бѣлыя,
А въ глазахъ любовь
Ясно свѣтится.
Позабыли то
Эти юноши:
Что одинъ въ бору

Подъ грозой рожденъ,
А другая въ день
Вешній солнечный.

XI.

Подъ вѣнцомъ стоятъ
Въ храмѣ Божіемъ
Пахарь набожный,
Жница добрая;
А въ рукахъ у нихъ
Воску яраго
Свѣчи золотомъ
Перевитыя...
Попъ сказалъ слова
Невозвратныя...
Сочеталъ Господь
Души чистыя,
Навсегда связалъ
Клятвой крѣпкою.

XII.

И живутъ они
Въ славу Божію.
Лѣто теплое
Прокатилось;
Подъ окномъ стучить
Осень хмурая;
А у нихъ уже
Жатва кончена.
За столомъ въ углу,
Подъ божницею,
Всталъ послѣдній снопъ,
Какъ почетный гость;
Три прямыхъ свѣчи
Воску яраго
Тихо теплятся
Предъ иконами.
Люди добрые
Богу молятся:
Наградилъ Господь

За усердный трудъ
Крупнымъ колосомъ,
Золотымъ зерномъ.
Вотъ накрыли столъ
Браной скатертью,
Яства разныя
Поразставили.
Самъ хозяинъ взялъ
Чашу полную,
Пивомъ пѣнистымъ
Гостей потчуетъ.
Кто работаетъ
Лѣто красное—
Весела тому
Осень хмурая.

XIII.

О, не громъ взгремѣлъ
Надъ сырой землей,
Не дремучій лѣсъ
Вторить грохоту:
Православный Царь
Слово вымолвилъ,
Русь могучая
Встрепенулася...
И летять гонцы
Съ царской грамотой
Собирать народъ
Въ ополченіе.
Не горюнь-трава
Оросилася,
Не плакучая
Ива гибкая
Капли крупныя
Ронить съ листиковъ:
Прослезился самъ
Пахарь набожный,
Слезы льетъ его
Молода-жена.
На роду ему,

Знать, написано
На враговъ поднятъ
Руку мощную,
Обагрить въ крови
Мусульманина
Саблю острую
Иль трехгранный штыкъ,
Иль сложить свою
Буйну-голову
За отечество,
Храмы Божіи,
Честно кровь пролить
Христіанскую.
„Ты прости, моя,
„Аграфенушка!
„Старымъ людямъ будь
„Дочь покорная,
„Малымъ дѣтушкамъ—
„Мать степенная,
„А сосѣдушкамъ—
„Неизмѣнный другъ“,
При разлукѣ онъ
Говорилъ женѣ;
Мѣдный крестъ съ себя
Снялъ съ молитвою
И надѣлъ его
На малюточку,
Сына милаго,
Двухнедѣльнаго,
И въ далекій путь
Самъ отправился.

XIV.

О, не темныя
Тучи сходятся,
Затмѣваютъ свѣтъ
Солнца яснаго;
Не трескучій градъ
Съ неба сыплется,
Избиваетъ рожь
Колосистую;

Не вода течетъ
Изъ живыхъ ключей
Съ горъ заоблачныхъ
На долинушку.
Въ бой могучія
Вышли арміи,
Черный дымъ въ поляхъ
Разстиляется,
Въ немъ свинцовыя
Пули сыплются,
Съ трескомъ, грохотомъ
Ядра лопаются,
Человѣчья кровь
Пролливается.

XV.

Не змѣя ползетъ
Подколотная,
Нѣтъ, не лютый червь
Точитъ сочный плодъ.
А идетъ бѣда
Неминуемая,
Гложетъ грусть-тоска
Сердце Грунюшки:
Чернымъ ворономъ,
Вѣщей птицею,
Прилетѣла къ ней
Вѣсть ужасная
О погибели
Мужа милаго.

XVI.

Но не вѣкъ горѣтъ
Восковой свѣчѣ,
И не вѣкъ грустить
Молодой вдовѣ...
Приглянулся ей
Сынъ сапожника,
Въ Божьемъ храмѣ съ нимъ
Повѣнчалася.
И живутъ они,
Припѣваячи.

Подкатилося
Лѣто новое.
А графѣна жнетъ
Ниву спѣлую.
Жница дрогнула...
Сердце сжалося ..
Затряслись у ней
Руки бѣлыя...
Грунѣ видится—
Прежній мужъ идетъ.
„Сила крестная,
„Благодатная!
„Ужь не злой ли духъ
„Надо мной шутить?“
Въ страхѣ думаетъ
Баба бѣдная.

XVII.

„Здравствуй, милая!“
Тотъ привѣтствуетъ,
Кто въ сыромъ бору
Подъ грозой рожденъ.
Подкосилися
Ноги рѣзвыя,
Будто снопичекъ
Груня падаетъ...
Онъ въ объятія
Подхватилъ ее,
Крѣпко-крѣпко сжалъ
Онѣмѣлую.
— „Гдѣ ты былъ? скажи,
Ненаглядный мой!“
Наконецъ она
Слово молвила.
— „Я у нехристей
Тосковалъ въ плѣну“.—
— „О, темень съ тобой
Не разстануся ..
Много горюшка
Перемыкала,

Много слезъ лила,
Все повызнала:
Старый вѣрный другъ
Лучше новыхъ двухъ“.
— „Груня, рѣчь твоя
Непоятна мнѣ“.
— „Ахъ, голубчикъ мой,
Сязокрыленькій,
Ты прости меня,
Горемычную,—
Замужъ вышла я
Окаянная“.—
Помертвѣлъ Иванъ
Полликарповичъ:
Слово горькое
Поразительнѣй
Свиста вражскихъ пуль,
Треска, грохота...
— „Да какой же попъ
Повѣнчалъ тебя?“
— „Тотъ же самый попъ,
Что тебя вѣнчалъ!“
— „Гдѣ-жь законъ тогда
На святой Руси?
Али вѣра-то
Православная
Басурманскою
Замѣнилася?“
— „Все одинъ законъ
На святой Руси,
Храмы божіи,
Вѣра чистая...
За грѣхи Господь
Наказалъ меня:
Чернымъ ворономъ
Вѣщей птицею,
Прилетѣла вѣсть,
Что въ бою сложишь
Ты съ широкихъ плечъ
Буйну голову“.

— „Чудо-чудное,
Диво-дивное!“
— „Горе мыкая,
Пораздумала,
Что не вѣкъ горѣть
Восковой свѣчѣ,
И не вѣкъ грустить
Молодой вдовѣ...
Приглянулся мнѣ
Сынъ сапожника,
Въ Божьемъ храмѣ съ нмѣ
Повѣнчалася“.
— „Аль не вѣдала,
Неразумная:
Первый мужъ женѣ
Данъ отъ Господа,
А другой—людскимъ
Сомущеніемъ,
Третій дьявольскимъ
Навожденіемъ?“
— „Ты прости меня,
Окаянную!“
— „Богъ проститъ тебя,
Горемычная!“

XVII.

Олишкомъ тридцать лѣтъ
Прокатилось.
Ясный майскій день
Къ ночи клонится...
И блестятъ кресты
Монастырскіе
Надъ зеленою
Рощей тополей...
За оградю
Бѣлокаменной
Странникъ сгорбленный
Тихо движется,
Толстой палкою
Опирается;

На плечахъ его
Сумка тяжкая...
Шляпу пыльную
Снялъ онъ набожно,
Головой поникъ
Утомленною
У святыхъ воротъ
Храма Божія,
И молитву онъ
Шепчетъ тихую:
„О соборная
Церковь, мать моя!
Ты скорбящимъ всѣмъ
Утѣшеніе!
Ты прибѣжище
Станнымъ доброе!
Пріюти меня,
Многогрѣшнаго
И недугами
Удрученнаго,
Отъ житейскихъ бурь,
Отъ мірскихъ суетъ!“
Кто же странникъ тотъ?
Ополченецъ?—Да.

XIX.

А во храмѣ-то
Пѣнье стройное...
Тамъ кадильный дымъ
Подымается...
Тихо теплятся
Свѣчи бѣлыя,
И монахини
Богу молятся
О сестрѣ своей,
Вновь преставленной...
Кто-жь усопшая?—
Догадайтесь.

В. А. Самсоновъ. *Бытъ учащихся въ Новгородской губерніи.* Изданіе Общества взаимопомощи учащихся и учившихъ въ народныхъ училищахъ Новгородской губ. Новгородъ 1907 г. Ц. 30 коп.

Материаломъ изслѣдованія послужили отвѣты учащихся на опросные бланки, разосланные въ 1904/5 уч. году всѣмъ учащимъ свѣтскихъ школъ Новгородской губерніи. «Въ основу составленнаго... бланка былъ положенъ одобренный первымъ Всероссийскимъ съѣздомъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи бланкъ, который былъ дополненъ особымъ отдѣломъ—отношеніе учащихся къ Новгородскому обществу взаимопомощи»... «Изъ числа 1024 учащихся свѣтскихъ школъ Новгородской губерніи 711 лицъ дали отвѣты на предложенные вопросы, что составляетъ 69%. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ данныя въ отвѣтахъ дополняются свѣдѣніями изъ «Сборника статистическихъ данныхъ о начальныхъ народныхъ училищахъ Новг. губ. за 1⁸⁹⁹/₉₀₀ учебный годъ, изд. Губернской земской управы» и «доклада губернской земской управы земскому собранію сессіи 1904/5 учеб. г.»

Въ краткомъ обзорѣ перечислять всѣ многочисленные вопросы нѣтъ надобности: они извѣстны всѣмъ, занимающимся вопросами народнаго образованія, какъ по рѣшеніямъ Всероссийскаго съѣзда, такъ и потому, что и въ другихъ губерніяхъ разсылаются подобные, съ малыми измѣненіями, опросные листки, напр. и въ Вологодской губерніи отъ Об-ва взаимопомощи въ нынѣшнемъ—1907 году.

Вопросы сгруппированны по категоріямъ въ главы; какъ примѣръ привожу содержаніе главы VII, — она-же и болѣе

разработана. Глава VII «Самообразование» — (Общія замѣчанія). «Педагогическіе курсы; учительскіе сѣзды и собранія; школьныя комиссіи; Общеобразовательныя курсы; Библіотеки; газеты и журналы».

Главную плодотворную особенность изложенія можно видѣть въ томъ, что 1) вопросы, объединенные въ главы, имѣютъ предварительныя замѣчанія: какое значеніе данныя отвѣтовъ имѣютъ въ жизни учительскаго персонала; и 2) во многихъ главахъ, послѣ изложенія данныхъ и сравненія ихъ, — приводятся предположенія желательнаго измѣненія постановки положенія учителей—какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ.

Въ этихъ поясненіяхъ и пожеланіяхъ виденъ авторъ хорошо знающій положеніе учителей.

Эта особенность изложенія среди учителей можетъ вызвать непосредственно практическіе результаты даже тѣмъ, что побудить относиться къ опросамъ болѣе внимательно,—какъ имѣющимъ близкую плодотворную цѣль. При опросахъ у насъ рассылаютъ обыкновенно схему вопросовъ, и отвѣты, необязательные, часто не получаютъ,—даже въ разсматриваемой книжкѣ отвѣтовъ получено 69%, т. е. почти треть (31%) учащихся ихъ не дала. Полныя же данныя производятъ болѣе внушительное впечатлѣніе компетентности и на лицъ, имѣющихъ вліяніе на устройство школъ, и тѣмъ ускоряютъ улучшение дѣла. Въ этомъ случаѣ можно вполне согласиться съ заключительными словами брошюры: «улучшеніе быта учащихся Новгородской губерніи *) дѣло грядущаго будущаго. Учащіе сами должны позаботиться о томъ, чтобы это время было не за горами; а тѣ, отъ кого зависитъ это улучшеніе, должны помнить, что только хорошими средствами можно дѣлать великое дѣло—народнаго просвѣщенія». (стр. 97).

Въ своихъ умѣренныхъ пожеланіяхъ улучшеній учительскаго быта авторъ проявляетъ иногда и оптимизмъ; какъ папримѣръ—при пожеланіи большаго развитія уѣздныхъ отдѣленій общества взаимопомощи указываетъ, что «по дѣйствующему уставу членами правленія могутъ быть и члены—соревнователи». (стр. 6). Но на планомѣрную постоянную работу членовъ—соревнователей, какъ членовъ Правленія, много полагаться нельзя и, если есть рѣдкія исключенія, то въ

*) И другихъ. X. II.

общемъ надо имѣть въ виду хоть выводъ въ отчетѣ Правленія Общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ Вологод. губ.: «члены—соревнователи,—эти меценаты учителей... въ лучшемъ случаѣ... относятся къ учащимъ индифферентно»... «учащіе должны помнить, что жизнь и процвѣтаніе О-ва зависитъ отъ нихъ самихъ!» (Отчетъ Об-ва... Вол. губ. за 1906 г., Вологда, 1907, стр. 9).

Самые выводы,—особенно сравнительные, получаютъ проблематичный характеръ, напр. въ главѣ IX—«заключеніе»,—гдѣ авторъ задается вопросомъ: «улучшилось-ли ихъ (учащихъ) положеніе по сравненію съ прошлымъ» и дѣлаетъ выводы по сравненію данныхъ полученныхъ по опросу и данныхъ упомянутаго Сборника Новг. губернской земской управы за 1⁸⁹⁹/₉₀₀ уч. годъ, оперируя такимъ образомъ для сравненія съ двумя неравноцѣнными величинами: одна—официальная—земская;—другая—отвѣты обществу. Неравноцѣнность же ихъ видна сразу, такъ какъ въ «Сборникѣ» сказано, что не вошло въ изслѣдованіе только 0,9⁰/₁₀ школъ, слѣд. вошло 99,1⁰/₁₀₀ (Сборникъ, стр. 1-я Приложенія); а во второй не вошло въ изслѣдованіе 31⁰/₁₀₀ учительскаго персонала (вошло 69⁰/₁₀₀). Отъ того и выводы «заключенія» неопредѣленны. Вѣдь и самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что «незначительное число отвѣтовъ не позволяетъ сдѣлать сколько нибудь опредѣленныхъ выводовъ». (Это о квартирномъ вопросѣ въ быту учащихся помощниковъ и помощницъ, гдѣ изъ 119 лицъ дали отвѣты 33 лица или 28⁰/₁₀₀;—стр. 33).

Къ дефектамъ книжки надо отнести и технику печатанія многихъ числовыхъ данныхъ,—абсолютныхъ и процентныхъ,—не таблицами, а въ текстѣ—сплошными строками; отчего страдает рельефность и наглядность данныхъ, а также сильно затрудняется сопоставленіе данныхъ по разрядамъ въ нихъ комбинаціяхъ при новыхъ предположеніяхъ, могущихъ возникнуть у читателя.

А такъ какъ главный предметъ всей книжки не только быть учащихся Новгор. губ., а принципиальные вопросы, охватывающіе въ совокупности почти всѣ стороны и условія этого быта, иллюстрируемые довольно полно данными быта учителей Новгор. губ., которыя могутъ считаться средне типичными для всѣхъ земскихъ губерній Россіи; то книжкѣ и можно пожелать широкаго распространенія среди учителей и

всѣхъ интересующихся дѣломъ народнаго образованія,—такъ какъ давно сказано, что *учитель душа школы*.

Подъ заглавіемъ напечатано: «Вся прибыль отъ продажи настоящей книги поступить на усиленіе фонда для постройки собственнаго дома подъ общежитіе учительскихъ дѣтей, содержимое Обществомъ взаимопомощи учащихся и учившихъ въ народныхъ училищахъ Новгородской губ.» Нельзя не пожелать успѣха и этому начинанію.

Х. II.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Во имя справедливости прошу Васъ помѣстить въ 3-мъ или 4-мъ отдѣлѣ Вашего журнала мою корреспонденцію, которой я желаю возразить противъ статьи А. Баракшина «изъ записокъ сельскаго учителя», напечатанной въ № 2 «Откликовъ народнаго учителя и его досуговъ».

Текстъ моей корреспонденціи, если найдете нужнымъ, прошу измѣнить по Вашему усмотрѣнію. Имя и фамилію прошу не печатать.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и. т. д.

Къ письму приложена замѣтка, написанная на восьми страницахъ почтовой бумаги малаго формата. Замѣтка эта состоитъ изъ довольно таки страстныхъ и личнаго характера нападокъ на А. Б-на. Не признавая, вслѣдствіе сего, возможнымъ напечатать ее цѣликомъ, мы изложимъ содержаніе ея вкратцѣ.

1. Авторъ замѣтки пропизвируетъ падъ «разочарованіемъ», которое испыталъ г. Б-нъ, «когда при школѣ не оказалось ни одной письменной работы» — старыхъ ученическихъ тетрадей, которыя, навѣрно, израсходованы были на оклейку класса.

2. «Недружелюбное» отношеніе населенія къ г. Б-ну на первыхъ порахъ авторъ замѣтки объясняетъ не тѣмъ, что «народъ извѣрился въ учителей, пріѣзжавшихъ на короткое время», а причинами, ничего общаго съ предшественниками

г. Б-на не имѣвшими и зависѣвшими отъ него самого. Авторъ не находитъ также возможнымъ согласиться, что предшественница г. Б-на была лишена школы за неспособность къ учительству, такъ какъ въ послѣдній годъ у нея было выпущено 8 человѣкъ, а у Б-на первый годъ только 7, хотя онъ и говоритъ о 9.

3. Авторъ замѣтки полагаетъ, что «отдѣльные возгласы, затѣмъ свистки, пѣпіе и наконецъ невообразимый гамъ» — плодъ фантазіи Б-на съ цѣлію рельефнѣе выставить себя съ желаемой стороны, т. е. лучше предшественниковъ.

4. Авторъ категорически отрицаетъ существованіе хора, будто бы устроеннаго г. Б-мъ, и сомнѣвается въ томъ, что г. Б-ну удалось «нѣкоторымъ изъ кончившихъ пайти по просьбѣ ихъ занятія въ разныхъ учрежденіяхъ, магазинахъ и т. п.».

5. Говоря о «постройкѣ новаго школьнаго зданія, стоившаго крестьянскому обществу около 500 руб.» и о томъ, что «чрезъ два года послѣ сего крестьянское общество въ помощь земству на содержаніе училища добровольно дало по 5 коп. съ ревизской души и бесплатное отопленіе училища», г. Б-пъ по мнѣнію автора замѣтки надѣялся, что никто изъ населенія не узнаетъ о томъ, что онъ пишетъ въ своихъ запискахъ, но ошибся: этимъ онъ только напомнилъ населенію о той роспискѣ, кою обязался уплатить обществу изъ своихъ средствъ 25 руб., отпускаемыхъ на училище. Признаемся, мы этого мѣста замѣтки совершенно не понимаемъ: мы никогда еще не слыхали, чтобы учитель обязывался не только учить дѣтей, но и участвовать въ содержаніи училища.

6. Авторъ замѣтки утверждаетъ, что или вечера, о которыхъ говорится на стр. 71 въ № 2 «Откликовъ», — фантазія г. Б-на, или онъ слыхалъ о подобныхъ вечерахъ отъ другихъ учителей

7. Авторъ замѣтки не соглашается съ тѣмъ, что г. Б-нъ не употребляетъ въ школѣ наказаній.

8. Наконецъ имѣется относительно воскресной школы какая-то выходка, которой мы также не поняли.

ПРАВДА - ЛИ?

Высочайше утвержденнымъ 22 апрѣля 1896 года мпѣніемъ Государственнаго Совѣта учреждена въ городскихъ училищахъ должность учителя графическихъ искусствъ, которому присвоена должность XIV класса, содержаніе 375 руб. въ годъ и пенсія 200 руб. въ годъ. Другіе учителя городскихъ училищъ состоятъ въ должности X кл., получаютъ содержаніе 615 руб. въ годъ и пенсію 350 руб. въ годъ.

Во всѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ М. Н. П. уроки графическихъ искусствъ оплачиваются не дороже уроковъ по другимъ учебнымъ предметамъ, такъ какъ занятія рисованіемъ, чистописаніемъ и черченіемъ считаются не труднѣе и не отвѣтственнѣе уроковъ исторіи, географіи, естествовѣдѣнія и т. п.

Предложеніе М. Н. П. 1 марта 1904 года разъясняетъ, что 375 руб. полагается за 12 уроковъ графическихъ искусствъ въ недѣлю и что учителямъ этихъ предметовъ въ городскихъ училищахъ можетъ быть выдаваемо добавочное вознагражденіе изъ специальныхъ средствъ этихъ училищъ въ размѣрѣ 30 руб. за каждый годовой урокъ, который будетъ назначенъ сверхъ 12 уроковъ въ недѣлю по росписанію. Говорятъ, что это распоряженіе не распространяется на другихъ учителей.

Правда-ли это? Тогда получится, что учитель графическихъ искусствъ, пользующійся меньшими служебными правами, можетъ получать содержаніе больше каждаго другого учителя, права котораго по классу должности и пенсіи выше по установленію самого же правительства. Учитель графиче-

ческих искусствъ, дающій 24 урока въ недѣлю, можетъ получать 720 р. содержанія въ годъ, а всякій другой учитель за то же число уроковъ довольствуется положенными ему по штату 615 руб. Нормаленъ ли такой порядокъ или, вѣрнѣе, безпорядокъ?

Прерогативы службы по назначенію отъ правительства заключаются въ правѣ не только на классъ должности и пенсію, но и на соотвѣтствующее содержаніе во время прохожденія самой службы.

Во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ лицо, пользующееся большими служебными правами, получаетъ и большее содержаніе, и наоборотъ. Только въ городскихъ училищахъ, по положенію 1872 года, установился особенный, несогласный съ существующими нормами, порядокъ, если, какъ утверждаютъ, это распоряженіе М. Н. П. 1 марта 1905 г. о размѣрѣ вознагражденія учителей графическихъ искусствъ въ городскихъ училищахъ не распространяется на другихъ учителей тѣхъ же училищъ.

Правда-ли это?

NN.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Приглашаемъ учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) городскихъ по положенію 1872 г. и начальныхъ всѣхъ наименованій училищъ присылать заблаговременно свои статьи по вопросамъ, интересующимъ народнаго учителя, сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народной школы (корреспонденціи), разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, дневники и т. п.

Оффиціально разрѣшенная программа нашего журнала слѣдующая:

1. Правительственныя распоряженія (по низшимъ и начальнымъ училищамъ);

2. Статьи разнаго содержанія по вопросамъ, интересующимъ народнаго учителя;

3. Краткія сообщенія и письма въ редакцію;

4. „Правда-ли?“, отдѣлъ, въ которомъ будутъ помещаться краткія сообщенія о разныхъ ненормальностяхъ въ жизни народной школы;

5. Частныя объявленія.

Предпринимая изданіе журнала, мы имѣли въ виду создать такой органъ, въ которомъ учащіе народной школы могли бы обмѣниваться мыслями, который былъ бы откликомъ *самого* учителя, а не состоялъ изъ статей, написанныхъ для учителя, чтобы учащіе называли его „нашъ журналъ“, „нашъ органъ“. Поэтому за исключеніемъ перваго отдѣла, матеріалъ для котораго будетъ заимствоваться изъ правительственныхъ изданій, и пятаго, гдѣ будутъ печататься объ-

явленія по заказамъ частныхъ лицъ, въ журналѣ будутъ печататься исключительно работы учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ). Отъ постороннихъ лицъ будутъ приниматься лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ уже въ журналѣ статей.

Изъ этого видно, что сдѣлать журналъ живымъ и интереснымъ зависитъ отъ самихъ учащихся. И онъ несомнѣнно сдѣлается живымъ и интереснымъ, если потребность въ подобномъ органѣ дѣйствительно существуетъ, какъ мы предположили, предпринимая изданіе журнала.

При этомъ мы не имѣли въ виду коммерческой цѣли, а лишь оставляемъ за собой роль посредника между учащими и низшей и начальной школы.

Не рассчитывая, вслѣдствіе сего, на значительный притокъ средствъ въ кассу редакціи, мы не публиковали о журналѣ въ газетахъ, такъ какъ для этого потребовались бы значительные расходы, которые могутъ остаться не покрытыми. Но для существованія журнала средства все-таки необходимы, по этому просимъ нашихъ читателей распространять свѣдѣнія о журналѣ (какъ между учащими, такъ и между посторонними лицами) и привлекать къ нему новыхъ подписчиковъ.

Редакторъ-издатель А. Знаменскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Автору „Летучихъ замѣтокъ“. Статья „Годъ въ школѣ грамоты“ нами не была получена. У насъ имѣются только: „Много званыхъ, но мало избранныхъ“ и продолженіе летучихъ замѣтокъ. Будутъ ли онѣ напечатаны и когда именно сказать затрудняемся.

Ваша первая рукопись доставила намъ много хлопотъ: недописанныя слова, пропуски, смѣшеніе того, что назначается лишь для свѣдѣнія редакціи, съ тѣмъ, что подлежитъ напечатанію.—все это крайне затрудняетъ насъ. Просимъ писать разборчивѣе и не оставлять словъ недописанными. Только при этомъ условіи можете рассчитывать на помѣщеніе въ журналѣ Вашихъ работъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ
1907 г. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО- 1907 г.
НАУЧНЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Учитель“.

Журналъ ставитъ своей задачей содѣйствовать объединенію учителей, знакомить ихъ съ дѣятельностью общественныхъ учреждений и союзовъ въ области народнаго образованія, освѣщать нужды учительства и способы ихъ удовлетворенія. Особенное вниманіе будетъ обращено на постановку народнаго образованія въ Россіи и за-границей и теоретическую разработку основъ новой школы.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: I. Народное образованіе въ Россіи.—II. Школа и жизнь:—Вопросы жизни прогрессивнаго учительства, дѣятельность учительскихъ организацій и союзовъ—III. Изъ жизни политическихъ партій и профессиональныхъ союзовъ.—IV. Народное образованіе за-границей.—V. По Россіи—Корреспонденціи народныхъ учителей.—VI. Научная хроника.—VII. Беллетристика.—VIII. Правительственныя распоряженія.—IX. Библиографія:—Обзоръ текущей литературы. Рекомендательные списки книгъ для чтенія, учебниковъ и руководствъ, съ отзывами на нихъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Абрамовъ, И. С., Аникинъ, С. С., Бѣляевская, Ю. А., Верхоянцевъ, С., Душечкинъ, Я. И., Золотаревъ, С. А., Елисѣевъ, Вл., Кирьяковъ, В. В., Лоидисъ, А. П., Мальцевъ, Я. И., Мякотинъ, В. А., Нестеровъ, Н. Ѳ., Овсянниковъ, А. В., Петришевъ, А. Б., Погорѣловъ, А. С., Ремезовъ, И. С., Рубакинъ, Н. А., Русова, С. Ф., Сиговъ, И. С., Сампсоновъ, В. А., Хирьяковъ, А. М., Чернолуцкий, В. И., Чеховъ, Н. В., Шишло, Н. А., Яблоновскій, А. А. и друг.

Ближайшее участіе въ редакціи примутъ: Абрамовъ, И. С., Золотаревъ, С. А., Мальцевъ, Я. И., Нестеровъ, Н. Ѳ., Ремезовъ, Ил. С., и Чеховъ, Н. В.

„УЧИТЕЛЬ“ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой—3 руб. на 4 мѣсяца—1 руб.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ—въ книжн. маг. „ПРОМЕТЕЙ“—Загородный, 28. Иногороднихъ подписчик. проситъ обращаться исключительно въ редакцію: Спб., Николаевская, 84, кв. 9.

Редакторъ-издатель И. С. АБРАМОВЪ.

Во всехъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе

Т-ва И. Д. СЫТИНА

Ежегодникъ вѣтшкольнаго образованія

Подъ редакціей *В. И. Чарюлускаго*

Выпускъ I.

Статьи, обзоры, очерки и матеріалы. Очередныя задачи вѣтшкольнаго образованія въ Россіи.—Лига образованія.—Народн. университеты.—Первый русскій Сетлементъ.—Общества самообразованія.—Рабочіе союзы, потребительн. общества и народн. образованіе.—Взаимопомощь маленькихъ библіотекъ.—Музыкальныя библіотеки.—Просвѣтительн. общества и народн. библіотеки во Франціи, Германіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи.—Общество французскихъ библіотекарей.—Организаціи библіотекарей и работниковъ литературы, искусства и книжнаго дѣла въ Россіи.—Народн. образованіе и организаціи молодежи; союзы бывшихъ учениковъ.—Вѣтшкольн. образованіе, государств. бюджетъ и казенная винная торговля.—Вѣтшкольн. образованіе, вѣдомство православл. исповѣданія и свободныя релігіозныя организаціи.—Казенныя изданія и библіотечное дѣло.—Народн. образованіе въ казакахъ Госуд. Думѣ.—Систематическое домашнее чтеніе.—Народн. дома.—Рабочіе клубы.—Изъ дѣятельности русскихъ просвѣтительн. обществъ.—Международн. учрежденія по вѣтшкольн. образованію.—Изъ хроники общественныхъ библіотекъ.—Уставы общественныхъ и народныхъ библіотекъ—Музеи.—Народныя чтенія—Земства, города и вѣтшкольн. образованіе.—Разныя общества и учрежденія, касающіяся вопросовъ вѣтшкольн. образованія.—Свобода печати въ административн. распоряженіяхъ.—Изъ вѣтшкольнаго образованія въ Россіи и за границей.—Законы, распоряженія и справочныя свѣдѣнія по вѣтшкольн. образованію: печать; собранія и съѣзды; публичн. лекціи; литературы. чтенія; народн. чтенія; общества и союзы; библіотеки; книжная торговля; театр, концерты, вечера и др. увеселенія; уроки для взрослыхъ; выставки; лотереи.—Таблицы: грамотность и образованіе населенія Россіи по первой всеобщей переписи населенія (9 таблицъ); о воскресныхъ школахъ повторительн. классахъ, курсахъ для рабочихъ, народн. чтеніяхъ и публичн. библіотекахъ при училищахъ вѣд. М—а Н. П.; статистика воскресныхъ школъ всѣхъ вѣдѣній; грамотность населенія въ различныхъ странахъ.—Списки: справочно-библіографическіе указатели популярной литературы, книгъ для дѣтскаго чтенія и для школьныхъ библіотекъ (съ характеристиками); государственныя, земскія городскія и обществ. библіотеки; музеи и картинныя галереи; просвѣтительныя и педагогическія общества; общества народн. развлеченій; періодическія изданія по вопросамъ образованія; библіографич. журналы; фирмы наглядныхъ пособій.—Библіографія: общая русскія библіографія; библіограф. работы по народн. образованію; библіографія вѣтшкольн. образованія за 1906 г. Цѣна I руб.